

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYRANIS

ТРУДЫ ОТДЕЛА КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА РАН

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

1

МОСКВА 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
Н99

Редколлегия:

О. М. Ворошилова (секретарь), Н. Д. Двуреченская, А. А. Завойкин,
В. Д. Кузнецов (главный редактор), А. А. Масленников

Ответственные редакторы выпуска:

В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин

Рецензенты:

д. и. н. Е. М. Алексеева

д. и. н. С. Ю. Внуков

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии РАН

Н99 **Hypanis.** Труды отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 1. –
М., 2019. 176 с.: илл.

ISBN 978-5-94375-307-7

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Западного Крыма, Боспора, Абхазии, Средней Азии античной эпохи и раннесредневекового периода истории. В сборнике публикуются материалы исследований, выполненных по преимуществу сотрудниками отдела классической археологии РАН, а также иными специалистами по теме НИР «Античная и средневековая культура Северного Причерноморья и Центральной Азии: археологические источники и исторические реконструкции».

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-307-7

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-307-7

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2019
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А.</i> Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории	5
<i>Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н.</i> Солид Юстиниана I из слоя пожара 6 века в Фанагории	28
<i>Антонов Е. Е.</i> События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам	33
<i>Голофаст Л. А., Ольховский С. В.</i> Комплекс стекла из подводного фундамента в акватории Фанагории	43
<i>Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.</i> Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории в архаический период	73
<i>Завойкина Н. В.</i> Граффито из некрополя поселения «Каменная батарея»	98
<i>Завойкина Н. В., Ольховский С. В.</i> Коммерческая запись из подводных раскопок у мыса Ак-Бурун в Восточном Крыму	105
<i>Кузина Н. В., Масленников А. А.</i> Находки, связанные с морской стихией, из сельских святилищ Крымского Приазовья	110
<i>Никитин А. Б., Гаилов В. А.</i> Селевкидские буллы в Эрмитаже	119
<i>Смирнова Л. О.</i> Датировка усадьбы на городище Хисорак в Таджикистане	142
<i>Требелева Г. В., Шведчикова Т. Ю.</i> Захоронения на территории Маркульского храма	162
<i>Сокращения</i>	174

CONTENTS

<i>Abramzon M. G., Zavoykin A. A., Kuznetsov V. D., Saprykina I. A.</i> Late Archaic and Early Classical Coins from Excavation of Phanagoria	5
<i>Abramzon M. G., Ostapenko S. N.</i> Solidus of Justinian I from the 6 th Century Fire Layer in Phanagoria	28
<i>Antonov E. E.</i> The Events of the Late Scythian History of the North-West Crimea and their Dating According to the Written Sources	33
<i>Golofast L. A., Olkhovskiy S. V.</i> Glass Assemblage from the Underwater Quay in the Harbour of Phanagoria	43
<i>Zavoykin A. A., Kuznetsov V. D.</i> Notes on the Secondary Use of Amphorae in Phanagoria of the Archaic Period	73
<i>Zavoykina N. V.</i> Graffito from the Necropolis 'Kamennaya Batarejka' (Stone Battery)	98
<i>Zavoykina N. V., Olkhovskiy S. V.</i> A Commercial Record from Underwater Excavations by the Ak-Burun Cape in the East Crimea ...	105
<i>Kuzina N. V., Maslennikov A. A.</i> Sea-related Finds from Rural Sanctuaries on the Azov Coast of the Crimea	110
<i>Nikitin A. B., Gaibov V. A.</i> Seleucid Bullae in the State Hermitage Collection	119
<i>Smirnova L. O.</i> The Dating of a Manor at the Site of Hisorak in Tajikistan	142
<i>Trebeleva G. V., Shvedchikova T. Yu.</i> Burials on the Territory of the Markulas Temple	162
<i>Abbreviations</i>	174

М. Г. Абрамзон, А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов, И. А. Сапрыкина

МОНЕТЫ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО И РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

Аннотация. В статье впервые публикуются серебряные монеты конца 6 – середины 5 в. до н.э. из раскопок Фанагории. Этот нумизматический материал имеет важное значение для уточнения датировки слоев поздней архаики – ранней классики на акрополе Фанагории и открытого в них целого ряда объектов – жилищ, общественных зданий, фортификационных сооружений. С другой стороны, археологический контекст находок монет позволяет корректировать хронологию некоторых типов самих монет. Для этих целей особенно важны находки монет, которые происходят из разных уровней жизни общественного здания (294), построенного во второй половине 6 в. до н.э. и с перестройками дожившего до середины 5 в. до н.э. Кроме того, большое значение имеют находки монет в слое разрушения древнейших оборонительных сооружений Фанагории (679), которые погибли ок. 480 г. до н.э. К этому же времени относится клад боспорских серебряных монет, спрятанный под стеной дома (205).

В целом хронология ранних серебряных монет, найденных на раскопе «Верхний город», согласуется с характеристиками этого района города в период поздней архаики – ранней классики (примерно до середины 5 в. до н.э.), что позволяет, опираясь на фанаторийские материалы, четко определить рубеж, отделяющий датировки более поздних монетных типов.

Публикуемая коллекция представляет собой ценный источник информации о денежном обращении ранней Фанагории, а исследование химического состава металла монет дает возможность подойти к решению вопросов об источниках серебра для ранней боспорской чеканки и атрибуции ряда выпусков.

Ключевые слова. Боспор, Фанагория, акрополь, датировка, денежное обращение, монетная чеканка, монетный сплав.

Abstract. The article is the first publication of the 6th – first half of the 5th century B.C. silver coins from excavations at Phanagoria. These numismatic finds are most important for the verification of the date of the Late Archaic and Early Classical layers at the acropolis of Phanagoria and a number of structures discovered there – dwellings, public buildings, fortifications. On the other hand, the archaeological context of numismatic finds allows us to verify the chronology of certain types of coins. Most important in this connection are coin finds from different levels of a public building (294) erected in the second half of the 6th century B.C., which existed, after a number of reconstructions, till the middle of the 5th century B.C. There are also important coin finds from the ruined fortifications of Phanagoria (679) destroyed circa 480 B.C. A hoard of Bosporan silver coins concealed under the wall of a dwelling (205) belongs to the same period. In general, the chronology of early silver coins found in the excavation site «the Upper City» agrees with the features of this area in the Late Archaic and Early Classic times (approximately before 450 B.C.), which allows us to define the border dating later coin types. The collection presented here is a valuable evidence for the currency in early Phanagoria, and the study of the chemical composition of the coin alloy allows us to find out the sources of silver for the Early Bosporos coins and the attribution for a number of issues.

Key-words. Bosporos, Phanagoria, acropolis, dating, currency, coinage, coin alloy.

В настоящей статье впервые публикуются 23 серебряные монеты, относящиеся к периоду от рубежа 6–5 вв.¹ до второй трети 5 в., из раскопок Фанагории. Эти единичные находки весьма важны, с одной стороны, для уточнения датировки слоев архаического и раннеклассического времени, найденных в историческом ядре Фанагории (позднее – акрополе), а также для целого ряда объектов – жилищ, общественных зданий, фортификационных сооружений. С другой стороны, археологический контекст находок монет может послужить опорой для корректировки хронологии самих монет. Кроме того, публикуемая коллекция представляет собой ценный источник информации о денежном обращении ранней Фанагории, а исследование химического состава металла монет дает возможность подойти к решению вопросов об источниках серебра для ранней боспорской чеканки и атрибуции ряда выпусков.

За исключением одной монеты, происходящей из заполнения дромоса погр. 191-XVI/2.1 на Восточном некрополе (№ 16), четырех – из перемешенного слоя на раскопе «Нижний город» (№ 9, 17), а также случайных находок (№ 3, 7), все ранние серебряные монеты фанагорийской коллекции происходят из раскопа «Верхний город». В течение последних полутора десятков лет в историческом ядре города ведутся исследования слоев архаического и раннеклассического времени на большой площади (более 3000 м²). В результате раскопан целый район древнейшего города, застроенный зданиями из сырцового кирпича, разделенный улицами и переулками. Открыты городские кварталы, жилые дома, общественные здания – храмы и не идентифицированные в функциональном отношении постройки, самые ранние из которых датируются временем от середины 6 в.

Эту древнейшую часть Фанагории защищали сырцовые фортификационные сооружения необычной формы, представляющие собой комплекс примыкающих друг к другу помещений, построенных по периметру холма еще в третьей четверти 6 в. Оборонительные сооружения были разрушены и погибли в пожаре около 480 г.² На полу, у стены одного из домов, построенных на их руинах, найден фрагмент мраморной стелы с древнеперсидской надписью. Археологический контекст позволяет относить ее к правлению Ксеркса, сына Дария I. Время гибели оборонительных сооружений Фанагории в целом совпадает со знаменательной для боспорской истории датой – началом правления Археанактидов (Diod. 12.31).³

Другой важный хронологический рубеж в истории открытого раскопками района Фанагории на верхнем плато – пожар около середины 5 в. (а вероятнее – несколько позднее), в котором погибли все без исключения постройки.⁴ Примечательно, что в слое их гибели в большом количестве были найдены бронзовые наконечники стрел⁵, что позволяет с уверенностью говорить о военном характере событий, приведших к разрушениям.⁶ Весьма вероятно, что катастрофа затронула не только акрополь, но и, по крайней мере, центральную часть городской застройки на нижнем плато (в районе «Центрального раскопа» М. М. Кобылиной).⁷

¹ Все даты в статье – до н. э.

² Кузнецов, Никитин 2018, 154; Кузнецов 2018а, 122; Завойкин 2019а, 112–115.

³ Кузнецов 2018б, 167.

⁴ Завойкин 2015, 112–113.

⁵ Наконечники стрел присутствовали и в слое разрушения построек предшествующего периода, ок. 480 г.

⁶ Завойкин, Кузнецов 2013, 167; Кузнецов 2018б, 167.

⁷ Кобылина 1983, 52–53; Завойкин 2019а, 110 слл.

Примечательной стратиграфической чертой слоя, разделяющего эти два катастрофических события на «Верхнем городе» является то, что в интервале между гибелью зданий раннего периода (ок. 480 г.) и новым этапом строительства (реконструкцией) построек, впоследствии разрушенных пожаром конца второй трети 5 в., четко фиксируется перерыв, которому соответствуют недолговечные грунтовые сооружения хозяйственного и/или ремесленного назначения – прямоугольные в плане котлованы. Археологическая их датировка (главным образом, по амфорному материалу) укладывается примерно в десятилетие – от 480 до 470 гг.⁸, хотя реальный временной интервал их бытования, конечно же, мог быть значительно короче.

Культурный слой второй половины 5 в. вследствие последующих перепланировок района сохранился на акрополе Фанагории очень плохо. По сути дела, исключая единственную наземную постройку данного периода⁹, он представлен исключительно в заглубленных относительно древней дневной поверхности объектах – прямоугольных котлованах, аналогичных только что названным более ранним.¹⁰

1. Ранние монеты в археологическом контексте

Совершенно справедливо отмечалось, что отсутствие находок ранних пантикапейских монет *in situ*, в надежно зафиксированном археологическом контексте, затрудняло их привязку к абсолютной хронологической шкале, а клады мало могли помочь в этом вопросе.¹¹ Комплекс с ранними серебряными монетами из Фанагории, имеющий точную хронологию, дает уникальную возможность уточнить датировку анэпиграфных монетных выпусков.

В первую очередь следует отметить находку клада серебряных монет из открытого в слое разрушений ок. 480 г. сырцового дома 205, предположительно принадлежавшего ремесленнику-ювелиру.¹² В северной стене дома на уровне пола был устроен тайник, в котором находился ионийский полосатый кувшинчик, содержащий 162 монеты, отчеканенные в течение первой четверти 5 в.¹³: восемь из них – драхмы, остальные – триболы (гемидрахмы).

Значительный интерес представляют также единичные находки ранних монет из слоя разрушения ряда построек этого района города того же времени и последующего периода – жилых домов и общественных зданий первой половины 5 в.

Монеты из здания 294.

Большое общественное здание 294, построенное во второй половине 6 в. доживает (с перестройками) до катастрофы, которая произошла в середине 5 в., а вероятно несколько позднее: оно – как и все другие постройки этого района – погибает в пожаре. В жизни этого здания выделяется три стратиграфические фазы (строительных периода), в ходе смены которых происходила перепланировка внутреннего пространства, в то время как внешние стены здания последовательно восстанавливались после разрушений на одном и том же месте. По мере перестроек, вызванных теми или иными причинами, повышался уровень полов в помещениях.

⁸ Завойкин 2019б, 241–245, 248–250.

⁹ Это остатки нижних рядов кладки и пола с очагом небольшого храма в антах (см. Кузнецов 2019, 404, 405, рис. 3. 1).

¹⁰ Завойкин 2019б, 245–249. Всего таких котлованов известно на сегодняшний день 6, не считая одного из них, засыпанного в самом начале 4 в. (более поздние объекты такого рода неизвестны, см. Завойкин 2018).

¹¹ Коваленко, Толстиков 2010б, 29.

¹² Кузнецов, Завойкин 2010, 256–265.

¹³ Обоснование датировки следующее: дата катастрофы ок. 480 г. является датой тезаврации. Отталкиваясь от нее и учитывая количество представленных в кладе штемпелей аверсов и реверсов, мы можем утверждать, что время их чеканки составляет суммарно не более четверти века и охватывает отрезок ок. 500–480 гг. К настоящему моменту готовится к печати монография об этом уникальном кладе.

Таблица 1. Хронологическое распределение серебряных монет из объектов и слоя, с ними связанного

№ п/п	Место находки	Номинал монеты и датировка	№ по каталогу
1.	Объект 294, пом. 1+2, под полом 2	Триобол, ок. 505/500–490 гг.	1
2.	Объект 847, пом. 1	Триобол, ок. 490–480 гг.	2
3.	Объект 679, пом. 4, ЮВ угол	Гемиобол, ок. 490–480 гг.	4
4.	Объект 205, под северной стеной пом. 1.	Клад, ок. 480 г.	–
5.	Слой, кв. 32/33, шт. 25	Обол, ок. 480–470 гг.	22
6.	Слой, кв. 126, под сырцовою стеной в слое пожара (со стороны ямы 857)	Гемитетартеморий, ок. 480–450 гг.	23
7.	Слой, кв. 33, шт. 25	Триобол, ок. 480–460 гг.	5
8.	Слой, кв. 33, шт. 25	Гемиобол, ок. 480–450 гг.	12
9.	Слой, кв. 49, шт. 19	Триобол, ок. 480–460 гг.	6
10.	Объект 294, пом. 1+2, под полом 2 (кв. 49)	Триобол, ок. 480–460 гг.	8
11.	Объект 679, пом. 1, расчистка стены 679/1	Гемиобол, ок. 480–450 гг.	10
12.	Яма 707	Тетартеморий, ок. 480–450 гг.	11
13.	Яма 765	Гемиобол, ок. 480–450 гг.	13
14.	Слой, кв. 55, шт. 19, под об. 802, пом. 1, в котловане (?)	Гемиобол, ок. 480–450 гг.	14
15.	Объект 294, пом. 1+2, под полом 2 (кв. 34, шт. 19)	Диобол, ок. 460–440 гг.	19
16.	Объект 294, пом. 1+2, уровень пола 2 (кв. 49, шт. 18)	Диобол, ок. 460–440 гг.	20
17.	Слой, кв. 120, шт. 15	Диобол, ок. 460–440 гг.	18
18.	Помещение 12, расчистка пола (пл. IX)	Гемиобол, ок. 460–440 гг.	21

Сохранность древнейшего здания (294-I, первый период), построенного на материковом песке целиком из сырцового кирпича, очень плохая. Можно лишь осторожно предполагать, что оно (как и здание следующего периода) состояло из трех помещений, вытянутых в ряд с юга на север (с небольшим отклонением к западу). От него в северной части комплекса сохранились только остатки восточной стены¹⁴ (с обмазкой по внутренней поверхности) и глиняный пол в южной половине помещения 1+2¹⁵, поверхность которого соответствует уровню подошвы камней фундамента стен (294/1 и 294/3) второго строительного периода.

В какой-то момент времени здание было разрушено. Завалы сырцовых стен заполнили внутреннее пространство помещений (остатки упавших плашмя кладок хорошо прослежены над полом 3 в южной части помещения 1+2). Некоторое время на руинах постройки осуществлялась какая-то деятельность, следы которой были обнаружены в толще развала стен (ок. 0,30 м) между полами 3 и 2 (последний относится уже к следующему периоду жизни здания). Это серия небольших ямок с обожженными стенками и дном, заполненных продуктами горения, в одной из них обнаружен развал конструкции из верхней части «протофасосской» амфоры, и др.¹⁶

¹⁴ Ее остатки (до 3 рядов кладки кирпича) прослеживались под каменным фундаментом стены 294/1 (см. Кузнецов 2011, 128, 129, рис. 13).

¹⁵ Впоследствии это помещение было разделено на два – 1 и 2. Поскольку в ходе раскопок первоначально было открыто именно такое членение внутреннего пространства этой части здания, ради того, чтобы не менять нумерацию южной пары помещений (3 и 4), раннему северному помещению было присвоено наименование «1+2».

¹⁶ См. статью А. А. Завойкина и В. Д. Кузнецова в настоящем сборнике.

Здание второго периода его истории (294-II) сохранилось гораздо лучше. Реконструкция его планировки больших затруднений не вызывает. Общая площадь постройки превышала 120 м². Наибольшее по размеру северное помещение 1+2 имело внутреннюю площадь ок. 46 м² (8×6 м – С–Ю×3–В). Очевидно, что в функциональном отношении это помещение было главным. Пол (2) в помещении был глиняным – сnivelированная поверхность нижележащего завала сырцов, на которой образовалась «хоженная поверхность». Вход в него располагался с запада, точно по центру западной стены. К входу вела каменная лестница. С юга к этому большому помещению примыкал блок из двух меньших по размеру помещений – 3 и 4, разделенных стеной-перегородкой.¹⁷ На полах внутри этих небольших помещений зафиксированы глинобитные очаги. Они имели не хозяйственное назначение, но были очагами-гестиями. Дверные проемы в помещениях располагались с запада и вели на площадь.

В какой-то момент в первоначальную планировку были внесены коррективы: большое прямоугольное северное помещение разделили на два (1 и 2). Первое из них получилось почти квадратным (30,8 м²), второе – узким прямоугольным (12 м²), вытянутым с запада на восток.

Весьма любопытной и не вполне понятой особенностью конструкции здания этого периода является то, что общая для всех помещений восточная стена, а также стена-перегородка между главным помещением (1+2) и смежным с ним помещением 3 были построены на каменном фундаменте. При этом фундаменты северной половины восточной стены (принадлежащая помещению 1+2) и перегородка имели стандартную ширину 0,60–0,65 м, т. е. были рассчитаны на сырцовую кладку в один ряд кирпича. В то же время фундамент южной половины восточной стены (относящаяся к помещениям 3 и 4) был вдвое шире (1,10–1,20 м). Дать логическое объяснение такому соотношению параметров стен пока не представляется возможным.¹⁸

После того, как здание второго периода было разрушено (сохранившийся между полами 2 и 1 слой разрушения достигал ок. 0,30 м), над его руинами было отстроено новое (294-II, третий период) в прежних границах.

Такова в общих чертах стратиграфическая и планиграфическая характеристики объекта. Теперь необходимо посмотреть, каким образом распределяются монетные находки, с ним связанные.

Под полом 2 помещения 1+2 найдены два триобола. Один из них датируется самым началом 5 в.¹⁹ (№ 1; рис. 1. 1)²⁰, второй – очень плохой сохранности²¹ – не позднее 490–480 г. Диобол (№ 8; рис. 1. 8), найденный в том же контексте, датируется ок. 480–460 гг.²² К тому же времени относится и триобол № 6 (рис. 1. 6), из того же слоя, который к объекту 294 может быть отнесен лишь предположительно. Наконец, под полом 2 была обнаружена самая поздняя монета – диобол со звездой в одном из квадратов (№ 19; рис. 2. 19) ок. 460–440 гг.²³

¹⁷ Восточный фас всех трех помещений располагался на одной линии, а западные фасы помещений 3 и 4 относительно западного фаса помещения 1+2 «смещены» к востоку на 1,43 м, образуя своего рода уступ – внутренний угол.

¹⁸ См. преждевременную попытку одного из авторов, попытавшегося искать объяснение в области фортификации – Завойкин 2009, 129–131.

¹⁹ Предложенная датировка определяется тем, что данный экземпляр имеет точную аналогию среди триоболов ранней из двух групп, представленных в Фанагорийском кладе, которую мы датируем этим отрезком времени, отталкиваясь от представленных в ней более архаичных форм вдавненного квадрата.

²⁰ С высокой степенью вероятности можно считать, что эта монета, найденная в 2014 г., относится к зданию I периода, поскольку располагалась если не на самом полу 3, то на его уровне.

²¹ В каталоге не учтен.

²² Диобол чеканен по персидской системе и, следовательно, выпущен после 480 г. По более раннему стилю головы льва такие монеты древнее других экземпляров с аналогичным квадратом в виде свастики (квадратом с таблетками) (см. № 17, 18). Мы суммарно датируем все триоболы и диоболы с квадратом с таблетками ок. 480–460 гг. В. А. Анохин разделяет их на две серии: ранние – ок. 480–470 гг., более поздние – ок. 470–460 гг. (Анохин 1986, № 11, 15). С. А. Коваленко и В. П. Толстиков (2010б, 33) предположили, что монеты этого типа чеканились несколько ранее 490–489 гг., но фанагорийские находки показывают, что они биты после 480 г.

²³ С. А. Коваленко и В. П. Толстиков (2010б, 48) справедливо отмечают близость головы льва на аверсе этих монет выпускам чеканки Регия 461–445 гг. Соответственно, вполне возможно предполагать для боспорских монет дату ок. 460–440 гг.

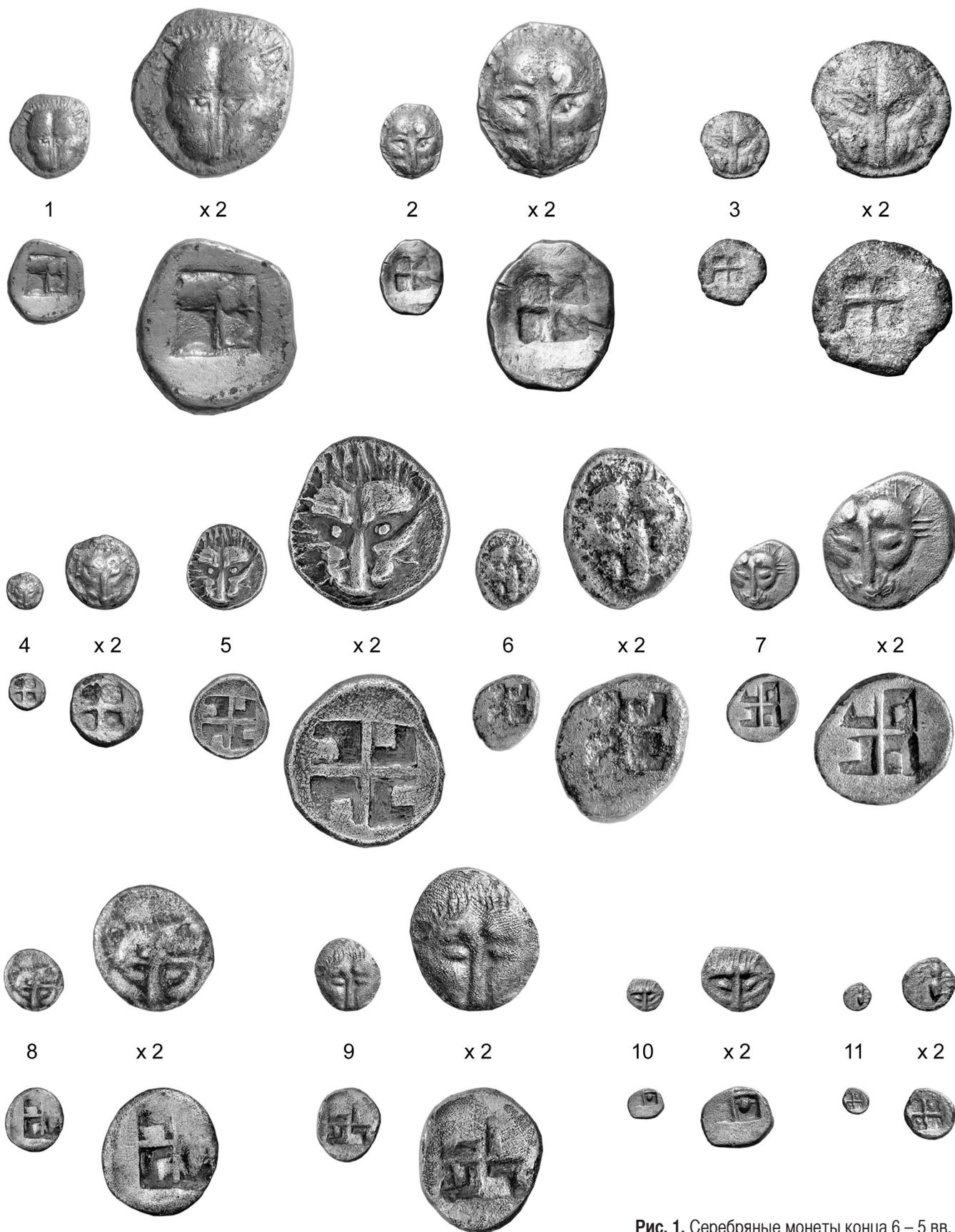

Рис. 1. Серебряные монеты конца 6 – 5 вв.

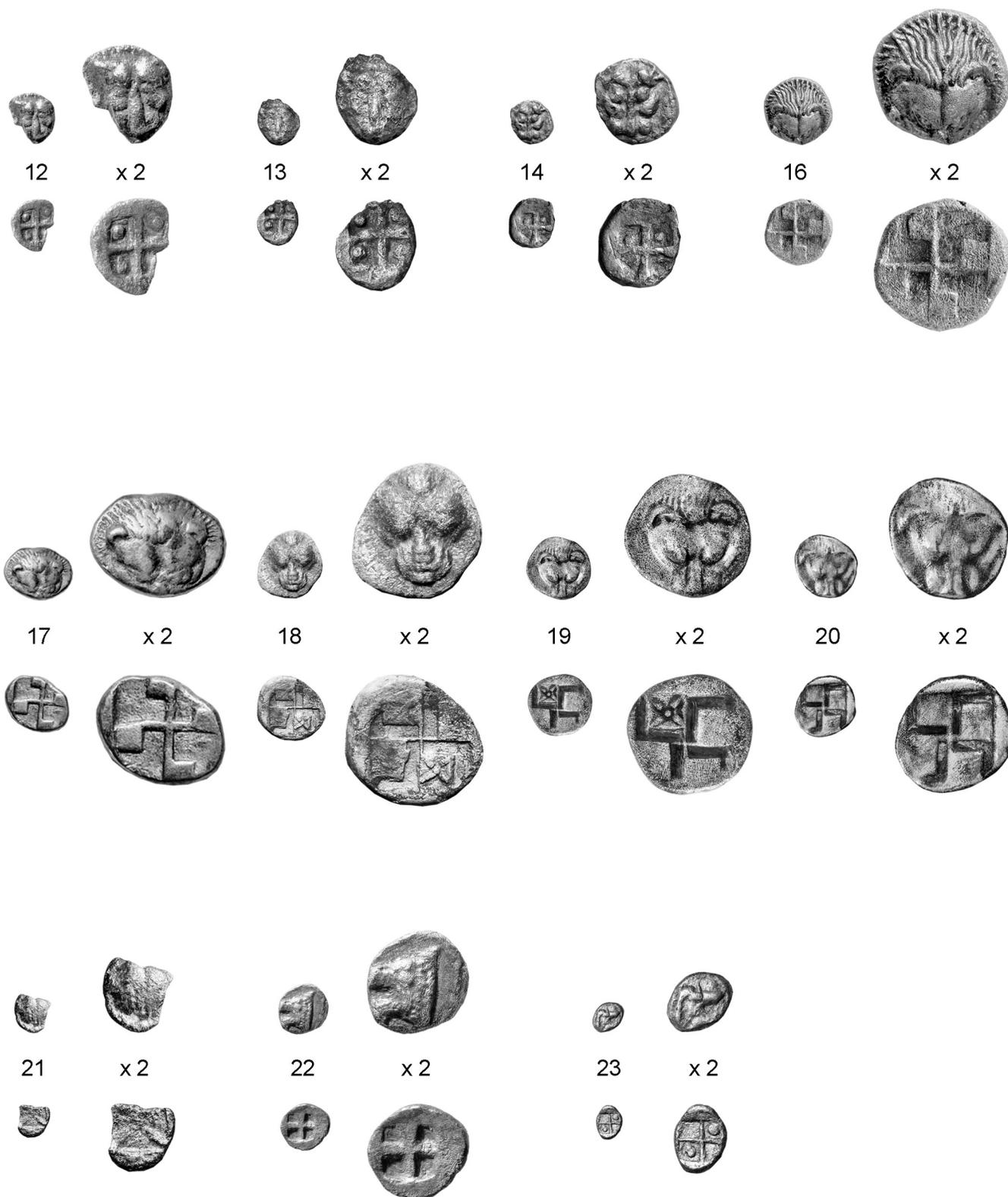

Рис. 2. Серебряные монеты Боспора Киммерийского и Ионии (?) ок. 480–440 гг.

На полу 2 помещения 1+2 зафиксирована единственная монета – это диобол того же типа (№ 20; рис. 2. 20).

Каким же образом можно интерпретировать полученную картину распределения монетных находок в контексте здания 294? В слое между полами зданий первого и второго периодов могут быть представлены монеты времени жизни²⁴ и гибели наиболее раннего здания. Кроме того, еще и временного интервала, отделяющего гибель здания 294-I от строительства здания 294-II, который представлен «горелыми» ямками, прорезавшими руины ранних сырцовых стен. Было бы логично предположить, что этот интервал между двумя строительными периодами синхронен бытованию здесь объектов, которые никак не могли сосуществовать с общественными зданиями, – нескольких котлованов, располагавшихся в непосредственной близости от здания 294, к западу и востоку от него. Но эти недолговечные сооружения эксплуатировались, как надежно установлено анализом амфорной тары, примерно между 480–470 гг. (т. е. сразу после пожара ок. 480 г.) Но в то же время, общепринятая датировка монет, найденных под полом 2 (здания 294-II) и на этом полу, не может быть отодвинута ко времени раньше 460 г. Таким образом, мы оказываемся перед альтернативой: либо необходимо омолодить датировку амфор (и, соответственно, котлованов) до 460 г., либо, напротив, датировку диоболов типа «голова льва в фас/вдавленный квадрат, разделенный на четыре равные части, в одной из которых четырехлучевая звезда»²⁵ удревнить, как минимум, на десятилетие. В том и другом случае передвижки неизбежно повлекут за собой «смещения» по всей хронологической шкале. Притом не будем забывать, что общепринятые датировки монет (независимо от их точности) отражают время их чеканки, без учета последующего времени, когда эти монеты могли находиться в обороте (значительно более длительном, насколько – точно установить невозможно).

Поскольку археологическая датировка гибели фанагорийских зданий в пожаре ок. середины 5 в. базируется, прежде всего, на анализе амфорного материала (и в первую очередь – керамической тары Хиоса), стоит уделить более пристальное внимание «реперному» в хронологическом отношении комплексу – керамике из колодца афинской агоры (N 7:3), в котором представлены хиосские амфоры финального этапа развития «ранних пухлогорлых».²⁶ Основная масса находок из этого колодца датируется десятилетием ок. 460–450 гг. Однако в нем имелось и несколько находок более позднего времени: фрагмент краснофигурной амфоры Barclay Painter, ок. 450–440 гг., и остракон Перикла, сына Ксантиппа, который довольно уверенно относят к остракофории 443 г. (хотя не исключают полностью и более раннюю дату этого события).²⁷

Некоторые фрагментированные хиосские амфоры²⁸ из слоя пожара в Фанагории по своей морфологии могут быть соотнесены с амфорой из афинского колодца. И это позволяет ставить вопрос о возможности датировать катастрофические события на «Верхнем городе» примерно десятилетием позже, чем ранее считалось.²⁹ В таком случае более кор-

²⁴ С учетом того, что древнейшее здание было построено раньше, чем началась чеканка монеты.

²⁵ Frolova 2004, Nr. 215. На монетах видна одна звезда, что позволило Н.А. Фроловой выделить их в отдельный тип. Другие исследователи считают, что этот вариант связан с износом или засорением штампа.

²⁶ Boulter 1953, 104, no. 150, pl. 39.

²⁷ Ibid., 61, 63–64, 99, nos. 3, 131, pls. 22, 38. Существенный момент для датировки – отсутствие среди многочисленной чернолаковой керамики хотя бы одного фрагмента, декорированного врезным или штампованным орнаментом (как и в слое пожара на «Верхнем городе» Фанагории).

²⁸ Например, см.: Завойкин 2019, рис. 1. 4. Наряду с ними в комплексах разрушения присутствуют и тарные сосуды этого центра производства явно более раннего времени.

²⁹ См. Завойкин 2015, 112–113 (ок. 460–450 гг.).

ректной датой будет – ок. 460–440 гг., что в целом соответствует датировке наиболее поздних монет из верхних горизонтов здания 294.

Объект 802

Стратиграфическая связь одной из монет с домом 802, который функционировал примерно с последней трети 6 в. до 480 г. остается неясной. Речь идет о гемиоболе с четырьмя точками в секторах вдавленного квадрата (№ 14, рис. 2. 14), который датируется временем ок. 480–460 гг.

Объект 847

При расчистке помещения 1 здания 847³⁰, построенного из сырцового кирпича, был найден триобол (№ 2; рис. 1. 2), выпущенный ок. 490–480 гг. К сожалению, сохранность этого весьма специфического по своей архитектуре объекта не дает никаких оснований для дополнительных хронологических наблюдений.

Объект 679.

При исследовании древнейших оборонительных сооружений Фанагории, построенных в третьей четверти 6 в. и разрушенных, по археологическим данным, на рубеже второго и третьего десятилетий 5 в. (ок. 480 г.)³¹ были найдены две серебряные монеты.

Первая из них обнаружена на полу одного из помещений³², которые составляли оборонительные сооружения Фанагории (в ЮВ углу помещения 4). Это гемиобол ок. 490–480 гг. (№ 4; рис. 1. 4), который дает *terminus post quem* для определения времени разрушения городских укреплений. Вторая монета найдена при расчистке северной стены в другой «башне» (помещение 1) фортификационных сооружений. Она представляет собой гемиобол с двумя точками во вдавленном квадрате (№ 10; рис. 1. 10)³³, который датируется интервалом времени между 480 и 450 гг.³⁴

В связи с ранними оборонительными сооружениями города стоит упомянуть еще две монеты, отношение которых к данному объекту не очевидно. Это гемиобол (№ 13; рис. 2. 13) того же времени, что и последний упомянутый выше (но с четырьмя точками на реверсе, вместо двух).³⁵ Он найден в яме 4–5 вв. н.э., пробившей одну из стен укреплений и восточную часть помещения 4. Менее вероятно хронологическое соотношение с укреплениями диоболом с «вдавленным квадратом, разделенным на четыре равных части, в двух из которых по диагонали – четырехлучевые звезды» (№ 18; рис. 2. 18), датированного ок. 460–440 гг.³⁶ Эта монета была обнаружена к востоку от помещения 1.³⁷

Помещение 12 (пл. IX).

Во время работ на раскопе «Верхний город» в 1980 г. (раскопки В. С. Долгорукова) при расчистке пола однокомнатного дома («пом. 12») найден гемиобол типа «голова льва/вдавленный квадрат с четырехлучевой звездой и точками между лучами», датированный ок. 460–440 гг.³⁸ (№ 21; рис. 2. 21), – одна из трех самых поздних монет в публикуемой группе. Для датировки этого дома на заглубленном в материк каменном фундаменте важна красноглиняная лесбосская амфора («со стаканообразной ножкой») с отбитым горлом, зафиксированная *in situ* вкопанной в ЮВ углу

³⁰ Оно состояло, по крайней мере из двух помещений: большая часть помещения 1 уничтожена поздними ямами; западная часть помещения 2 осталась за пределами раскопа.

³¹ См.: Кузнецов 2018а, 122–123, рис. 4; 2018б, 166–167; Завойкин 2019а, 112–115.

³² Эти помещения напоминают башни, разделенные смежными стенами.

³³ Отпечатались только одна точка.

³⁴ Гемиобол (или тетартеморий, по определению С. А. Коваленко и В. П. Толстикова) с двумя точками впервые был найден *in situ* в Пантикапее. Археологический контекст подтверждает, что начало второй четверти 5 в. н.э. может рассматриваться как *terminus post quem* для чеканки монет этого типа (см. Коваленко, Толстиков 2010б, 29–31). Гемиоболы с двумя точками являются одними из самых многочисленных среди мелких номиналов раннего пантикапейского серебра. Они чеканились довольно долго, о чем свидетельствует разнотипность их аверсов (см. Голенко 1974, 69–70). Несмотря на попытку разделить эти монеты в связи с большой разницей в весе на гемиоболы, тетартемории и гемитетартемории (Frolova 2004, 20–21), учитывая их однотипность, следует считать, что все они принадлежат к одному номиналу и являются гемиоболом (Голенко 1974, 69). Предлагаются различные датировки этих монет, в том числе: 470–460 гг. (Анохин 1986, № 17), 475–450 гг. (Frolova 2004, 20), 475–460 гг. (Абрамзон и др. 2018, 18), конец 480-х – конец первой четверти V в. (Терещенко 2009, 48), и т. д.

³⁵ В. А. Анохин (1986, № 12) полагал, что выпуск гемиоболов с четырьмя точками, предшествовал выпуску гемиоболов с двумя точками, и датировал их 480–470 гг. С. А. Коваленко вслед за Н. А. Фроловой относил гемиоболы к 5-му пантикапейскому выпуску, следующему за монетами с двумя точками (см. Коваленко, Толстиков 2010б, 28, табл. II. 48).

³⁶ См. прим. 23.

³⁷ Крепостные стены были построены вдоль самой кромки обрыва верхнего плато, к востоку от них (ниже по склону холма) располагались не только развалы рушенного сырца оборонительных сооружений, но и более поздние отложения. Поэтому говорить сколько-нибудь уверенно о связи этой монеты с жизнью фортификационного объекта невозможно.

³⁸ В. А. Анохин (1986, № 24) датирует данный тип 460–450 гг., Н. А. Фролова (1996, 58) – серединой 5 в., С. А. Коваленко и В. П. Толстиков (2010б, 48) – также серединой 5 в., полагая, что этот выпуск был связан с возобновлением работы пантикапейского монетного двора в новый строительный период, начавшийся в середине столетия; они отмечают близость этих монет выпускам Регия, чеканенным после 461 г. Можно также отметить безусловное сходство реверсов этих боспорских гемиоболов и гемиоболов неопределенного центра Ионии с четырехлучевой звездой и точками между лучами, выпускавшихся после 440 г. (http://www.wildwinds.com/coins/greece/ionia/uncertain/Petrov_693.txt).

³⁹ Долгоруков 1981, 7.

помещения.³⁹ Ее датировка – не позднее 480 г. Упомянутые в отчете обломки «протофасосских» амфор (к сожалению, не иллюстрированы, как и другие находки) в принципе допускают и несколько более позднюю датировку (середина 5 в.).

Монеты из слоя.

Небольшая компактная в хронологическом отношении группа монет (3 экз.) была найдена на ограниченной площади (кв. 33–32): к западу (№ 5, 12; рис. 1. 5, 12) и югу (№ 22; рис. 2. 22) от подвала 266. Первые две монеты – боспорские (триобол и гемибол), датируются ок. 480–460 гг.; третья – обол неустановленного ионийского (?) центра ок. 480–470 гг. (о нем см. ниже).

Слой, в котором найдены монеты, мог быть связан с разрушением сырцовых стен наземной части дома с подвалом. Этот подвал пробил остатки юго-западной части древнейшего в Фанагории общественного здания (300), которое датируется второй половиной 6 – первыми двумя десятилетиями 5 вв.⁴⁰ На наш взгляд, не менее вероятно, что рассматриваемые монеты имеют непосредственное отношение именно к этому раннему зданию, поскольку зафиксированный в нем уровень полов лежит в том же горизонте, что и уровень дневной поверхности дома с подвалом (266).⁴¹

Таким образом, хронология ранних серебряных монет, найденных на «Верхнем городе» Фанагории, в целом согласуется с характеристиками этого района города в период поздней архаики – ранней классики. Все представленные в данной коллекции монеты – анэпиграфные и найдены *in situ* в комплексе, имеющем точную датировку, ограниченную двумя очень крупными историческими событиями: разрушением города ок. 480 г. во время прихода к власти Археанактидов при поддержке персов и изменениях в политической структуре Боспора Киммерийского в результате экспедиции Перикла в Черное море.⁴² Коллекция четко делится на две хронологические группы: 1) рубеж 6 и 5 вв. – 480 г.; 2) ок. 480–440 гг. Твердо установленным фактом принципиального значения является смена весовых норм боспорской монеты после 480 г. – персидская вместо эгинской (см. ниже). Навряд ли можно сомневаться в том, что такая инновация в монетном деле имела под собой очень серьезные причины.

Еще раз обратим внимание, что все эти монеты не имеют надписей. Сокращения ПА, АП, ПАН, ПАНТИ, АПОЛ появляются, как мы постарались показать, после примерно 440 г.⁴³ В связи с этим можно полагать, что смена монетного типа (появлении этникаона), – как и стандарта в 480 г., – связана с важными политическими событиями в истории эмитента.

2. Монеты неизвестного центра(-ов) (Иония, фрако-македонский регион или Боспор)

Кроме ранних пантикапейских монет публикуемые материалы включают и серебро неустановленных центров. Важную находку представляет серебряный обол ионийского (?) центра типа «голова льва с раскрытой пастью влево/вдавленный квадрат, разделенный на четыре части»

³⁹ Долгоруков 1981, 7.

⁴⁰ Завойкин, Кузнецов 2011, 188 слл.

⁴¹ Эта ситуация объясняется значительным понижением на данном участке поверхности материка к С–СЗ.

⁴² См. Кузнецов 2018б, 167 слл., 175–180.

⁴³ В целом, с корректировкой, можно согласится с датировкой монет с надписями, предложенной Н. А. Фроловой (1996, 60–63, 65), которая отнесла выпуски ПАН и ПАНТИ вплоть до конца 5 в., а АПОЛ – к последней четверти столетия.

(рис. 2. 22). В Фанагории такие монеты были зарегистрированы и ранее.⁴⁴ Они встречаются и на поселениях Таманского п-ова (например, Голубицкая 2).⁴⁵ На Европейском Боспоре известны находки тригемиобола⁴⁶ и обол⁴⁷ того же типа, датируемых издателями 510–480 гг., а также монеты с головой льва вправо.⁴⁸ Иногда данные монеты бездоказательно приписываются чеканке неизвестного боспорского центра или Гермонассы.⁴⁹ Между тем, точно такие же монеты входили в состав клада 1867 г. из Ориоля в Галлии, содержавшего ранние мелкие серебряные номиналы Массалии, Велии, Фокеи, Эгины, Митилены и неопределенных центров Ионии.⁵⁰ Э. Бабелон датировал подобные монеты 480–470 гг.⁵¹ Находки таких монет на Боспоре, и в частности в Фанагории, подтверждают ионийское происхождение данной группы монет, занесенных в регион ионийцами-колонистами и торговцами. Монеты с головой льва вправо и вдавленным квадратом, разделенным на четыре части, скорее всего, поступали из фрако-македонского региона.⁵² Серебро монет со львом в профиль по микропримесям заметно отличается от боспорских (см. ниже).

Не менее интересную находку представляет гемитетартеморий типа «голова льва с раскрытой пастью вправо/вдавленный квадрат с двумя точками», найденный в кв. 126 (рис. 2. 23). К сожалению, стратиграфия находки не позволяет уточнить ее датировку. По мнению авторов Каталога-архива «Монеты Боспора», публикующих монету, битую общим с фанагорийским экземпляром штемпелем аверса, дата выпуска – ок. 490–470 гг., место чеканки – предположительно Нимфей.⁵³ В. А. Анохин, тоже без всяких аргументов, относит такой тип к чекану Гермонассы и датирует его ок. 480–470 гг.⁵⁴

Вопрос места чеканки второй монеты остается открытым. Точные аналогии среди монет Ионии, Мезии, Фракии, Фессалии подобрать не удастся. В любом случае, оба выпуска впервые найдены в археологическом контексте, причем обол – вместе с типами ок. 480–470 гг. (см. табл. 1. 5; 2. 12).

3. Новые данные о денежной системе Боспора

Несмотря на неважную сохранность самых ранних монет из объектов 294 и 847, как показывает вес триоболов хорошей сохранности из клада 2005 г., битых теми же парами штемпелей, что и данные экземпляры, эти монеты отчеканены по эгинской весовой системе. Именно такие триоболы образуют основную массу на боспорском денежном рынке с конца 6 в. по приблизительно 480 г. По мнению некоторых исследователей, их выпуск предназначался главным образом для повседневных расчетов с работниками в период масштабного строительства, развернувшегося в то время в Пантикапее (одна из самых крупных построек в городе – храм Аполлона, сооруженный между 500 и 485 гг.).⁵⁵ Однако с такой точкой зрения согласиться довольно трудно. Дело в том, что монета не могла быть чеканена просто по какому-то поводу. Для ее хождения должна быть уверенность в том, что она будет принята для расчетов другими участниками рынка.

⁴⁴ Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев 2011, 138, рис. 10. 1.

⁴⁵ Абрамзон 2010, 488, табл. II. 4; Строкин 2010, 452, рис. 2. 2.

⁴⁶ Каталог-архив «Монеты Боспора». <https://bosporan-kingdom.com/000-1207/1.html>.

⁴⁷ Там же. <https://bosporan-kingdom.com/000-1136/1.html>.

⁴⁸ Там же. <https://bosporan-kingdom.com/000-1136/1.html>; <https://bosporan-kingdom.com/000-1217/1.html> и т. д. Такие же точно монеты относят к неопределенным фрако-македонским выпускам начала 5 в. Ср. CNG Mail bid sale #58, 18 Sept 2001, lot 346.

⁴⁹ Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев 2011, 133; Мельников 2014, 74–80, табл. III. 45–49. № 49.

⁵⁰ IGCH 2352 (с библиографией).

⁵¹ Babelon 1907, II/1, no. 2434; LXXXI. 31–34.

⁵² Многочисленные монеты такого типа фигурируют на аукционах как деньги фрако-македонского региона. Ср., например: 1) http://www.wildwinds.com/coins/greece/thrace_macedonian_tribes/Tzamaliss_52cf.jpg; 2) http://www.wildwinds.com/coins/greece/thrace_macedonian_tribes/tetartemorian.jpg; 3) <https://www.deamoneta.com/auctions/view/140/28>; 4) https://www.coincommunity.com/forum/topic.asp?TOPIC_ID=304592.

⁵³ <https://bosporan-kingdom.com/000-2124/4.html>.

⁵⁴ Анохин 2011, № 1158.

⁵⁵ Коваленко, Толстиков 2010а, 31–59; 2010б, 23–50.

В противном случае пантикапейские строители не могли бы расплатиться полученными деньгами, например, на агоре. По этой причине был необходим некий договор между этими участниками, чтобы монета могла выступать в качестве средства платежа.⁵⁶ Позднее ситуация в денежном обращении Боспора меняется, и до конца 5 в. будут доминировать мелкие фракции пантикапейской драхмы.

Это изменение ситуации демонстрирует следующая, многочисленная группа ранних серебряных монет из публикуемой коллекции – триоболы и диоболы со вдавленным квадратом с четырьмя таблетками⁵⁷, гемиоболы с головой льва и тетартемории с типом муравья на л.с. (рис. 1. 5–11). Они чеканились после 480 г. уже по персидскому стандарту. В коллекции представлены тригемиобол и тетартеморий со вдавленным квадратом с двумя точками⁵⁸ (рис. 1. 10, 11) и гемиоболы с четырьмя точками⁵⁹ (рис. 2. 12–14).

К периоду ок. 460–440 гг. относятся диоболы, на обороте которых помещена звезда на одной из четырех таблеток⁶⁰ (рис. 2. 18–20), и гемиобол с головой льва и четырехлучевой звездой во вдавленном квадрате на реверсе⁶¹ (рис. 2. 21).

4. Исследование химического состава металла серебряных монет

Исследование химического состава металла публикуемых монет по методу безэталоного РФА проводилось в лаборатории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» в 2018–2019 гг. Аналитическая выборка включала 21 монету; все монеты предварительно прошли реставрационную очистку поверхности до «живого» металла. Анализ выполнялся на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker); методика измерений опубликована.⁶² Статистическая обработка полученных результатов проводилась на основе средних значений. Содержание серебра в исследуемых монетах варьирует в пределах от 61,62 до 99,34% (Прилож. 2), максимальное количество проб серебра приходится на 920 и 950. Следует отметить, что боспорские монеты первой половины 5 в. по содержанию серебра оказываются более близки к коринфским, теринским, фессалийским и другим выпускам, но не к афинским.⁶³ Обращают на себя внимание вариации в содержании микропримесей в серебре монет: судя по результатам анализа по методу РФА и статистическим данным, они более «загрязнены» медью⁶⁴, свинцом, висмутом и золотом, чем монеты последующих периодов (Прилож. 2. 1–10). Все эти элементы можно отнести к «главной группе» рудных примесей. Содержание свинца здесь достигает крайне высокой степени и составляет 0,17–4,26%, что косвенно свидетельствует о недостаточной очистке руды перед выплавкой.⁶⁵ Наивысшее содержание (в среднем⁶⁶) свинца показывают следующие монеты первой половины 5 в.: № 3 (1,79%), 6 (1,23%), 7 (2,01%), 12 (1,18%), 18 (3,52%), 19 (2,75%).

Присутствующие в серебре боспорских монет золото (в концентрации от 0,03 до 2,14%) и висмут, а также олово и цинк происходят из так

⁵⁶ Melitz 2016, 83–103.

⁵⁷ Анохин 2011, № 964, 967.

⁵⁸ Анохин 1986, № 14; *SNG Stanc.* 514. В. А. Анохин без объяснений отнес монеты «голова льва/вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, с двумя точками» к чекану храма Аполлона в Пантикапее ок. 470–460 гг. О. Н. Мельников (2009, 58, № 51) полагает, что это тритетартеморий Аполлолийского союза, чеканенный в Гермонассе.

⁵⁹ Анохин 2011, № 968.

⁶⁰ Frolova 2004, Nr. 215.

⁶¹ Ibid., Nr. 211. В. А. Анохин (1986, № 24) этот выпуск без аргументации относит к чеканке храма Аполлона в Пантикапее.

⁶² Сапрыкина, Гунчина 2017, 272–274, табл. 1.

⁶³ Ср.: Caley 1964, 78, tabl. 27; McKerrell et al. 1972, 195.

⁶⁴ По мнению исследователей, содержание меди в серебре монет свыше 1% свидетельствует о его преднамеренном введении в металл монет (Vuccolieri et al. 2014, 9). В нашем случае можно говорить о намеренном введении меди в серебро монет № 9, 12, 17, 18, 24, 26 и 32.

⁶⁵ Civici et al. 2007, 418.

⁶⁶ По данным Т. Н. Смекаловой и Ю. Л. Дюкова (2001, 19), содержание свинца в пантикапейских монетах 6–4 вв. составляло в среднем около 1%.

называемых «материнских руд». Такое серебро, обогащенное золотом, висмутом и оловом, было использовано, к примеру, при чеканке монет иллирийского региона, большое количество находок которых концентрируются, как считают исследователи, около серебряных рудников южного Косово.⁶⁷ Максимальное количество золота содержат самый ранний (ок. 500–490 гг.)⁶⁸ триобол № 1 (1,87%, при максимуме 2,20%), а также триоболы, диоболы и гемиоболы «грубого стиля» ок. 480–460 гг.: № 6 (1,09%), 9 (1,14%), 10 (1,14%), 12 (1,99%, при максимуме 2,14%), 12 (1,62%).

Группа монет ок. 500–480 гг.⁶⁹ характеризуется стабильным содержанием серебра в пределах 94–95%; в металле монет № 3 и 4 зафиксировано довольно высокое процентное содержание цинка (Прилож. 2), что косвенно может указывать на определенный рудный источник – свинцово-цинковые месторождения или зоны их окисления; по мнению специалистов, присутствие цинка в серебре может указывать на добычу из первичных руд с повышенным содержанием цинка.⁷⁰

Группа монет ок. 480–460 гг. показывает большой разброс серебра в пределах от 93 до 98,9% (среднее – 95%); серебро в этой группе монет «загрязнено» свинцом (особенно, металла монет № 6, 7, 22), висмутом и золотом. Отметим, что монета ионийского (?) центра (№ 22), выпущенная ок. 480–460 гг., также содержащая устойчивую «связку» Au–Bi, демонстрирует присутствие довольно редко фиксируемой в серебре примеси мышьяка⁷¹ (0,28%), сопровождающей, скорее всего, свинец (2,11–2,75%). Это косвенно может указывать на использование серебра из иного рудного источника, чем для других монет из выборки ок. 480–460 гг., и позволяет утверждать, что монета ионийского центра могла быть изготовлена вне боспорских центров монетной чеканки в этот период.

Монеты чеканки ок. 460–440 гг.⁷² из рассматриваемой выборки демонстрируют содержание серебра в пределах от 90,4 до 98,6% (среднее значение – 94%). Серебро из этой группы распадается на две подгруппы по наличию или отсутствию «связки» таких элементов как Au–Bi: золото и висмут в значимых количествах присутствуют в серебре монет № 11–16 (Прилож. 2). В серебре монеты № 19 зафиксировано значимое содержание мышьяка (0,13–0,35%), сопровождающего свинец в высоких концентрациях (2,78–4,26%) (Прилож. 2), что, как и в случае с монетами № 3 и 4, может косвенно указывать на добычу серебра из первичных руд с повышенным содержанием цинка. В то же время, нельзя полностью исключить возможность использования для боспорской чеканки плохо очищенного серебра, при этом серебро, судя по полученным данным, в любом случае поступало из нескольких источников.

Таким образом, по данным РФА, выборка ранних серебряных монет из раскопок Фанагории демонстрирует доминирование высокопробного серебра, преимущественно 920 и 950 проб (содержание серебра варьирует в пределах 90–98%). В выборке присутствует несколько монет, где в серебро была намеренно введена свинцовая бронза (монеты № 19, 2 из выборки 460–440 гг.), а в других монетах понижение пробности было достигнуто за счет дополнительного введения меди (монеты № 10–13).

⁶⁷ Morgan 2011, 492–495, fig. 3, 4; Civici et al. 2007, 419, fig. 6. Некоторые исследователи связывают источник серебра для чеканки монет с рудными источниками, расположенными на территории современной Македонии (Constantinescu et al. 2003; и др.).

⁶⁸ См. прим. 13.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Авторы выражают искреннюю признательность за консультацию А.В. Чугаева (с. н.с. ИГЕМ РАН).

⁷¹ Содержание мышьяка на уровне 0,001%, зафиксированного в результатах анализа, говорит о его присутствии в металле, но в пределах, лежащих за порогом чувствительности данного типа спектрометра.

⁷² См. прим. 23.

По результатам исследования определенно можно говорить о разных партиях серебра, использованных для чеканки публикуемых монет. Возможно, это связано с разными центрами добычи этого металла. Отметим, что серебро монет содержит ряд примесей, таких как цинк, олово, висмут и золото, которые в дальнейшем позволят более детально разделить рудные источники серебра, использовавшегося для боспорской чеканки в 5 в. В завершение следует отметить, что требуется взвешенный подход к выводам Т. М. Смекаловой и Ю. Л. Дюкова, опирающихся на предложенные Н. А. Фроловой датировки ранних монет, о возможной смене источников серебра на Боспоре в середине 5 в. Так, например, авторы принимают датировку монет с двумя точками на реверсе серединой 5 в. и полагают, что, начиная с монет этого типа, фиксируется смена источников серебра для их чеканки.⁷³ Открытие фанагорийского клада 2005 г. требует пересмотра датировок ранних монет, в связи с чем мы относим выпуски с двумя и четырьмя точками на реверсе к 480–460 гг., а анализ металла монет № 10–13 свидетельствуют о лигатуре – дополнительно введенной меди, но не о микропримесях руд. Таким образом, необходимы дальнейшие исследования химического состава раннего боспорского серебра.

Приложение 1

СПИСОК РАННИХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

1. Боспор, Пантикапей

Группа I. Ок. 500–480 гг.

Ок. 500–490 гг.

Триобол

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на три части.

1. Ф-14-7; 16 мм; 2,47 г.

Место находки: ВГ, объект 294, пом. 1+2, под полом 2 (кв. 50, шт. 19).

Лит.: ср. Анохин 1986, № 2/2; Frolova 2004, Nr. 17.

Ок. 490–480 гг.

Триболы

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека.

⁷³ Смекалова, Дюков 1999, 206–207.

2. Ф-19-103; 14 мм; 2.415.

Место находки: ВГ, объект 847, пом. 1.

ср. Каталог-архив «Монеты Боспора»: <https://bosporan-kingdom.com/000-1090/1.html>; <https://bosporan-kingdom.com/000-1090/2.html>; <https://bosporan-kingdom.com/000-1090/3.html>; <https://bosporan-kingdom.com/000-1090/5.html>; <https://bosporan-kingdom.com/000-1090/7.html> (CNG. Electronic Auction 376. Lot 119).

3. Ф-90-5; 13 мм; 1.79 г.

Место находки: ВГ, пл. XI, траншея 19 в.

Лит.: ср. Каталог-архив «Монеты Боспора»: <https://bosporan-kingdom.com/000-1043/8.html>.

Гемиобол

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека.

4. Ф-16-136; 7 мм; 0.31 г.

Место находки: ВГ, объект 679, пом. 4, ЮВ угол, отм. – 507.

Лит.: ср. Анохин 1986, № 9; Frolova 2004, taf. 4. 90–94.

Группа II. Ок. 480–440 гг.

Ок. 480–460 гг.

Триоболы

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека, рисунок которого напоминает свастику.

5. Ф-05-1; 16 мм; 2.72 г.

Место находки: ВГ, кв. 33, шт. 25.

Лит.: ср. Frolova 2004, taf. 2. 32–50.

Изд.: Абрамзон, Фролова 2010, 350, XII. 1.

6. Ф-11-189; 12 x 15 мм; 2.02 г.

Место находки: ВГ, кв. 49, шт. 19.

Лит.: ср. Анохин 1986, № 11.

7. Ф-12-131; 12 x 14 мм; 2.23 г.

Место находки: случ. нах. из округа Фанагории (ст. Титаровская, передана местным жителем).

Лит.: ср. Анохин 1986, № 11.

Диоболы

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека, рисунок которого напоминает свастику.

8. Ф-13-68; 12 мм; 1.25 г.

Место находки: ВГ, объект 294, пом. 1+2, под полом 2 (кв. 49).

Лит.: ср. Анохин 1986, № 15.

9. Ф-16-6; 14 мм; 1.89 г.

Место находки: НГ, кв. БЗ, шт. 13.

Гемиобол

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных части, в двух из них (по диагонали) рельефные точки.

10. Ф-15-64; 7 мм; 0.34 г.

Место находки: ВГ, объект 679, помещение 1, расчистка стены 679/1.

Лит.: ср. Анохин 1986, № 14; Frolova 2004, taf. 5. 103.

Тетартеморий

Л. с. Муравей.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равные части, в двух из них (по диагонали) рельефные точки.

11. Ф-15-57; 5 мм; 0.09 г.

Место находки: ВГ, яма 707.

Лит.: ср. Анохин 1986, № 18; Frolova 2004, taf. 18. 419; 19. 432, 433.

Гемиоболы

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных части, в каждой из них по рельефной точке.

12. Ф-05-2; 9 мм; 0.26 г.

Место находки: ВГ, кв. 33, шт. 25.

Лит.: ср. Frolova 2004, taf. 8. 200–202.

13. Ф-16-137; 8 мм; 0.23 мм. То же.

Место находки: ВГ, яма 765.

14. Ф-14-8; 8 мм; 0.18 мм.

Место находки: ВГ, кв. 55, шт. 19, под об. 802, пом. 1, в котловане (?).

Лит.: ср. Frolova 2004, taf. 8. 203.

Тетартеморий

Л. с. Муравей.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных части, в каждой из них по рельефной точке.

15. Ф-13-133; 6 мм; 0.19 г.

Место находки: ВГ, кв. 48, шт. 11.

Лит.: ср. Анохин 1986, № 13; Frolova 2004, Taf. 19. 438.

Диоболы

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных отсека, рисунок которого напоминает свастику.

16. Ф-13-106; 12 мм; 1.85 г.

Место находки: ВН, погр. 191-XVI/2.1.

Лит.: Анохин 1986, № 15.

17. Ф-16-7; 12 x 8 мм; 1.28 г.

Место находки: НГ, кв. Б3, шт. 15.

Ок. 460–440 гг.

Диоболы

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных части, в двух из которых по диагонали четырехлучевые звезды.

18. Ф-19-84; 12.5 мм; 1.29 г.

Место находки: ВГ, кв. 120, шт. 15.

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных части, в одной из которых четырехлучевая звезда.

19. Ф-13-135; 11 мм; 1.52 г.

Место находки: ВГ, объект 294, пом. 1+2, под полом 2 (кв. 34, шт. 19).

Лит.: Ср. SNG Stanc. 516; Frolova 2004, taf. 9, 215–227.

20. Ф-13-69; 11 мм; 1.25 г.

ВГ, объект 294, пом. 1+2, уровень пола 2 (кв. 49, шт. 18).

Гемиобол

Л. с. Голова льва в фас.

О. с. Вдавленный квадрат с четырехлучевой звездой и точками между лучами.

21. Ф-80-16; 7 мм; 0.12 мм. Обломан.

Место находки: ВГ, помещение 12, расчистка пола (пл. IX).

Лит.: ср. Анохин 1986, 24; Frolova 2004, Taf. 9, 205–213.

2. Неизвестные центры

Иония или фрако-македонский регион

Ок. 480–470 гг.

Обол

Л. с. Голова льва с раскрытой пастью в влево.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре сектора.

22. Ф-05-3; 9 мм; 0.78 г.

Место находки: ВГ, кв. 32/33, шт. 25.

Лит.: ср. Babelon 1907, LXXXI, 31–34.

Изд.: Абрамзон, Фролова 2010, 344, VI. 2; Абрамзон 2013, 75, рис. 4. 105.

2. Фрако-македонский регион или Боспор (?)

Ок. 480–450 гг.

Гемитетартеморий

Л. с. Голова льва с раскрытой пастью вправо.

О. с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре сектора, в двух из них по диагонали точки.

23. Ф-19-85; 6 мм; 0.063 г.

Место находки: ВГ, кв. 126, под сырцовый стеной в слое пожара со стороны ямы 857.

Лит.: Ср. <https://bosporan-kingdom.com/000-2124/4.html>.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ⁷⁴

Кат. №	Ag	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Bi	Fe	Au
1.	95.55	2.19	0.31	0.14	0.06	0.01	0.01	0.03	0.01	1.71
	95.98	1.57	0.42	0.15	0.07	0.01	0.01	0.02	0.01	1.79
	94.74	2.42	0.36	0.19	0.07	0.01	0.01	0.02	0.01	2.20
3.	93.15	0.15	0.34	1.64	3.72	0.01	0.01	0.14	0.01	0.87
	95.34	0.23	0.23	2.00	1.31	0.05	0.01	0.1	0.01	0.72
	95.43	0.22	0.36	1.91	1.21	0.1	0.01	0.12	0.01	0.65
	94.07	0.19	0.31	1.63	2.73	0.01	0.01	0.11	0.38	0.58
4.	94.55	1.44	0.22	0.13	2.68	0.01	0.01	0.27	0.01	0.71
	93.78	1.57	0.23	0.17	3.23	0.01	0.01	0.31	0.08	0.64
	94.85	2.28	0.28	0.29	1.23	0.01	0.01	0.32	0.01	0.75
	96.04	1.94	0.19	0.17	0.67	0.01	0.01	0.28	0.01	0.71
5.	98.81	0.01	0.37	0.46	0.01	0.01	0.11	0.14	0.01	0.10
	98.79	0.01	0.47	0.43	0.01	0.01	0.09	0.13	0.01	0.09
	98.84	0.08	0.42	0.43	0.01	0.01	0.01	0.14	0.01	0.10
	98.8	0.12	0.3	0.46	0.01	0.01	0.01	0.14	0.09	0.09
	99.34	0.01	0.28	0.26	0.01	0.01	0.01	0.07	0.01	0.04
6.	96.43	0.21	0.47	0.90	0.3	0.01	0.12	0.59	0.01	0.98
	94.56	0.35	0.52	1.82	0.23	0.01	0.14	1.06	0.01	1.33
	96.79	0.18	0.46	0.67	0.34	0.01	0.11	0.45	0.18	0.82
	95.16	0.24	0.48	1.54	0.25	0.01	0.18	0.92	0.01	1.23
7.	98.16	1	0.25	0.18	0.01	0.01	0.01	0.11	0.01	0.30
	98.06	0.75	0.4	0.15	0.01	0.01	0.01	0.09	0.3	0.25
	98.57	0.73	0.31	0.07	0.01	0.01	0.01	0.07	0.01	0.24
	98.53	0.75	0.26	0.08	0.01	0.01	0.01	0.08	0.01	0.3
8.	93.09	2.49	0.35	2.19	0.01	0.20	0.07	0.73	0.01	0.88
	93.14	2.4	0.42	2.12	0.01	0.26	0.05	0.77	0.01	0.85
	93.98	2.21	0.52	1.73	0.01	0.14	0.06	0.64	0.01	0.72
9.	97.9	0.09	0.25	0.07	0.01	0.01	0.01	0.44	0.01	1.25
	97.52	0.14	0.21	0.11	0.01	0.01	0.01	0.81	0.01	1.21
	97.67	0.07	0.27	0.13	0.01	0.01	0.01	0.78	0.01	1.08
	97.53	0.13	0.3	0.13	0.06	0.01	0.01	0.82	0.01	1.02
10.	92.71	4.24	0.3	0.86	0.01	0.03	0.08	0.55	0.01	1.24
	95.17	2.74	0.41	0.29	0.01	0.01	0.01	0.29	0.01	1.09
	92.06	4.24	0.32	1.63	0.01	0.07	0.01	0.59	0.01	1.09

⁷⁴ Номера в таблице соответствуют номерам каталога (см. Прилож. 1). Монеты № 2 и 15 не исследовались и в данное приложение не включены.

Кат. №	Ag	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Bi	Fe	Au
11.	92.88	4.55	0.26	0.92	0.01	0.01	0.01	0.4	0.01	0.99
	94.02	3.71	0.21	0.99	0.05	0.01	0.09	0.28	0.01	0.66
	93.22	3.36	0.34	1.28	0.01	0.01	0.01	0.62	0.01	1.17
12.	93.66	2.02	0.42	1.23	0.01	0.01	0.01	0.61	0.24	1.82
	93.37	2.09	0.31	1.22	0.01	0.01	0.06	0.62	0.2	2.14
	93.5	2.05	0.35	1.09	0.01	0.01	0.07	0.58	0.34	2.03
13.	90.67	5.83	0.23	0.71	0.08	0.04	0.01	0.46	0.01	1.98
	92.12	4.92	0.21	0.51	0.06	0.03	0.01	0.5	0.14	1.50
	88.58	8.27	0.29	0.48	0.07	0.01	0.25	0.37	0.3	1.40
14.	96.81	1.42	0.08	0.21	0.08	0.01	0.01	0.26	0.27	0.87
	97.72	0.67	0.13	0.19	0.09	0.01	0.01	0.22	0.14	0.83
	96.29	1.51	0.17	0.30	0.23	0.01	0.01	0.4	0.1	1.00
	96.28	1.35	0.2	0.33	0.36	0.01	0.01	0.4	0.14	0.95
16.	97.02	1.4	0.34	0.53	0.01	0.01	0.01	0.16	0.01	0.55
	96.85	1.54	0.3	0.56	0.01	0.01	0.01	0.15	0.01	0.59
	97.05	1.27	0.39	0.52	0.01	0.01	0.01	0.16	0.01	0.60
	95.72	1.76	0.3	0.98	0.01	0.01	0.19	0.23	0.01	0.81
17.	98.26	0.64	0.23	0.22	0.06	0.01	0.01	0.27	0.01	0.32
	98.69	0.39	0.23	0.18	0.01	0.01	0.01	0.21	0.01	0.30
	98.78	0.20	0.23	0.14	0.01	0.01	0.01	0.26	0.01	0.40
	98.73	0.38	0.2	0.19	0.01	0.01	0.01	0.20	0.01	0.29
18.	93.39	2.70	0.00	2.96	0.00	0.00	0.00	0.35	0.00	0.40
	92.08	2.83	0.00	4.10	0.00	0.00	0.20	0.45	0.00	0.35
	90.06	3.66	0.00	5.17	0.00	0.08	0.08	0.46	0.00	0.49
	91.52	2.74	0.00	4.57	0.00	0.24	0.06	0.45	0.00	0.42
19.	90.89	3.67	0.28	4.26	0.01	0.35	0.04	0.36	0.01	0.14
	94.04	2.35	0.34	2.78	0.01	0.14	0.01	0.25	0.01	0.10
	92.32	2.7	0.31	3.97	0.01	0.23	0.01	0.33	0.01	0.13
	93.48	2.59	0.34	3.08	0.01	0.13	0.01	0.27	0.01	0.11
20.	93.56	2.87	0.46	2.82	0.01	0.12	0.01	0.12	0.01	0.05
	93.98	3.24	0.32	2.30	0.01	0.03	0.01	0.10	0.01	0.03
	93.19	3.04	0.35	3.13	0.01	0.11	0.01	0.14	0.01	0.05
21.	97.96	1.19	0.22	0.14	0.01	0.01	0.01	0.09	0.01	0.40
	97.54	1.62	0.22	0.18	0.01	0.01	0.01	0.11	0.01	0.32
	97.21	1.09	0.39	0.13	0.01	0.01	0.55	0.08	0.18	0.37
22.	92.68	1.56	0.35	2.75	0.01	0.34	0.01	0.61	0.01	1.71
	92.73	1.46	0.41	2.79	0.01	0.29	0.08	0.59	0.01	1.65
	93.82	1.47	0.43	2.11	0.01	0.21	0.01	0.48	0.01	1.48
23.	98.26	0.17	0.00	0.33	0.00	0.00	0.00	0.35	0.00	0.89
	97.94	0.23	0.00	0.38	0.00	0.00	0.11	0.30	0.00	1.04
	98.32	0.20	0.00	0.34	0.00	0.00	0.00	0.31	0.00	0.83
	98.36	0.18	0.00	0.26	0.00	0.00	0.00	0.25	0.00	0.96

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. 2013. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 61–107.
- Абрамзон М. Г., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. 2018. Комплекс пантикапейских серебряных монет V в. до н. э. из некрополя поселения Волна 1 // КСИА 252, 15–24.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2010. Денежное обращение // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани II. Москва, 290–350.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // ДБ 15, 90–172.
- Голенко К. В. 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ XI, 61–93.
- Долгоруков В. С. 1981. Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции на городище Фанагория в сезоне 1980 года (Верхний и Южный город) (Архив ИА РАН. Р-1, № 14167). Москва.
- Завойкин А. А. 2009. Фанагория во 2-й половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Верхнего города», 2004–2008 гг.) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 128–131.
- Завойкин А. А. 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // Д. В. Журавлев, О. Л. Габелко (ред.), С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. Москва, 110–114.
- Завойкин А. А. 2018. Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории // ДБ 22, 54–66.
- Завойкин А. А. 2019а. О пифоидных амфорах «с полыми доньями» из Фанагории // КСИА 254, 104–118.
- Завойкин А. А., 2019б. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // ДБ 24, 232–252.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК 4, 188–198.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики (Боспорские чтения XIV). Керчь, 162–169.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА 16). Москва–Ленинград.
- Кобылина М. М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА 2, 51–61.
- Коваленко С. А., Толстиков В. П. 2010а. О начале монетной чеканки на Боспоре. I // ВДИ 3, 31–59.
- Коваленко С. А., Толстиков В. П. 2010б. О начале монетной чеканки на Боспоре. II // ВДИ 4, 23–50.
- Кузнецов В. Д. 2007. Фанагория: история исследований и новые находки // РА 2, 5–15.
- Кузнецов В. Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопок «Верхнего города» // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований 4). Москва, 117–130.

- Кузнецов В. Д. 2018а. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7)*. Москва, 117–135.
- Кузнецов В. Д., 2018б. Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), *Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6)*. Москва, 160–185.
- Кузнецов В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // *ДБ 24*, 398–416.
- Кузнецов В. Д., Завойкин А. А. 2010. О мастерских фанагорийских ювелиров (?) второй половины VI в. до н.э. // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы (Боспорские чтения XI)*. Керчь, 256–265.
- Кузнецов В. Д., Никитин А. Б. 2018. Древнеперсидская надпись из Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6)*, Москва, 154–159.
- Мельников О. Н. 2009. Архаический период и этап ранней классики в нумизматике Боспора Киммерийского // *Stratum plus 6*, 174–234.
- Сапрыкина И. А., Гунчина О. Л. 2017. Химический состав металла боспорских статов Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. *Клад позднебоспорских статов из Фанагории (Фанагория 5)*. Москва, 272–483.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. 1999. О смене источников серебра для монетной чеканки на Боспоре VI–V вв. до н.э. // *ДБ 2*, 203–212.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. 2001. Монетные сплавы государств Северного Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. Санкт-Петербург.
- Строкин В. Л. 2010. Монеты с поселения Голубицкая 2 // *ДБ 14*, 451–467.
- Терещенко А. Е. 2009. Весовая монетная система Пантикапея // *ТГЭ XLVIII*, 48–57.
- Толстиков В. П. 1984. К проблеме образования Боспорского царства // *ВДИ 3*, 24–48.
- Фролова Н. А. 1996. Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // *РА 2*, 34–69.
- Babelon E. 1907. *Traité des monnaies grecques et romaines*. T. II/1. Paris.
- Boulter C. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia 22/2*, 59–115, pls. 21–41.
- Buccolieri A., Buccolieri G., Filippo E., Manno D., Sacrinelli G., Siciliano A., Vitale R., Serra A. 2014. Nondestructive Analysis of Silver Coins Minted in Taras (South Italy) between the V and the III Centuries BC // *Journal of Archaeology*, Hindawi Publishing Corporation, 1–12.
- Caley E. R. 1964. *Analyses of Ancient Metals*. Pergamon.
- Civici N., Gjongecaj Sh., Stamati F., Dilo T., Pavlidou E., Polychroniadis E. K., Smit Z. 2007. Compositional Study of IIIrd Century BC Silver Coins from Kreshpan Hoard (Albania) Using EDXRF Spectrometry // *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B: Beam Interactions with Materials and Atoms 258*, 414–420.
- Constantinescu B., Sășiani A., Bugoi R. 2003. Adulterations on First Century B. C.: The Case of Greek Silver Drachmae Analysed by X-ray Methods // *Spectrochimica Acta Part B: Atomic Spectroscopy 58 (4)*, 759–765.
- Frolova N. A. 2004. *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.)*. Berlin.

- McKerrell H., Tylecote R. F. 1972. The Working of Copper-arsenic Alloys in the Early Bronze Age and the Effect on the Determination of Provenance // *Proceedings of the Prehistoric Society* 38, 209–218.
- Melitz J. 2016. A Model of the Beginnings of Coinage in Antiquity // *European Review of Economic History* 21, 83–103.
- Morgan D. U. 2011. The Pattern of Findspots of Coins of Damastion: A Clue to its Location // N. Holmes (ed.), *Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress*. Glasgow, 487–496.
- Selwyn L. 2000. Corrosion Chemistry of Gilded Silver and Copper // Th. Drayman-Weisser (ed.), *Gilded Metals. History, Technology and Conservation*. London, 21–48.

М. Г. Абрамзон, С. Н. Остапенко

СОЛИД ЮСТИНИАНА I ИЗ СЛОЯ ПОЖАРА 6 ВЕКА В ФАНАГОРИИ

Аннотация. В ходе раскопок на городище Фанагории в 2019 г. вдоль восточного борта раскопа «Нижний город» был вскрыт слой пожара 6 в., в котором погибли здания, в одном из них находилась винодельня. Среди самых ярких находок – солид Юстиниана I (527–565), имеющий определяющее значение для датировки катастрофы. Сольд отчеканен в 6-й оффicine Константинопольского монетного двора в 542–565 гг. н.э. В Фанагории, как и в других боспорских городах и поселениях, археологически фиксируются два слоя пожаров 6 в. Во второй четверти 6 в. город подвергается разгрому и разрушению, о чем свидетельствует первый слой пожара, в котором найдены снаряды от метательных машин. Эти события связывают с восстанием против вассала Византии гуннского вождя Грода в 528 или 534 г. Второй слой пожара в Фанагории датируется последней четвертью 6 в. и связывается с событиями 576 г. – походом тюрок на Боспор, когда пострадала большая часть крепостей и малых городов Керченского и Таманского полуостровов. Датировка солида Юстиниана I из слоя разрушений подтверждает, что мы имеем дело со вторым пожаром 6 в. После 560 г. на Боспоре Киммерийском появились теснимые тюрками авары на своем пути на Истр, откуда они отправили посольство к Юстиниану I. Вслед за аварами на азиатский берег пришли тюрки, которые затем в 576 г. осадили и взяли Боспор (Керчь). Таким образом, находка солида Юстиниана I в слое пожара связана со временем прихода на Тамань аваров в середине 6 в. или тюрок – в 570-х годах. Прибытие и тех и других неминуемо несло внешнюю угрозу Боспору, в том числе и Азиатскому. Но кто именно – авары или тюрки – разрушили Фанагорию, остается пока неизвестным.

Ключевые слова. Боспор, Фанагория, Византийская империя, авары, тюрки, Юстиниан I, солиды, денежное обращение.

Abstract. During excavations in Phanagoria in 2019, a burnt layer of the sixth century was recovered along the east edge of the trench 'Lower City', containing buildings destroyed by the fire, among them a winery. There is a solidus of Justinian I (527–565) among the most prominent finds, providing the date for catastrophe. The solidus was struck in the sixth officina at the Constantinople mint in 542–565. There are two sixth century burnt layers discovered in Phanagoria, as well as the other Bosporan cities and settlements. In the second quarter of the sixth century the city was burnt and destroyed, that is testified by the first burnt layer containing missiles for siege engines. These events could be connected with the rebellion against Hunnish chief Grodes, the Byzantine vassal, in 528 or 534. The second burnt layer in Phanagoria is dated to the last quarter of the 6th century, in connection with the events of 576, when the Turks attached most of the fortresses and small towns on the Kerch and Taman Peninsulas. The date of Justinian I's solidus from the burnt layer points to the second great fire in the late 6th century. After 560, the Avars pressed by the Turks on their way to the Istrum (Danubius) arrived at the Cimmerian Bosphoros, where from they sent an embassy to Justinian I. Soon the Avars were followed by the Turks who in 576 besieged and occupied Bosphoros (Kerch). Consequently, the find of the solidus of Justinian I in the burnt layer can be connected with the arrival of the Avars in the middle of the 6th century, or the Turks in the 570-s. Both peoples offered a threat for Bosphoros, especially its Asiatic part. It is not clear, however, who actually destroyed Phanagoria, the Avars or the Turks?

Key-words. Bosphoros, Phanagoria, Byzantine Empire, Avars, Turks, Justinian I, solidus, currency.

В 2019 г. в ходе работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН на городище Фанагории вдоль восточного борта раскопа «Нижний город» был вскрыт слой пожара 6 в., в котором погибли здания, в одном из них находилась винодельня. Следы пожара зафиксированы в виде большого количества золы, сажи, фрагментов сгоревших деревянных конструкций, а также битой посуды и остатков обгоревшего зерна в амфорах. Среди самых ярких находок – разбитые мраморная столешница и купель для крещения¹, которые свидетельствуют о разрушении врагами существовавшей поблизости раннехристианской базилики. В слое пожара был найден солид Юстиниана I (527–565)², имеющий определяющее значение для датировки катастрофы.

Л.с. D N IVSTINIANVS P P AVG. Бюст Юстиниана I, безбородого, в панцире, в фас; на голове шлем с плюмажем; в правой руке шар, увенчанный крестом; левое плечо прикрыто щитом, украшенным изображением всадника, поражающего копьем поверженного врага.

О.с. VICTORI AVGGGS. Виктория, одетая в хитон и пеплос, стоит прямо; в правой руке держит длинный крест с навершием в виде P; в левой шар, увенчанный крестом; справа в поле звезда; под обрезом CONOB.

Вес – 4.465 г. Диаметр – 20.5 мм.

Лит.: DOC 1, 71. Nos. 9f.1, 9f.3.

Солид отчеканен в 6-й оффицине Константинопольского монетного двора в 542–565 гг. н.э. (рис. 1, 1). Поверхность монеты испытала термическое воздействие. Следы износа позволяют полагать, что она довольно долго находилась в обращении и относится к самому концу правления Юстиниана I. Отметим, что это вторая находка золотых монет Юстиниана I в Фанагории: в 2006 г. на раскопе «Верхний город» при расчистке траншеи 19 в. был найден солид³ (рис. 1, 2), отчеканенный в 9-й оффицине монетного двора Константинополя в 538–542 гг.⁴

Археологический контекст находки безусловно связан с бурными историческими событиями на Боспоре в 6 в., в которые оказалась втянута и Фанагория. В начале 6 в. боспорские города добровольно входят в состав Византийской империи. Переход Боспора (Керчи), находившегося под гуннским протекторатом, под власть империи происходит при Юстине I в 518–527 гг., вероятнее всего до 523 г. С этими событиями может быть связано и первое упоминание епископской кафедры в Фанагории под 519 г.⁵: фанагорийский епископ Иоанн оставил свою подпись под документами патриаршего синода в Константинополе, которому непосредственно подчинялась Фанагорийская епархия.

Как сообщает Прокопий Кесарийский (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 28), варварами, «жившими в соседних землях», были «взяты и разрушены до основания» Кепы и Фанагория. С этими событиями принято связывать один из пожаров 6 в. в Фанагории. Существуют две точки зрения отно-

¹ Этим находкам будут посвящены специальные публикации.

² Монета найдена в кв. Г2, шт. 21.

³ Тип: Hahn. 2013, 113, no. 8, pl. 14. 8. Издан: Abramzon 2011, 272, pl. 2. 2. На конце надписи на о.с. – ΘS.

⁴ Авторы выражают искреннюю благодарность С.А. Коваленко, зав. отделом нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина за определение этого солида и детальную консультацию. С.А. Коваленко отмечает, что это очень редкий экземпляр. В. Хан (Hahn. 2013, 113, no. 8) упоминает лишь один солид данного типа из коллекции Уиттинга (Whitting Collection). Штемпели о.с. этой монеты и фанагорийского экземпляра перерезаны из штемпелей солидов облегченного веса в 22 силиквы, которые начали чеканиться в 538–542 гг. В. Хан относит эти солиды к чеканке Константинополя. Идеи Ф. Грирсона и Х. Л. Адельсона о возможной чеканке таких монет в Антиохии или Фессалонике опровергаются нумизматическим материалом из этих центров. S на конце легенды на о.с., вероятнее всего, знак сокращения, добавленный позднее в штампель, на котором первоначально имелась только Θ. В этом случае могло подразумеваться начинающееся на греческую *тету* слово thesaurus. Однако возможно, что эта буква имела и числовое значение, обозначая цифру 9, т.е. номер оффицины (Hahn 2013, 45).

⁵ Виноградов 2012, 140.

Рис. 1. Солиды Юстиниана I из раскопок Фанагории: 1 – Нижний город, 2019 г.; 2 – Верхний город, 2006 г.

нительно датировки событий, о которых говорит Прокопий Кесарийский, из чего соответственно вытекает вывод о том, кто и когда разрушал Фанагорию в 6 в. Некоторые исследователи связывают события, описанные Прокопием Кесарийским, с гуннами, полагая, что вхождение Боспора (Керчи) в состав империи спровоцировало нападение последних. В городе был разгромлен гарнизон и убит трибун. Для возвращения Боспора между 527/529 и 534 гг. император Юстиниан I опрашивает наемную армию во главе с комитом Иоанном, усиленную готами под главенством Годилы и стратига Бадурия, которые двигались сушей. Боспор был возвращен. В это же время или чуть позже могли быть возвращены и Кепы с Фанагорией.⁶

Согласно мнению А. Ю. Виноградова, разрушение Кеп и Фанагории, о котором сообщает Прокопий Кесарийский, не связано с этими событиями, а произошло в середине 6 в., скорее всего после 560 г., когда к Азиатскому Боспору подошли авары, бежавшие от натиска тюрков, о чем сообщает Евагрий Схоластик в своей «Церковной Истории» (V. 1. 3). Тюрки же появляются на Боспоре в 570-е гг.⁷

Следы пожаров 6 в. были выявлены ранее на других участках городища Фанагории. Так, например, на раскопе «Береговой Стратиграфический» в 1982–1985 гг. были вскрыты пять слоев, отражающих основные этапы жизни города вплоть до средневековья, из которых четвертый

⁶ Чхайдзе 2012, 258–259 (с библиографией).

⁷ Виноградов 2010, 143.

слой оказался перекрыт пожарищем второй четверти 6 в., после чего жизнь на участке ненадолго замирает, однако вскоре опять возобновляется. Незначительные остатки сырцовых стен этого слоя сгорели в пожаре. Все открытые сооружения слоя были перекрыты пожарищем с большим количеством битой посуды и обгоревшего зерна. В слое найдены камни от метательных машин. По краснолаковой керамике и амфорной таре слой пожара был датирован 520–530 гг. или в пределах второй четверти 6 в.⁸

Синхронные пожары второй четверти 6 в. выявлены и слоях других боспорских городов, например, Тиритаки (где также обнаружены остатки виноделен, погибших в пожаре) и городища на мысе Зюк (Зенонова Херсонеса).⁹

Между тем в Фанагории, как и в других боспорских городах и поселениях, археологически фиксируются два слоя пожаров 6 в. Во второй четверти 6 в. город подвергается разгрому и разрушению, о чем свидетельствует первая прослойка пожарища, в которой найдены снаряды от метательных машин. Эти события связывают с восстанием против вассала Византии гуннского вождя Горда или Грода в 528 или 534 г. После этого жизнь в городе на некоторое время затухает.¹⁰ Датировка первого слоя пожара подтверждается анализом красноглиняной керамики¹¹, а также ременной гарнитуры¹², фибул¹³, находками костяных наконечников «гуннских» стрел в синхронных пожарах в Тиритаке и на мысе Зюк.¹⁴ Отметим, что пожары второй четверти 6 в. на мысе Зюк также связывают с историей Горда и теми же датами.¹⁵

Второй слой пожара в Фанагории датируется последней четвертью 6 в. и связывается рядом исследователей с событиями 576 г. – походом тюрков на Боспор, когда пострадала большая часть крепостей и малых городов Керченского и Таманского полуостровов. Так, например, дату гибели в это время поселения Зеленый мыс в синхронном пожаре позволяет определить краснолаковая керамика формы 10 группы LRC, появившаяся впервые в 570–580 гг.¹⁶

Итак, как показали археологические исследования, первое разрушение города датируется первыми десятилетиями 6 в. и, без сомнения, связано с событиями, о которых сообщает Прокопий. Вторая катастрофа относится к последней четверти 6 в. и связана с событиями 576 г.¹⁷ и немного ранее.

Между тем датировка солида Юстиниана I из слоя разрушений подтверждает, что мы имеем дело со вторым пожаром 6 в. После 560 г. на Боспоре Киммерийском появились теснимые тюрками авары на своем пути на Истр, откуда они отправили посольство к Юстиниану I, о чем сообщает Евагрий Схоластик. Если следовать этому сообщению, для того чтобы выйти к Керченскому проливу, они должны были пройти через Азиатский Боспор. Вслед за аварами на азиатский берег пришли тюрки, которые затем в 576 г. осадили и взяли Боспор (Керчь), согласно свидетельству Менандра Протиктора (*Maе. Prot. De legat.* 14).¹⁸

⁸ Сазанов 1989, 56; Атавин 1993.

⁹ Сазанов, Иващенко 1986, 99–100.

¹⁰ Сазанов 1989, 58; Строков 2009, 316. А. Ю. Виноградов (2010, 141) относит это событие к весне–лету 528 г.

¹¹ Атавин 1993, 170.

¹² Строков 2009, 316.

¹³ Гавритухин 2008, 365.

¹⁴ Сазанов Иващенко 1989, 99–100.

¹⁵ Там же, 100.

¹⁶ Сазанов 1999, 202.

¹⁷ Сазанов 1989, 58.

¹⁸ Виноградов 2010, 143.

Таким образом, находка солида Юстиниана I в слое пожара связана со временем прихода на Тамань аваров в середине 6 в. или тюрок – в 570-х годах. Прибытие и тех и других неминуемо несло внешнюю угрозу Боспору, в том числе и Азиатскому.¹⁹ Но кто именно – авары или тюрки – разрушили Фанагорию, остается пока неизвестным.

ЛИТЕРАТУРА

- Атавин А. Г. 1993. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н. э. из Фанагории // БС 2, 149–171.
- Виноградов А. Ю. 2010. Литературные источники // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани II. Москва, 136–145.
- Гавритухин И. О. 2008. Фибула из раскопок А. Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Г. Е. Афанасьев (отв. ред.), Древности Юга России. Памяти А. Г. Атавина. Москва, 362–367.
- Сазанов А. В. 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА 4, 41–60.
- Сазанов А. В. 1999. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс // ПИФК VII, 167–223.
- Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. 1989. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА 1, 84–102.
- Строков А. А. 2009. Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора // БИ XXI, 303–319.
- Чхаидзе В. Н. 2012. Фанагория в VI–X веках. Москва.
- Abramzon M. 2011. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 Excavations at Phanagoria // N. Povalachev, V. Kuznetsov (Hrsg.), Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos (Altertümer Phanagoreias 1). Göttingen, 251–274.
- Hahn W. 2013. Money of the Incipient Byzantine Empire. Anastasius I – Justinian I. 491–565. Wien.

¹⁹ Виноградов 2010, 143.

Е. Е. Антонов

СОБЫТИЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА И ИХ ДАТИРОВКА ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

Аннотация. В статье идет речь о ключевых событиях, так или иначе затронувших Северо-Западный Крым во второй половине II в. до н.э. – начале II в.н.э., то есть в то время, когда в регионе существовали позднескифские поселения. В центре внимания – вопрос датировки этих событий по письменным источникам. Рассматриваются как свидетельства древних авторов, так и литература, посвящённая им, подробно разбираются системы аргументов в пользу той или иной даты. Констатируется, что письменные источники прямо упоминают лишь одно событие, затронувшее позднескифский Северо-Западный Крым – походы Диофанта. Датировать их начало пока что можно только интервалом между 114 и 110 гг. до н.э. Вероятным, но не доказанным окончательно представляется сопоставление следов разрушений на поселениях региона с походами Аспурга и Т. Плавтия Сильвана. Надписи позволяют поместить первое из этих событий между 16 и 23 гг. I в.н.э. Попытки датировать экспедицию Т. Плавтия Сильвана с точностью до года нельзя признать убедительными, можно лишь говорить о том, что она состоялась между 63 и 66 гг.н.э. Установить даты занятия поздними скифами северо-западной части полуострова и их ухода из неё, а также время вывода понтийских гарнизонов по письменным источникам пока не представляется возможным.

Ключевые слова. Поздние скифы, Северо-Западный Крым, Диофант, Аспург, Т. Плавтий Сильван, Митридат VI Евпатор, Херсонес, Калос Лимен, Евпаторион, Кара-Тобе

Abstract. The article considers the principal events affecting the North-West Crimea in the second half of the 2nd century B.C. – early 2nd century A.D.. i.e. at the time of the Late Scythian settlements in that region. The main problem is the dating of these events according to the available written sources. The evidence of ancient authors are taken into account as well as contemporary literature providing arguments in support of certain dates. Written sources however mention directly just one event affecting the Late Scythian West Crimea – the raids of Diophantes. So far it is possible to date his first expeditions only approximately between 114 and 110 B.C. It is possible, though there is no definite proof, that the traces of destruction found at the sites of the region should be connected with the raids of Aspurgus and T. Plautius Silvanus. Epigraphic sources allow to date the first of these events between 16 and 23 A.D. All attempts to date precisely the expedition of T. Plautius Silvanus are not quite persuasive, all we can say is that it most probably took place between 63 and 66 A.D. And there is so far no possibility to date precisely such events as the Late Scythian occupation of the North-West part of the peninsula and the time they left it, as well as the time when Pontic garrisons were evacuated.

Key-words. Late Scythians, North-West Crimea, Diophantes, Aspurgus, T. Plautius Silvanus, Mithridates VI Eupator, Chersonesos, Kalos Limen, Eupatorion, Kara-Tobe.

Скупость письменных свидетельств об истории Северо-Западного Крыма в позднескифский период является очевидным фактом. Древние авторы упоминают всего три события, которые могли затронуть регион: походы Диофанта, военная кампания Аспурга против скифов, экспедиция Плавтия Сильвана. Еще три не нашли прямого отражения в письменных источниках, но реконструируются логически: занятие Северо-Западного Крыма поздними скифами, вывод понтийских гарнизонов из него и запустение региона. Часть этих событий удастся датировать только

по археологическим источникам, другую – с опорой на письменные свидетельства, порой с помощью сложных систем аргументации. Даты, полученные последним способом, часто «кочуют» из работы в работу без проверки их обоснования и от многократных повторений становятся «устоявшимися». Как представляется, такой некритичный подход не всегда правомерен. Обзору «устоявшихся» дат истории позднескифского Северо-Западного Крыма и систем аргументов, на которых они основаны, и посвящена эта статья.

О том, когда точно поздние скифы появились в Северо-Западном Крыму, письменные источники не сообщают. Ясно только, что это произошло до походов Диофанта. В декрете в его честь (IOSPE I² 352) говорится о взятии Диофантом Керкинитиды и осаде¹ Калос Лимена; противники полководца называются прямо – скифы. Точно так же определяет противников Диофанта и Страбон, правда, он не упоминает взятых или осажденных населенных пунктов в Северо-Западном Крыму, но рассказывает об основании Диофантом крепости Евпаторион (Strabo VII. 4, 7). По одной из версий крепость локализуется в Северо-Западном-Крыму,² вероятно, на Кара-Тобе.³ Ещё одна, сильно фрагментированная надпись (IOSPE I² 353), судя по сохранившимся обрывкам фраз, представляет собой почетный декрет в честь херсонеситов. В ней упоминаются «область» Калос Лимена, скифы, какое-то сражение и, видимо, сарматы. Такой набор терминов позволяет связывать декрет с походами Диофанта.⁴

Итак, письменные источники, позволяют утверждать, что полководец Митридата вел боевые действия в Северо-Западном Крыму со скифами. Осада одного города и взятие другого говорят о том, что оба пункта были заняты скифами до походов Диофанта. То есть *terminus ante quem* для заселения Северо-Западного Крыма поздними скифами следует считать начало военной компании Диофанта. О дате этого события существует две основных точки зрения. Сторонники первой относят начало «Диофантовых войн» к промежутку между 110 и 107 гг. до н. э. Это мнение восходит к авторитету Т. Рейнака.⁵ Он опирался на сведения Юстина, согласно которому Митридат после убийства отца семь лет находился в изгнании (Just. XXXVII. 2, 7), а от начала его царствования до первой войны с Римом прошло 23 года (Just. XXXVIII. 8, 1). Это, по мнению исследователя, дает 110 г. до н. э. как начало действий Диофанта в Таврике.

Вторая точка зрения восходит к работам Эд. Майера и Б. Низе, которые датировали прибытие понтийского полководца 114/113 г. до н. э.⁶ Из историков новейшего времени наиболее последовательно этой дате придерживался Ю. Г. Виноградов. Он отмечал, что в вычислениях Т. Рейнака имеется ошибка, и сообщения Юстина дают не одну, а две даты воцарения Митридата: 113 и 111 гг. до н. э. Кроме того, Ю. Г. Виноградов подозревал Юстина в намеренной романтизации юности царя, сомневался в самом факте изгнания, хотя и признавал его возможность. Семь лет изгнания представлялись исследователю «мистической ци-

¹ Благодарю за консультацию по поводу перевода этого термина аспирантку ИВКА РГГУ А. В. Иванову.

² Бурачков 1881, 223–230.

³ Раевский 1968; Молев 1995, 34; Внуков 2004.

⁴ Жебелев 1938, 59–60; Соломоник 1990, 24–26; Дашевская 1991, 44; Уженцев 2006, 7.

⁵ Библиографию см. Сапрыкин 1996, 135, прим. 17.

⁶ Там же.

фрой», он предполагал, что этот период жизни Митридата был короче. По мнению Ю. Г. Виноградова, в определении датировок стоит отдавать предпочтение Мемнону, как более умеренному и подробному автору. Он, в частности, пишет, что Митридат отправил мать в темницу вскоре после воцарения (Метп. XV. 30, 2). Между тем уже в делосском посвящении 115 г. до н.э. (OGIS 369) Митридат называется царём, имя его брата Хреста приводится без титула, а Лаодика не упоминается вовсе. Следовательно, заключает Ю. Г. Виноградов, Митридат уже в 115 г. правил единолично при формальном соправительстве брата, а значит, и крымская кампания должна была состояться не в 110 г., а примерно на три года ранее.⁷

С. Ю. Сапрыкин сначала придерживался дат Т. Рейнака,⁸ затем фактически согласился с точкой зрения Ю. Г. Виноградова, но дополнил её собственной системой аргументов. Он считает, что понтийские войска высадились в Крыму после расправы Митридата с братом (115/114 г. до н.э.), но до 109/108 гг. до н.э., когда Митридат начал захват Пафлагонии и уже не мог отвлекаться на Крым. С. Ю. Сапрыкин также подчеркивает, что сам захват рассматривался как антиримская акция, которая была невозможна во время действия договора 179 г. до н.э. Последний же должен был утратить силу после присоединения Херсонеса к Понтийскому царству.⁹

Е. А. Молев датирует «приход к власти» Митридата 113 г. до н.э., к 112 г. он относит отправку в Херсонес небольшого гарнизона, а к 111 г. – собственно походы Диофанта.¹⁰

Даже столь скромный обзор мнений о дате начала походов Диофанта показывает значительное разнообразие. Его природа, очевидно, заключается в том, что точного времени события письменные источники не называют, и поэтому оно вычисляется относительно других событий. Пересмотр датировки хотя бы одного из них сразу же ведет к пересмотру дат походов Диофанта. Наиболее аргументированным выглядит мнение Ю. Г. Виноградова и, вероятно, поэтому оно находит поддержку коллег.¹¹ Но поскольку и его аргументация строится относительно других событий, оно не может быть принято безоговорочно. До появления новых эпиграфических источников остается лишь констатировать разброс и определять начало Диофантовых войн диапазоном между 114 и 110 гг. до н.э.¹²

Относительно даты вывода понтийских войск из Крымской Скифии, и в частности из Северо-Западного Крыма, прямых сведений в письменных источниках также нет. Ряд исследователей¹³ соотносят с этим событием сообщения Мемнона и (или) Юстина. Мемнон говорит о том, что Митридат возвратил «царям скифов отцовские владения»¹⁴ по требованию римлян (Метп. XV. 30, 2–3). Если допустить, что древний автор соблюдает хронологическую последовательность изложения в интересующем нас отрывке, то «возврат» скифских владений имел место между подчинением Митридату «царей вокруг Фасиса вплоть до областей за Кавказом» и заключением союза с царем Армении Тиграном II. Мнения о времени покорения Колхиды разнятся: согласно одной версии, это случилось в начале

⁷ Виноградов 1985, 643–645.

⁸ Сапрыкин 1986, 218.

⁹ Сапрыкин 1996, 135.

¹⁰ Молев 1995, 37.

¹¹ Кутайсов 2003, 88; Зубарь, Марченко 2005, 246; Уженцев 2006, 7.

¹² К похожим выводам пришли и другие исследователи: Колтухов 1993, 210; Внуков 2016, 94.

¹³ Колтухов 1993, 216; Сапрыкин 1996, 147, 148; Уженцев 2006, 128–129.

¹⁴ Так в переводе В. П. Дзагуровой (Мемнон 1951, 302). В переводе Латышева – «родовые владения» (Латышев 1890, 510). Северо-Западный Крым сложно признать «родовыми владениями» скифов, они, вероятно, заняли регион незадолго (по историческим меркам) до походов Диофанта. Перевод «отцовские» больше подходит, если учитывать сведения Страбона и Плутарха о сыновьях Скилура (Plut. Reg et imper. apophth. 174F; Strabo VII. 4, 7). Для них Северо-Западный Крым, как присоединенный Скилуром, был бы «отцовскими владениями».

правления Митридата, еще до походов Диофанта в Тавриду,¹⁵ согласно другой, завоевание проходило в два этапа (приморскую часть царь присоединил до покорения Таврики, внутренние области – между 105 и 90 гг. до н.э.)¹⁶, согласно третьей, оно произошло только между 105 и 90 гг. до н.э.¹⁷

Договор с армянским царем был заключен Митридатом в 94–95 гг.¹⁸ Таким образом, поскольку относительно даты подчинения Колхиды единого мнения нет, можно утверждать, что возвращение владений скифам произошло до 94–95 гг. Здесь необходимо снова подчеркнуть, что такой вывод справедлив только в том случае, если в указанном фрагменте Мемнона строго соблюдается последовательность событий. В противном случае можно только констатировать, что интересующее нас событие в тексте сочинения приводится в списке действий Митридата перед первой войной с Римом. То есть оно, видимо, произошло до начала войны¹⁹, которое датируется 89 г. до н.э.²⁰

Юстин сообщает, что перед первой войной с Римом Митридат «приказал также прибыть войску из Скифии» (Just. XXXVIII. 3, 7). Когда именно царь отдал такой приказ, непонятно. В предыдущих предложениях повествование сначала ведется последовательно, говорится о заключении союза с Тиграном и о посольствах к различным племенам (Just. XXXVIII. 3: 5, 6), но затем рассказывается о том, что Митридат еще раньше привлек племена «разными знаками милости» (Just. XXXVIII. 3, 7). Таким образом, ясно, что вызов войска из Скифии был совершен не позднее 89 г. до н.э., но *terminus post quem* для этого события неясен. Остается неизвестным и то, связаны ли упомянутые места Мемнона и Юстина друг с другом.

Существует также мнение о том, что в сообщении Мемнона о возвращении владений вкралась ошибка, и в оригинальном тексте шла речь о фригийских царях, а не о скифских.²¹ В. М. Зубарь и Л. В. Марченко, считали, что вопрос о том, каких именно царей упомянул Мемнон, вряд ли может быть решен в ближайшее время, так как это место у древнего автора «безнадёжно испорчено».²² С последним мнением сложно не согласиться.

По мнению А. Е. Пуздровского, понтийские гарнизоны в Северном Причерноморье «вряд ли были многочисленными», поэтому приказ «прибыть войску из Скифии» мог относиться не к ним, а к собственно скифскому контингенту.²³ Так же «войско из Скифии» трактовал (без объяснений) С. Ю. Сапрыкин.²⁴ О том, что скифы были в составе войск Митридата, сообщает Аппиан (App. Mithr. 41). В. М. Зубарь и Л. В. Марченко писали, что понятие «Скифия» у Юстина может быть только географическим термином, и под «войском из Скифии» он мог иметь в виду «формирования из состава неизвестных сарматских племенных объединений», с правителями которых Митридат договорился о союзе.²⁵ По мнению этих исследователей, в Крыму понтийские гарнизоны могли дислоцироваться до того же времени, что и в Ольвии²⁶, где их присутствие зафиксировано эпиграфически в более позднее время, чем 89 г. до н.э.: в надписи наместника Митридата из этого города указана дата – 78/77 г. до н.э.²⁷ Этот

¹⁵ Шелов 1980, 29; Молев 1995, 31–32.

¹⁶ Лордкипандзе 1970, 17–19.

¹⁷ Тодуа 1985, 55; Сапрыкин 1996, 161–166.

¹⁸ Манадян 1943, 29; Молев 1995, 59; Сапрыкин 1996, 194–195.

¹⁹ Именно так датировала возвращение владений скифам Э. И. Соломоник (Соломоник 1977, 60). С. Ю. Сапрыкин сначала придерживался такого же мнения (Сапрыкин 1986, 221), но потом отнес это событие ко времени около 96 г. до н.э. (Сапрыкин 1996, 148), впрочем, никак его специально не обосновав.

²⁰ Библиографию см.: Молев 1995, 62; Сапрыкин 1996, 199.

²¹ Латышев 1890; Пуздровский 1992; Пуздровский 2001а.

²² Зубарь, Марченко 2005, 286.

²³ Пуздровский 1992, 126; Пуздровский 2001а, 98.

²⁴ Сапрыкин 1996, 148.

²⁵ Зубарь, Марченко 2005, 268–288.

²⁶ Там же, 286.

²⁷ Крапивина, Диатроптов 2005, 68.

косвенный аргумент для датировки вывода войск Митридата из Северо-Западного Крыма использует и С. Ю. Внуков. При этом он подчеркивает, что отзыв военного контингента не обязательно означал немедленную эвакуацию всего греческого населения.²⁸

Существует и другое мнение о времени, когда понтийские гарнизоны покинули Северо-Западный Крым: это могло произойти незадолго или сразу после смерти Митридата²⁹, то есть около 63 г. до н. э. Такое предположение прямо не связано с письменными свидетельствами, оно базируется на археологических наблюдениях.

Краткий конспект мнений о времени вывода понтийских войск из Северо-Западного Крыма, приведенный выше, показывает, что это событие невозможно точно датировать по письменным источникам. Оно могло произойти в любой момент до смерти Митридата, однако нельзя полностью исключать, что сообщения Мемнона и Юстина связаны именно с понтийскими гарнизонами в Крымской Скифии. В таком случае письменные свидетельства дают две гипотетических даты события: до 94/95 гг. до н. э. или до 89 г. до н. э. Впрочем, ни одна из них не подтверждается нумизматическими находками: судя по ним, понтийцы покинули Северо-Западный Крым не ранее 80–70-х гг. до н. э.³⁰

Следующее масштабное событие, зафиксированное эпиграфикой и, как считается, затронувшее позднескифские поселения Северо-Западного Крыма, – это военная компания боспорского царя Аспурга.³¹ О ней известно из титулатуры царя в двух надписях (КБН 39, 40) из Пантикапея: в них Аспург, среди прочего, называется «подчинившим скифов и тавров». В первой надписи указана дата – 320 г. боспорской эры, то есть 23 г. н. э.³² В более ранних надписях с именем Аспурга о покорении варваров ничего не говорится, они, следовательно, были созданы до этого события. Среди таких датированных надписей самые поздние три: в двух рескриптах из Горгииппии указан 312 г. боспорской эры (15 г. н. э.)³³, в манумиссии из Фанагории (КБН 895) – 313 г. боспорской эры (16 г. н. э.). Таким образом, военная акция Аспурга имела место между 16 и 23 гг. н. э.

Ряд авторов³⁴ связывают с походом легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана против скифов следы разрушений на поселениях западного побережья Крыма. Главным письменным источником об этой кампании является эпитафия Т. Плавтия Сильвана (CIL XIV, 3608). Среди его заслуг надпись упоминает и действия легата, в результате которых «царь скифов был отогнан от осажденного им Херсонеса, что за Борисфеном».³⁵ Мнения относительно даты этого события можно разделить на две группы. Часть исследователей предполагала, что Т. Плавтий Сильван совершил экспедицию в Крым в 57 г. н. э., одновременно с походом на Тиру или сразу после него.³⁶ Более распространена другая дата – 60-е гг. н. э., хотя по части конкретного года имеются расхождения. Так, Э. Х. Миннз³⁷ указывал, что поход должен был состояться после 62 г. н. э., когда V Македонский легион был переброшен на Восток (на чем основана эта дата, исследователь не поясняет). Без всяких пояснений Г. Д. Белов³⁸ и В. А. Анохин³⁹

²⁸ Внуков 2016, 96

²⁹ Внуков 1994, 65; 1997; Vnukov 2001, 171; Ланцов 2001, 65–66.

³⁰ Антонов 20186, 4.

³¹ Раевский 1973, 116, 117; Пуздровский 1992, 129; Колтухов 1993, 218; Внуков 1997; Зубарь 1998, 29–30; Vnukov 2001, 173; Пуздровский 2001а, 101; Сапрыкин 2002, 217–218.

³² Блаватский 1950, 26–27; 1953, 175.

³³ Блаватская 1965, 197–200.

³⁴ Раевский 1973, 116; Щеглов 1978, 135; Зубарь 1988, 23–24; Внуков, Коваленко, Трейстер 1990, 118; Колтухов 1993, 218–219; Кутайсов 2004, 133–135.

³⁵ Так у В. И. Кадеева (1979, 61–62); у В. Н. Дьякова (1941, 87): «также Скифского царя он принудил снять осаду и удалиться от Херсонеса, расположенного за Борисфеном».

³⁶ Дьяков 1941, 92; Гриневич 1947, 232.

³⁷ Minns 1913, 523, note. 2.

³⁸ Белов 1948, 103.

³⁹ Анохин 1963, 25.

датировали экспедицию 63 годом н.э., В. Ф. Гайдукевич⁴⁰, – 62 годом, а В. Д. Блаватский⁴¹ – интервалом между 62 и 66 гг.

В. И. Кадеев считал, что Т. Плавтий Сильван выступил против скифов в 60-х годах I в. н.э.⁴² Он использует тот же аргумент, что и Э. Х. Миннз, но излагает его подробнее: экспедиция в Крым состоялась (в соответствии с эпитафией) после переброски V Македонского легиона из Мезии в Армению. Там, согласно Тациту (Апп. XV. 6), командование легионом принял Луций Цезенний Пэт, а он не мог прибыть на Восток ранее 62 г. н.э., так как в 61 г. н.э. был консулом (Тас. Апп. XIV. 29). Кроме того, отмечает В. И. Кадеев,⁴³ Т. Плавтий Сильван прибыл в Мезию в 56/57 гг. н.э. и, согласно эпитафии, до похода в Крым совершил целый ряд других мероприятий, довольно затратных по времени.

В. М. Зубарь сначала датировал экспедицию легата Мезии в помощь Херсонесу промежутком между 63 и 66 гг.⁴⁴ Кроме аргумента Э. Х. Миннза и В. И. Кадеева о переброске войск в Армению, для обоснования нижней даты исследователь использует предположение о том, что поход в Таврику являлся частью подготовки Восточного похода Нерона, а он на вряд ли мог планироваться раньше заключения мира с Парфией в 63 г.⁴⁵ Для обоснования верхней даты он использует два аргумента. Первый – это речь, которую Иосиф Флавий приписывал иудейскому царю Агриппе и относил к 66 г. н.э. В ней говорится о том, что римляне уже держат в подчинении⁴⁶ тавров, боспорян и народы, живущие вокруг Понта и Меотиды, при помощи 3 тысяч воинов и 40 кораблей (Jos. Flav. Bell. Jud. II. 16, 4). Второй аргумент – тот факт, что Римская империя в 67–68 гг. вступила в череду гражданских войн, в которых активно участвовала Мезийская армия⁴⁷ и, следовательно, в это время уже не могла совершать никаких военных акций в Крыму.

Позже В. М. Зубарь предложил сузить дату похода до 63–64 гг. Однако пояснения, как минимум, четырежды опубликованные им почти дословно⁴⁸, несколько туманные. Исследователь считал возможным использовать для уточнения даты керамические клейма с легендой VEX/CRAVSP, обнаруженные в Хараксе. Вслед за М. И. Ростовцевым⁴⁹ он связывал эти клейма с Равеннской эскадрой. По мнению В. М. Зубаря, корабли именно этой эскадры использовались для переброски войск из Мезии, поскольку отдельный Мезийский флот появился, судя по целому ряду косвенных свидетельств, только после 69 г. н.э. Одним из косвенных доказательств (?) такой даты создания Мезийского флота исследователь признавал тот факт, что отдельный Понтийский флот появился только в 64 г., после заключения мира с Парфией и римской аннексии Понта.⁵⁰ Далее, без прямой связи с изложенными выше соображениями, В. М. Зубарь заключал, что сузить дату похода до 63–64 гг. позволяют наличие клейм Равеннской эскадры в Хараксе, «активизация римской политики по отношению к Боспору», которая отразилась на типологии монет Котиса I⁵¹, заключение мира с Парфией и аннексия Понта.⁵² Вероятно, исследователь имел в виду, что если бы Понтийский флот уже существовал к моменту экспе-

⁴⁰ Гайдукевич 1949, 329–330.

⁴¹ Блаватский 1985, 231.

⁴² Кадеев 1979, 61–62; 1981, 20–21.

⁴³ Кадеев 1979, 62; 1981, 20.

⁴⁴ Зубарь 1988, 20.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Так в переводе В. В. Латышева (Латышев 1890, 483). В переводе Я. Черток (Флавий 1991, 179) римляне «обуздывают» эти «племена».

⁴⁷ Зубарь 1988, 20.

⁴⁸ Зубарь 2001; 2003, 158–160; 2004а, 49–53; 2004б, 12–15.

⁴⁹ Ростовцев 1900, 17–18.

⁵⁰ Зубарь 2001; 2003, 158–160; 2004а, 51–52; 2004б, 13–15.

⁵¹ По мнению В. М. Зубаря, с этой активизацией связаны три изменения в боспорской нумизматике. Во-первых, со статов 52/53–62/63 гг. исчезает монограмма Котиса I и появляется бюст Нерона. Во-вторых, в 62/63 гг. золотая чеканка на Боспоре прекращается. В-третьих, на медных боспорских монетах чеканки 63–68 гг. н.э. исчезает монограмма Котиса I, которая до этого времени размещалась рядом с портретами Нерона, Агриппины и Пуппи (Зубарь 1998, 38–39).

⁵² Зубарь 2001; 2003, 160; 2004а, 53; 2004б, 15.

диции Т. Плавтия Сильвана, то для переброски войск использовали бы его корабли, а не Равеннской эскадры. Но прямо он об этом не говорил, нет в его публикациях и пояснений, почему он так думал.

Между тем некоторые авторы высказывали сомнения в правильности построений В. М. Зубаря и его предшественников. Так, А. Е. Пуздровский полагал, что слои разрушений, выявленные на поселениях Северо-Западного Крыма, можно связывать с римско-боспорской войной, а не с экспедицией Т. Плавтия Сильвана.⁵³ В. В. Дорошко, анализируя крымские находки деталей римского воинского снаряжения, приходит к выводу, что поход не затронул Северо-Западный Крым. По его мнению, синхронные этому событию следы разрушений следует связывать с сарматами.⁵⁴ Однако наиболее последовательным критиком концепции В. М. Зубаря выступил Т. Сарновски.⁵⁵ Он предложил новое, не связанное с Равеннской эскадрой чтение клейм VEX/CRAVSP⁵⁶, усомнился в ранней датировке укрепления в Хараксе⁵⁷, а также, опираясь на мнения зарубежных коллег, допустил возможность того, что экспедиции вообще не было, а со скифами удалось справиться путем дипломатических переговоров и/или демонстрацией силы.⁵⁸ Исследователь также поддержал замечание А. Е. Пуздровского о невозможности точно определить время разрушений на поселениях Западного Крыма⁵⁹, а кроме того, показал, что целый ряд надписей, которые те или иные исследователи связывали с экспедицией легата Мезии⁶⁰, могут быть датированы другим временем.⁶¹ Т. Сарновски не только отрицает связь клейм из Харакса с Равеннской эскадрой, но и относит создание Мезийского флота к более раннему времени, чем В. М. Зубарь.⁶² Тем самым он снимает главные аргументы украинского коллеги для датировки похода 63–64 гг. н. э., но при этом сам, без каких-либо пояснений, принимает эту дату («ок. 63 г. н. э.»).⁶³

Подводя итог обзору мнений о походе Т. Плавтия Сильвана, нужно подчеркнуть, что большинство отечественных исследователей считают, что экспедиция в той или иной форме имела место. Как представляется, целесообразно связывать слои разрушений этого времени именно с акцией легата Мезии, а не с каким-либо другим событием. Римские войска, безусловно, перебрасывали кораблями, а путь к Херсонесу лежал вдоль западного побережья Крыма. Предположения о том, что поселения Северо-Западного Крыма были разрушены в ходе римско-боспорской войны или под натиском сармат, пока остаются на уровне догадок и имеют под собой гораздо меньше оснований.

Что касается даты похода Т. Плавтия Сильвана то очевидно, что сужать её до 63–64 гг. н. э., как это делал в последние годы В. М. Зубарь, пока что нельзя. Гораздо более обоснованным выглядит хронологический интервал, определенный им ранее: между 63 и 66 гг. н. э.

Об окончании жизни на поселениях Северо-Западного Крыма письменные источники ничего не сообщают. Высказывалось мнение о том, что оно может быть связано с победами боспорских царей Савромата I и Котиса II над скифами⁶⁴, зафиксированными в надписях (КБН 32, 33), но это

⁵³ Пуздровский 1992, 129–130; Пуздровский 2001а, 103; 2001б, 214.

⁵⁴ Дорошко 2012, 43.

⁵⁵ Сарновски 2006.

⁵⁶ Там же, 126–128.

⁵⁷ Там же, 119, 128.

⁵⁸ Библиографию см. там же, 118, 129.

⁵⁹ Там же, 123.

⁶⁰ Поскольку эти надписи исследователи связывают с походом Т. Плавтия Сильвана лишь предположительно, а сами они не упоминают Северо-Западный Крым и не дают никакой информации о дате похода, здесь они не рассматриваются.

⁶¹ Сарновски 2006, 124–125.

⁶² Там же, 128.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Дашевская 1971, 155.

предположение не получило поддержки других исследователей. В самих надписях о Северо-Западном Крыме ничего не говорится.

Подведем итог. Письменные источники прямо упоминают только одно событие, затронувшее позднескифский Северо-Западный Крым – Диофантовы войны. Их начало по письменным источникам можно датировать только диапазоном между 114 и 110 гг. до н. э. Сопоставление следов разрушений на поселениях региона с одной стороны, и военных кампаний Аспурга и Т. Плавтия Сильвана – с другой, представляется вероятным, но не доказанным. Дата похода Аспурга устанавливается по эпиграфическим источникам вполне определённо: между 16 и 23 гг. н. э. Экспедиция Т. Плавтия Сильвана (или его дипломатические усилия) имела место между 63 и 66 гг. до н. э. Установить время занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами и ухода их из региона, а также дату вывода понтийских гарнизонов по письменным источникам не представляется возможным. Определять их стоит на основании археологических источников, хотя и их возможности ограничены.⁶⁵

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В. А. 1963. Монетное дело Херсонеса I–III вв. н. э. // НЭ IV, 3–88.
- Антонов Е. Е. 2016. Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датирования и атрибуции // ПИФК 2, 178–195.
- Антонов Е. Е. 2018а. О хронологии позднескифского поселения Тарпанчи в Северо-Западном Крыму // КСИА 253, 54–65.
- Антонов Е. Е. 2018б. Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки 4/3, 3–15.
- Белов Г. Д. 1948. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Ленинград.
- Блаватская Т. В. 1965. Рескрипты царя Аспурга // СА 2, 197–209.
- Блаватский В. Д. 1950. Раскопки Пантикапея // КСИА XXXIII, 17–28.
- Блаватский В. Д. 1953. Новые данные о строительстве Пантикапея // СА XVII, 163–182.
- Блаватский В. Д. 1985. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // Античная археология и история. Москва, 229–235.
- Бурачков П. О. 1881. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД 12, 222–248.
- Виноградов Ю. Г. 1985. [Выступление в дискуссии] // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 643–648.
- Внуков С. Ю. 1994. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 60–67.
- Внуков С. Ю. 1997. Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет) // Крымская археология 2, 37–47.

⁶⁵ Антонов 2016; 2018а; 2018б.

- Внуков С. Ю. 2004. О местоположении древнего Евпатория в свете результатов археологических исследований последних лет // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 12–19.
- Внуков С. Ю. 2016. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ 20, 90–121.
- Внуков С. Ю., Коваленко С. А., Трейстер М. Ю. 1990. Гипсовые слепки из Кара-Тобе // ВДИ 2, 100–119.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. Москва–Ленинград.
- Гриневиц К. Э. 1947. Херсонес и Рим // ВДИ 2, 229–237.
- Дашевская О. Д. 1971. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // Либеров П. Д., Гуляев В. И. (ред.), Проблемы скифской археологии (МИА 177), 151–155.
- Дашевская О. Д. 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ Д 1–7.
- Дорошко В. В. 2012. Поход Плавтия Сильвана в Таврику: мифы и реалии // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности. Симферополь, 34–46.
- Дьяков В. Н. 1941. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ 1, 87–97.
- Жебелев С. А. 1938. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ 3, 50–71.
- Зубар В. М. 1988. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія 63, 19–27.
- Зубарь В. М. 1998. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. – первая половина VI в.). Киев.
- Зубарь В. М. 2001. О характере похода легата Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1408547153>.
- Зубарь В. М. 2003. Ещё раз о походе легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику // Исседон II, 155–170.
- Зубарь В. М. 2004а. Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н. э. – первой половине II в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 31–72.
- Зубарь В. М. 2004б. Таврика и Римская империя: римские войска и укрепления в Таврике. Киев.
- Зубарь В. М., Марченко Л. В. 2005. Херсонес во второй половине II – середине I в. до н. э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. Киев, 243–292.
- Кадеев В. И. 1979. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ 2, 55–76.
- Кадеев В. И. 1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков.
- Колтухов С. Г. 1993. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 206–222.
- Крапивина В. В., Диатроптов П. Д. 2005. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ 1, 67–73.
- Кутайсов В. А. 2003. Керчинитида и Херсонес в IV–II вв. до н. э. // ВДИ 2, 60–90.
- Кутайсов В. А. 2004. Керчинитида в античную эпоху. Киев.
- Ланцов С. Б. 2001. К вопросу о пребывании войск понтийского царя Митридата VI Евпатора в Таврике // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 63–66.
- Латышев В. В. 1890. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. Санкт-Петербург.
- Лордкипанидзе Г. А. 1970. К истории древней Колхиды. Тбилиси.

- Манадян Я. А. 1943. Тигран Второй и Рим. В новом освещении по первоисточникам. Ереван.
- Мемнон 1951. О Геракле / Пер. В. П. Дзагуровой // ВДИ 1, 289–316.
- Молев Е. А. 1995. Властитель Понта. Нижний Новгород.
- Пуздровский А. Е. 2001а. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ 3, 86–117.
- Пуздровский А. Е. 2001б. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н. э. // БФ. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. Санкт-Петербург, 212–217.
- Пуздровський О. Є. 1992. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е. – перш. пол. III ст. н. е. // Археологія 2, 125–135.
- Раевский Д. С. 1968. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ 3, 127–133.
- Раевский Д. С. 1973. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. – II в. н. э.) // ВДИ 2, 110–120.
- Ростовцев М. И. 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость (Отдельный оттиск из ЖМНП). Санкт-Петербург.
- Сапрыкин С. Ю. 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. Москва.
- Сапрыкин С. Ю. 1996. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. Москва.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. Москва.
- Сарновски Т. 2006. Плавтий Сильван и «эксадра-призрак» на Черном море в I в. н. э. // ВДИ 1, 117–131.
- Соломоник Э. И. 1977. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ 3, 53–63.
- Соломоник Э. И. 1990. Каменная летопись Херсонеса. Графические и лапидарные надписи античного времени. Симферополь.
- Тодуа Т. Т. 1985. Колхида в составе Понтийского царства. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Тбилиси.
- Уженцев В. Б. 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.) // Материалы по археологии Крыма. Симферополь.
- Флавий И. 1991. Иудейская война. Пер. Я. Черток. Минск.
- Шелов Д. Б. 1980. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ 3, 28–43.
- Щеглов А. Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград.
- Minns E. H. 1913. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge.
- Vnukov S. Y. 2001. The North-Western Crimea: An Historical-Archaeological Essay // G.R. Tsetschladze (ed.), North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies (Colloquia Pontica 6). Leiden–Boston–Köln, 149–175.

Л. А. Голофаст, С. В. Ольховский

КОМПЛЕКС СТЕКЛА ИЗ ПОДВОДНОГО ФУНДАМЕНТА В АКВАТОРИИ ФАНАГОРИИ

Аннотация. В статье представлен комплекс стекла 5–6 вв. н. э., выявленный в ходе подводных раскопок фундамента причального сооружения в акватории Фанагории. Благодаря довольно длительному периоду формирования комплекса находок в нем отразились изменения в ассортименте бытовавшей стеклянной посуды: от весьма разнообразного в 5 в. до скудного набора 6 в., в котором безраздельно доминировали «рюмки».

Набор сосудов в полной мере отражает сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию, характеризующуюся открытостью торговых маршрутов, которые связывали различные регионы Европы: одинаковые стеклянные изделия, производившиеся в одних и тех же центрах Восточного Средиземноморья, находят как в довольно удаленных друг от друга, так и от центров производства регионах. Благодаря активной торговле быстро распространялась мода на одни и те же сосуды и приемы их орнаментации, что служило стимулом для появления производства популярных сосудов в разных точках средиземноморско-причерноморского региона. Таким образом, представленная коллекция стекла, как и комплекс керамики этого времени, продемонстрировала включенность Фанагории рассматриваемого периода в обширный средиземноморско-причерноморский рынок.

Ключевые слова. Фанагория, подводные раскопки, позднеантичный период, комплекс стекла

Abstract. The article presents the glass assemblage of the 5th–6th centuries found in the course of underwater excavations of the quay in the harbour of Phanagoria. The collection presents a great variety of forms and reflects changes in the assortment of glass vessels in the course of time. The 5th century is characterized by the extensive assortment of forms and various types of decoration (relief mold-blown, blue blobs and polished ornament). In the 6th century most kinds of ornamentation disappeared, the range of vessel types were reduced to 2-3 main forms with considerable predominance of stemmed goblets.

All these changes occurred in terms of process common for the entire Mediterranean-Pontic region in the Late Antiquity. This period is characterized by the well-developed network of trade routes that connected sometimes very remote regions with production centers of the Eastern Mediterranean and Europe. The intensive trade promoted the spread of fashion for various forms of vessels and ornamentation that in its turn stimulated the appearance of new manufacturing centers that produced popular glass vessels in different points of the Mediterranean-Pontic region.

Key-words. Phanagoria, underwater excavations, Late Antique period, glass assemblage.

В ходе подводных археологических исследований 2005–2011 гг. в акватории Фанагории была изучена конструкция, обозначенная в предшествующих публикациях как подводный фундамент или ряж.¹ В ходе работ были расчищены верхняя поверхность и фасы фундамента, а также послойно расчищен до материка прилегающий участок дна на площади до 1500 м². Расчистка велась грунтоуборочной техникой по методике, обеспечивающей выявление и фиксацию *in situ* даже мелких находок (монеты, грузила, рыболовные крючки).

Фундамент вытянут перпендикулярно берегу по линии север–юг, его южная оконечность находится в 120 м от современного уреза воды, северная – в 160 м. Конструктивно фундамент состоит из трех деревянных

¹ Подробную информацию см. Голофаст, Ольховский 2016.

клетей, забитых бутовым камнем и частично перекрытых обработанными плитами, происходящими из разрушенных общественных зданий, и надгробиями из некрополя Фанагории. Существенные конструктивные отличия северной клетки от центральной и южной свидетельствует о строительстве ряжа, как минимум, в два этапа. Вероятно, на первом этапе были сооружены центральная и южная клетки, конструкция которых отличается высоким качеством обработки деревянных элементов и тщательной подгонкой высоты плит, использованных для выкладки верхней поверхности клеток. Затем, вероятно, из-за малой (около 0,5 м) глубины у северного торца центральной клетки, недостаточной для подхода судов, к северу от нее была построена еще одна клеть.

Объект, фундаментом которого являются клетки, был построен в конце 3 – начале 4 вв. н.э.² и активно использовался до начала 5 в. н.э., находки более позднего времени здесь почти отсутствуют. На северо-восток от северной клетки отходит протяженная выкладка из крупных строительных блоков вторичного использования (далее – мол). Комплекс керамики, выявленной в районе мола, говорит в пользу его строительства в середине – второй половине 5 в. Прекращение функционирования, как и всего ряжа в целом, авторы настоящей статьи предварительно связали с описанным Прокопием Кесарийским разрушением Фанагории и Кеп варварскими племенами³, которое, по мнению исследователей, произошло в ходе восстания против вассала Византии, варварского князя Горда (или Грода), и ответных действий против варваров византийских войск и флота, которое датируется по письменным источникам (Прокопий Кесарийский, Феофан и др.) 528 или 534 гг.⁴ Однако существует и другая интерпретация событий, описанных Прокопием, позволяющая отнести разрушение Фанагории и Кеп к несколько более позднему времени. По сообщению Евагрия Схоластика (конец 6 в.), где-то после 560 г. к Боспору вышли авары, которые кочевали «по ту сторону Кавказа» и, «убежав от своих соседей турок, которые нападали на них, они пришли к Босфору; потом, оставив берега так называемого Евксинского Понта ... шли вперед... пока, наконец, не достигли берегов Истра».⁵ Как отмечает А. Ю. Виноградов, если «следовать этому сообщению, то авары двигались с Кавказа и для того, чтобы выйти к Керченскому проливу, должны были пройти через Азиатский Босфор».⁶ Тюрки, от которых бежали авары, действительно появляются с азиатского берега у стен Боспора в 576 г. С ними связывают разрушение Боспора и многих крепостей и малых городов Боспора, в том числе на восточной стороне пролива.⁷

Не исключено, что ряж погиб одновременно с кварталами Нижнего города во второй половине 6 в. Последнюю дату дает золотой солид Юстиниана I 542–565 гг. выпуска⁸, найденный в слое пожара, открытом в 2019 г. на раскопе «Нижний город». В комплексе керамики, действительно, имеется несколько фрагментов, которые позволяют, как минимум, не исключать из рассмотрения возможность более поздней даты разрушения ряжа. К ним относится фрагмент миски группы «Фокейской краснолаковой»,

² Кузнецов, Колесников, Ольховский 2008, 375–378.

³ Голофаст, Ольховский 2016, 71.

⁴ Сазанов 1989, 58; Атавин 1993, 170; Паромов 2003, 158.

⁵ Евагрий Схоластик 1997, 192.

⁶ Виноградов 2010, 142 – 143.

⁷ Николаева 1981, 93; Сазанов 1989, 58; Айбабин 1999, 134–137; 2019, 11; Гаврилухин, Паромов 2003, 153–154.

⁸ См. статью М.Г. Абрамзона и С.Н. Остапенко в настоящем сборнике.

близкой к форме 10А⁹, появившейся, согласно общепринятой хронологии краснолаковой керамики, в конце 6 в.¹⁰ и несколько фрагментов амфор критского производства.¹¹ «Семья» т.н. критских амфор относится к числу наиболее сложных. По мнению А. Опайта¹², существовало большое количество мастерских по их производству, выпускавших множество типов с массой вариантов и едва ли располагавшихся в пределах одного острова. Поэтому найти аналогию тому или иному сосуду, тем более при отсутствии целой формы, чрезвычайно сложно. На наш взгляд, одна из представленных в комплексе амфор¹³ близка типу TRC6, датирующемуся концом 6–7 вв.¹⁴ В Северном Причерноморье самые ранние комплексы, в которых выявлены амфоры типа TRC 5, одна из которых также присутствует в комплексе¹⁵, содержат монеты Юстиниана I (527–565).¹⁶ Кроме того, комплекс керамики из раскопок подводного фундамента содержит довольно большой процент фрагментов мисок формы 3F группы «Фокейской краснолаковой»¹⁷, что не характерно для комплексов первой половины 6 в., выявленных в других центрах Северного Причерноморья.¹⁸

Естественно, полученные в ходе подводных исследований материалы не могут служить обоснованием для уверенных выводов. Кроме того, типология и хронология краснолаковой керамики, разработанная Дж. Хейсом и служившая на протяжении нескольких десятилетий базой для датировки комплексов ранневизантийского времени, в настоящий момент вызывает бурную дискуссию среди исследователей и активно пересматривается.¹⁹ Так, согласно корректировке ранее предложенной даты, посуда формы 10А группы «Фокейской краснолаковой» появляется в 550 г., а не в конце столетия, как считалось ранее.²⁰ Постоянно пересматриваются и даты бытования разных типов амфор. Именно поэтому авторы считают необходимым акцентировать внимание на всех нюансах рассматриваемого комплекса.

Предлагаемая статья посвящена публикации найденных в районе мола многочисленных фрагментов стеклянных сосудов.

Главная проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении стекла из городских слоев – это крайняя фрагментированность материала, с одной стороны, а с другой – бесконечное множество комбинаций, в которых стеклоделы сочетали различные типы венчиков, тулов и доньев. Поэтому находки, как правило, рассматриваются по морфологическим группам, т.е. отдельно венчиков, горл, доньев, ножек и ручек. Именно по этой схеме будет рассматриваться стекло из раскопок подводного фундамента Фанагории.

За редким исключением представленные в комплексе сосуды выполнены в технике свободного выдувания, и лишь несколько изготовлены путем выдувания в форму. Большинство сосудов сделано из зеленоватого, естественно окрашенного стекла с довольно многочисленными мелкими сферическими или эллиптическими пузырьками. Поверхность подавляющего большинства сосудов покрыта серебристо-радужным, золотисто-радужным слоем продуктов выветривания или радужной побежалостью.

⁹ Голофаст, Ольховский 2016, рис. 18. 26.

¹⁰ Hayes 1972, 346.

¹¹ Голофаст, Ольховский 2016, 62, 71, рис. 10. 1, 3.

¹² Личная консультация.

¹³ Голофаст, Ольховский 2016, рис. 10. 1.

¹⁴ Portale, Romeo 2001, 308, tav. LIV a, b.

¹⁵ Голофаст, Ольховский 2016, рис. 15–18.

¹⁶ Sazanov 2014, 403.

¹⁷ Голофаст, Ольховский 2016, рис. 15–18.

¹⁸ Например, см. Голофаст 2007.

¹⁹ Cau, Reynolds and Bonifay 2011.

²⁰ Hayes 1998, 15.

Что же касается центров производства рассматриваемых сосудов, то следует отметить, что в позднеантичный период стеклоделы Запада и Востока использовали одни и те же технологии изготовления, а орнаментация сосудов, произведенных в разных регионах, была настолько схожа, что определить центр или хотя бы регион их изготовления, тем более по фрагменту, бывает практически невозможно. К тому же приемы орнаментации, как правило, придуманные еще в 1 в. н. э., продолжали использовать до 4–5 вв. включительно. Дело осложняется еще и тем, что стеклоделы Сирии, являвшейся на протяжении долгого времени основным регионом производства стекла, имели возможность свободно перемещаться по Империи, и некоторые из них оседали в других центрах, в частности на Рейне, распространяя таким образом разработанные на территории Сирии технологии и приемы орнаментации.²¹

Сосуды с отбитым необработанным или зашлифованным краем

К числу самых распространенных форм первых веков н. э., без сомнения, принадлежат сосуды с прямым обрезанным необработанным или зашлифованным краем. Доминирование этого типа сосудов наблюдается по всему Средиземноморью и Причерноморью. Делали их с помощью стеклодувной трубки без использования понтии, а отбитый край либо оставляли необработанным, либо отшлифовывали колесом вхолдную, когда сосуд был полностью сформован. Большая часть исследователей определяет их как сосуды для питья.²² Однако возможно их использование и в качестве светильников.²³

Сосуды с подобным оформлением края появляются в I в. н. э. и бытуют до 5 в. включительно, с пиком бытования – в 3–4 вв.²⁴, когда они доминировали по всему Средиземноморью и Причерноморью. Однако вновь следует отметить, что большинство технологий, появившихся в первые века н. э., почти не менялись на протяжении столетий и при отсутствии каких-то других критериев определить дату того или иного сосуда практически невозможно, хотя некоторые наблюдения, позволяющие отличить ранние сосуды от более поздних, сделаны. Так, в Джаламе было замечено, что ранние сосуды (2 в. н. э.) с обрезанным краем имеют более тонкие стенки, а сосуды со шлифованным линейным орнаментом были найдены в слоях, связанных исключительно с деятельностью стеклоделательной мастерской, функционировавшей во второй половине 4 в.²⁵ По наблюдениям Д. Фуа, сначала такие сосуды делали, главным образом, из голубоватого стекла и только с конца 4 в. – из оливкового, которое превалировало весь 5 в.²⁶ Однако эти критерии нельзя признать всегда работающими. Установлено, что сосуды с горизонтальными врезными или прошлифованными полосками разной толщины, которые наносили на поверхность сосудов в холодном состоянии, появляются в 1 в. до н. э. и часто встречаются в слоях первых веков н. э.²⁷

²¹ Stern 2001, 130, 131.

²² Foy, Hochuli-Gysel 1995, 156; Cool 1995, 12 и т. д.

²³ Sternini 1995, 260; Dussart 1995, 347.

²⁴ Gorin-Rosen 2002, 292, fig. 2. 13; Katsnelson 2010, 137.

²⁵ Weinberg, Goldstein 1988, 60–62, 94, fig. 4–23.

²⁶ Foy 1995, 198–199.

²⁷ Isings 1957, 44; Saldern von 1980a, 13, pl. 20. 56.

Сосудам с обрезанным краем посвящена огромная литература, существует несколько их классификаций, учитывающих пропорции сосудов, детали формы, приемы орнаментации, способы перехода тулова в дно и т. д. Мы воспользуемся классификацией Н. П. Сорокиной, которая выделяет среди них три основных типа: 1) стаканы с округлыми стенками; 2) стаканы в форме высокого усеченного конуса и 3) конусовидные кубки.²⁸ По характеру орнаментации они делятся на следующие варианты: 1) сосуды с неорнаментированными стенками, составляющие, как правило, самую большую группу; 2) с налепами синего стекла; 3) со шлифованным орнаментом (часто второй и третий тип орнаментации сочетаются) и 4) с рельефным орнаментом.

Сосуды с неорнаментированными стенками.

В рассматриваемом комплексе выявлено три фрагмента тонкостенных стаканов с округлыми стенками (по терминологии Сорокиной) или чаш-кубков (по терминологии Н. З. Куниной), выполненных в технике свободного выдувания из практически бесцветного стекла, с легким оливковым и зеленоватым оттенком (рис. 1. 1, 2, 5) с многочисленными мелкими круглыми и отдельными горизонтальными эллиптическими пузырьками. Д. венчиков – 6,0; 8,0; 9,0 см. Подобные сосуды, как правило, имели небольшое слегка вогнутое сферическое в сечении дно и обычно датируются серединой 3 – началом 5 вв.²⁹ Они были широко распространены на территории Западной Европы, но главная область их распространения – это долина Рейна, что, по мнению Н. З. Куниной, свидетельствует об их производстве именно в этом районе, судя по разным оттенкам стекла, в нескольких мастерских, в том числе в Колонии Агриппине, которая была в то время мощным стеклоделательным центром.³⁰ Довольно много таких сосудов, сделанных из почти бесцветного стекла с легким зеленоватым, голубоватым и желтоватым оттенком, найдено и при раскопках стеклоделательной мастерской в Джаламе.³¹

Сосуды со шлифованным орнаментом.

В комплексе имеется лишь один фрагмент сосуда с очень тонкими стенками, украшенными двумя шлифованными горизонтальными линиями: под венчиком и в верхней части тулова. Сосуд отличается очень высоким качеством стекла, в котором практически полностью отсутствуют пузырьки. Д. венчика – 11,0 см.

В 3 в. шлифованный орнамент становится более сложным. Наиболее характерными для этого времени были шлифованные кружочки и овалы, хотя самые ранние сосуды с орнаментом в форме фасеток относятся к концу 1 (точнее к 60-м или началу 70-х годов 1 в. н. э.) – началу 2 вв. н. э. (форма 21 по Айсингс³²). Не менее популярны в 3–4 вв. были и сосуды, украшенные шлифованным орнаментом, состоящим из неаккуратно нанесенных линий в различных комбинациях. Сосуды с таким орнаментом изготавливали в мастерских Востока (они известны по раскопкам в Зевгме и Дура Европос³³, но популярным этот орнамент был и у мастеров Западной Европы³⁴, где основными центрами их производства считают Кельн и,

²⁸ Сорокина 1971, 85–101.

²⁹ Кунина 1984, 159, табл. III. 22–23; Сорокина 1962, 227, рис. 11. 3; Сорокина 1965, 209, рис. 3. 1–3.

³⁰ Кунина 1984, 159–160.

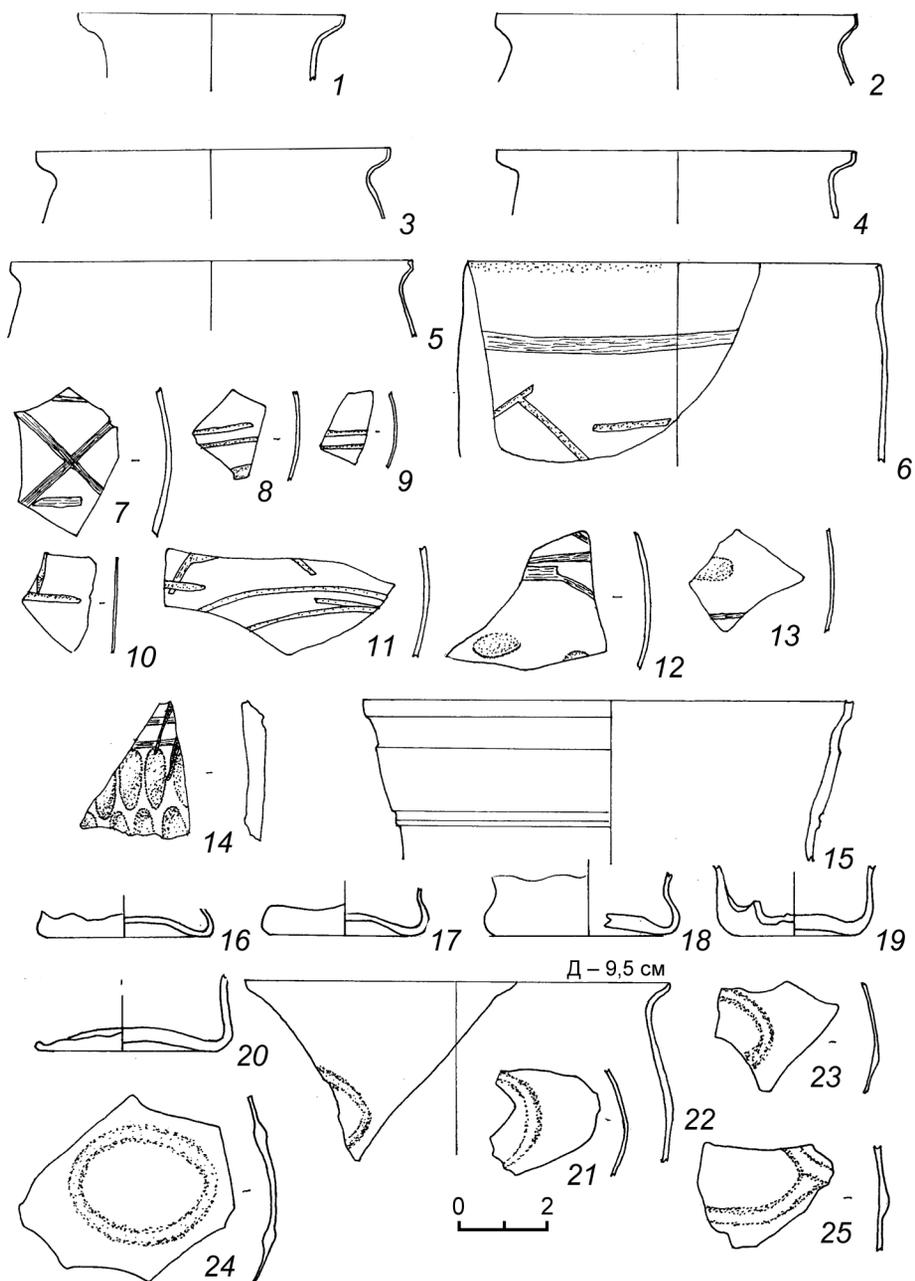
³¹ Weinberg, Goldstein 1988, 94, 96–98, fig. 4–49.

³² Isings 1957, 37–38; Stern 2001, 137; Whitehouse 2002a, 221.

³³ Grossmann 2013, 230, fig. 33.

³⁴ Saldern von 1980a, 18, pl. 21. 77.

Рис. 1: 1–5 – сосуды с отбитым необработанным или зашлифованным краем; 6–15 – сосуды со шлифованным орнаментом; 16–20 – сосуды с наклепами синего стекла; 21–25 – сосуды с рельефным орнаментом

возможно, Рим.³⁵ Следует особо отметить, что фрагменты сосудов с аналогичным орнаментом были найдены при раскопках стеклоделательной мастерской в Херсонесе.³⁶ К сожалению, о том, как выглядели эти сосуды, можно судить только по рисункам в публикации, но нельзя исключать, что сосуды, найденные в Фанагории, производились именно в Херсонесе.

Все сосуды комплекса, украшенные подобным образом, отличаются очень тонкими стенками и сделаны из практически бесцветного стекла с легким зеленовато-голубым, зеленовато-оливковым или зеленоватым оттенком, со светлыми круглыми пузырьками. От большинства сохранились лишь небольшие фрагменты стенок (рис. 1. 7–11). Лишь от одного

³⁵ Fünfschilling 1999, 460.

³⁶ Белов 1969, 82, рис. 23, о. п.

сохранился фрагмент почти цилиндрического тулова с вертикальным венчиком и обрезанным и зашлифованным краем. Сделан сосуд из практически бесцветного стекла с легчайшими зеленовато-оливковым оттенком и немногочисленными мелкими и крупными круглыми и вертикальными (на тулове) и горизонтальными (на венчике) эллиптическими пузырьками. Д. венчика – 9,2 см.

Два фрагмента отличаются толщиной стенок и довольно глубокой рельефной резьбой. Оба сосуда специально выдуты толстостенными для сохранения прочности после нанесения на них орнамента. Один принадлежал сосуду с округлыми стенками (толщина стенки – 0,48 см), украшенными двумя рядами близко расположенных слегка отполированных овалов в форме зерна риса под двумя глубокими горизонтальными врезными линиями, нанесенными с помощью шлифовального круга (рис. 1. 14). Стекло сосуда с легким зеленоватым оттенком (практически бесцветное), с многочисленными светлыми круглыми пузырьками. Сосуды со шлифованным орнаментом в форме фасеток производили, судя по районам наибольшей концентрации находок, в четырех центрах: Кельне, Паннонии³⁷, Сирии, возможно, в Дура-Европос³⁸ и в Северном Причерноморье (в Танаисе).³⁹ Причем, следует отметить, что критерии, которые позволили бы отличить продукцию одного центра от продукции других, не выявлены.⁴⁰ Пик бытования сосудов, орнаментированных подобным образом, приходится на вторую половину 2 – первую половину 3 вв. Во второй половине 3 в. в трех из перечисленных центров стеклоделательное производство прекратилось: в Танаисе в результате нашествия готов в 240-х гг., в Дура-Европос – после захвата города сасанидами в 256 г., в Паннонии – в 260 г. Исключение составляет Кельн, где производство стекла продолжалось и в 4 в., в том числе и производство сосудов с описываемым орнаментом.

Второй сосуд, от которого сохранилась верхняя часть тулова со слегка отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх обрезанным и хорошо зашлифованным краем, украшен широким желобком под венчиком и двумя желобками, узким и широким, в верхней части тулова (рис. 1. 15). Стекло с легчайшим зеленоватым оттенком (практически бесцветное), с редкими мелкими круглыми и горизонтальными эллиптическими пузырьками. Д. венчика – 11,0 см. Судя по направлению стенок сохранившейся верхней части тулова, сосуд относится к разряду конических кубков или стаканов с прямыми суживающимися книзу стенками, аналогичных найденному в слое 4 в. в Тмутаракани⁴¹. Конические кубки были широко распространены в 4 в. в обеих частях Римской империи, но особенно популярны они были в Сиро-палестинском регионе и Египте.⁴² Единственная известная мастерская, в которой производили конические кубки, украшенные прошлифованными расположенными на некотором расстоянии друг друга полосами и сделанных из качественного практически бесцветного стекла, открыта в Джаламе.⁴³ Как свидетельствуют изображения на мозаиках Бет-Шана и Тверии, их использовали, в основном, в качестве светильников⁴⁴, хотя могли использовать и в качестве сосудов для питья, что подтверждается стенными росписями гробницы 4 в. в Остии.⁴⁵

³⁷ Whitehouse 2002a, 257–258.

³⁸ Stern 2001, 137.

³⁹ Алексеева, Арсеньева 1966; Арсеньева, Науменко 1992, 21, рис. 96. 1; Яценко 2006.

⁴⁰ Stern 2001, 137.

⁴¹ Сорокина 1963, 140, рис. 1. 8.

⁴² Gorin-Rosen, Katsnelson 2007, 92–93.

⁴³ Weinberg, Goldstein 1988, 87.

⁴⁴ Голофаст 2001, 129; Gorin-Rosen, Katsnelson 2007, 92.

⁴⁵ Fleming 1997, 33, fig. 18.

Сосуды с наклепами синего стекла.

Сосуды с орнаментацией синими наклепами, призванной имитировать сосуды из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями, в рассматриваемом комплексе представлены стаканами с округлыми стенками (тип I по Н. П. Сорокиной) и стаканами в форме усеченного конуса (тип II по Н. П. Сорокиной).⁴⁶

Н. П. Сорокина на основании датировки 30 комплексов, в состав которых входили стаканы этого типа, отнесла их бытование к 4 – началу 5 вв.⁴⁷ Однако пересмотр датировки комплексов позволил несколько скорректировать предложенные исследовательницей даты и отнести их к последним десятилетиям 4 – первой половине 5 вв.⁴⁸ Эта датировка подтверждается материалами из раскопок боспорского некрополя, могильника у села Лучистое⁴⁹ (комплексы четвертой группы, датирующиеся первой половиной 5 в.)⁵⁰ и Танаиса, где стаканы рассматриваемого типа с синими наклепами происходят из погребений конца 4 – первой половины 5 вв.⁵¹

В Северном Причерноморье основная масса сосудов с наклепами синего стекла сосредоточена в районе Боспора – Пантикапее, Фанагории, Гермонассе⁵², где (в Пантикапее или Фанагории) предполагается наличие производства сосудов типа IV.⁵³

В рассматриваемом комплексе эта группа представлена фрагментом тонкостенного сосуда со слегка отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх обрезанным, очень хорошо зашлифованным краем и суживающимся книзу туловом, на котором сохранилась часть капли синего стекла. Стекло сосуда с легким оливковым оттенком и светлыми сферическими пузырьками. Д. венчика – 8,0 см.

К этой же группе относятся два фрагмента сосудов с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх обрезанным незашлифованным краем (рис. 1. 3, 4) из оливкового стекла очень хорошего качества (пузырьки практически отсутствуют, как и следы выветривания). Диаметр обоих венчиков – 8,0 см. Судя по направлению стенок сохранившейся верхней части тулова фрагменты, скорее всего, принадлежали типу 1 варианта Д или Е, по Н. П. Сорокиной.⁵⁴

Несколько фрагментов вогнутых сферических в сечении доньев, бесспорно, принадлежали сосудам в форме усеченного конуса (тип II по Н. П. Сорокиной) (рис. 1. 16–20). Стекло всех сосудов оливковое, как правило, с редкими мелкими сферическими светлыми пузырьками, стекло лишь одного сосуда (рис. 1. 20) содержало довольно много светлых мелких круглых пузырьков. Д. доньев – 2,8; 3,7; 3,8 (2 экз.); 4,0 (2 экз.); 4,2; 5,0 см.

Судя по комплексам, в которых такие сосуды были найдены, датируются они 5 в. В могильнике Лучистое они происходят из погребений четвертой хронологической группы первой половины 5 в.⁵⁵

Сосуды с рельефным орнаментом (форма 107 по Айсингс⁵⁶).

В комплексе можно выделить несколько вариантов рельефного орнамента.

⁴⁶ Сорокина 1971, 85–90, рис. 1.

⁴⁷ Там же, 97, 99.

⁴⁸ Айбабин 1984, 113, рис. 4. 1; 1990, 13, рис. 2; Гавритухин 2015, 271.

⁴⁹ Засецкая 2008, 8–24.

⁵⁰ Айбабин 1999, 261–265; Айбабин, Хайрединова 2008, 47, рис. 24. 21–23.

⁵¹ Масленников 1997, 20–21, рис. 45. 1; 46. 14; Каменецкий, Кропоткин 1962, 237, рис. 1. 1.

⁵² Сорокина 1963, 135–136, рис. 1. 1–4; 2. 1, 2; 1976, 204–205, рис. 4; Сорокина 1978, 273; Корпусова 1973, 39, рис. 11; Масленников 1989, 82, рис. 186–187.

⁵³ Сорокина 1971, 100; Воронов 1974, 78.

⁵⁴ Сорокина 1971, 89, рис. 1.

⁵⁵ Айбабин, Хайрединова 2008, 47, рис. 24. 19.

⁵⁶ Isings 1957, 133.

Сотовый орнамент представлен лишь одним фрагментом стенки тонкостенного сосуда из стекла с легчайшими зеленоватым оттенком и редкими мелкими круглыми светлыми пузырьками.

Как правило, подобные сосуды имеют полусферическое или цилиндрическое тулово, наклонный наружу венчик с загнутым вверх прямым зашлифованным или необработанным краем и вогнутым, чаще сферическим в сечении, дном. Верхняя часть тулова таких сосудов украшена рядом вертикальных каннелюр или кругом с крестом, вкомпонованным в ряд фигур в виде галочек. Ниже располагался сотовидный орнамент или комбинированный орнамент, состоящий из кругов с точкой посередине и пересекающихся линий. Начинался процесс изготовления таких сосудов с выдувания наборки стекла в форму для отпечатывания на ней орнамента, затем формовку продолжали уже вне формы: мастер, вращая изделие на понтии, вытягивал его, придавая форму стакана. Отражение этого процесса можно видеть в рельефном орнаменте таких сосудов, которые в нижней части имели более вытянутую форму.⁵⁷

Сосуды с такого рода орнаментацией – довольно редкое явление, но их ареал довольно широк: от Западного Средиземноморья до Восточного Причерноморья, где их найдено особенно много.⁵⁸ В Сэнт-Блэзе они происходят из контекста 5 в.⁵⁹, в Арле – из слоя середины/второй половины 5 в. и конца 5 – начала 6 вв.⁶⁰, на Фасосе – 650–700 гг.⁶¹, в Паннонии они выявлены в слоях 4–5 вв.⁶² Встречаются они и в Западном Причерноморье.⁶³ Известны их находки в Карию.⁶⁴ В Северном Причерноморье сосуды с рельефной поверхностью относятся к числу довольно редких находок. Несколько обнаружено в Херсонесе в комплексах третьей четверти 5 – конца 6 – начала 7 вв.⁶⁵ Помимо Херсонеса они найдены в Пантикапее⁶⁶, Суворовском могильнике⁶⁷, могильнике Алония (склеп 11 конца 4 – первой половины 5 вв.⁶⁸, могильнике Харакс (могила 295 в.)⁶⁹, Совхоза 10⁷⁰, Танаисе, где два фрагмента найдены в слое конца 4 – начала 5 вв.⁷¹ и т. д.

Обычно изготовление сосудов с сотовидной орнаментацией связывают с мастерскими Восточного Средиземноморья, в частности Сирии и Египта.⁷² Датируют же их разные авторы по-разному: К. Айсингс⁷³, Л. Баркоци⁷⁴ и Д. Уайтхаус⁷⁵ – 4 – первыми десятилетиями 5 вв., А. И. Айбабин – второй половиной 4 – первой половиной 5 вв.; Н. П. Сорокина сначала относила их к 4–5 вв., а затем сузила время их бытования до 4 – первой половины 5 вв.⁷⁶ Ю. Н. Воронов датировал Восточно-причерноморские комплексы со стаканами с сотовым орнаментом в рамках середины 5 – первой половины 6 вв.⁷⁷ Д. Фуа, не уточняя дату появления этих сосудов, предлагает в качестве времени их бытования 5 в.⁷⁸ Как видим, разброс во мнениях исследователей довольно велик – от 4 до второй половины 6 вв. Однако следует отметить, что большинство сосудов рассматриваемого типа все же найдено в комплексах 5 века.

Предполагается, что чаши с сотовым орнаментом использовались не только как сосуды для питья, но и в качестве светильников, которые использовали для освещения каких-то особых мест в базиликах.⁷⁹

⁵⁷ Haberey 1966; Сорокина 1973, 184; Grossmann 2013, 246.

⁵⁸ Скалон 1978, 70; Воронов 1969, табл. XLVII. 21; 1974, 75, рис. 1. 14; 2. 2, 11; 3. 4; Воронов и др. 1987, 99, табл. CLXXV. 22a; Khrushkova 2009, 344, fig. 26; Baghaturlia-Kner 2009, 362–364, figs. 13–17.

⁵⁹ Foy 1994, 201, fig. 151. 15, 16.

⁶⁰ Foy 1995, 200, pl. 10. 84–91.

⁶¹ Abadie-Reynal, Sodini 1992, 94, fig. 39. V35, V36.

⁶² Barkoczi 1971; Шаломон, Баркоци 1982, 41, рис. 9. 18; Barkoczi 1988, 95, taf. XIII. 140 – 142.

⁶³ Минчев 1988, 48, табл. VII. 39; Gomolka-Fuchs 1991, taf. 76. 1263.

⁶⁴ Contardi 2009, 126, figs. 16–18.

⁶⁵ Голофаст 2001, 126–127, рис. 7. 10–12; 14. 10; 21. 4; 28. 5; 50. 7; 82. 5. 6.

⁶⁶ Сорокина 1962, 231; Сорокина 1973, 187, рис. 2. 14.

⁶⁷ Юрочкин 1997, 306, табл. I. 33.

⁶⁸ Турова, Черныш 2015, 138–139, 145, рис. 16. 181.

⁶⁹ Айбабин 1990, 176–181, рис. 2.

⁷⁰ Сорокина 1973, 187, рис. 2. 11; Стржелецкий и др. 2003–2004, 123, табл. XXVIII. 15.

⁷¹ Яценко 2007, 196, табл. XI, 154–155.

⁷² Harden 1936, 165, pl. XVI. 472; Barkoczi 1971, 71; Воронов 1974, 78; Скалон 1978, 70; Сорокина 1978, 274, рис. 3. 8; Stern 2001, 134.

⁷³ Isings 1957, 133.

⁷⁴ Barkoczi 1971, 71; 1988, 95.

⁷⁵ Whitehouse 2002b, 113–115.

⁷⁶ Сорокина 1973, 187; 1979, 61.

⁷⁷ Воронов 1974, 75, рис. 2. 1.

⁷⁸ Foy 1995, 200.

⁷⁹ Cosyns, Ceglja 2018, 84, fig. 4.5. a.

Сосуды с орнаментацией в стиле nip't diamond WAIELS.

Несколько фрагментов принадлежали сосудам, украшенным рельефным орнаментом в виде овалов, иногда соединенных друг с другом в цепочку перемычками (рис. 1. 21–25). Аналогичный орнамент характерен для английского стекла 17 в. и известен под названием *nip't diamond WAIELS*, т. е. «без бриллиантов», которое было перенесено на украшенные аналогичным образом сосуды позднеантичного времени. Орнаментация *nip't diamond WAIELS* характерна для сирийского стекла 3–4 вв.⁸⁰ Находки сосудов с таким орнаментом известны по раскопкам некрополя Пантикапея, где они были найдены в могилах 21/1873, 75/1909 и 179/1904, датирующихся концом 4 – началом 5 вв. и один – вне погребального комплекса. Это вазообразные кубки с округлым туловом, коротким расширяющимся кверху широким горлом и уплощенным дном (вид I, по И. П. Засецкой).⁸¹

Все выявленные в комплексе сосуды с такой орнаментацией сделаны из практически бесцветного стекла с легчайшим зеленоватым или оливково-зеленоватым оттенком, либо практически без пузырьков, либо с единичными мелкими круглыми пузырьками.

Чаши с фестончатым краем

Фрагмент глубокой чаши с выпуклым краем с припаянным к нему горизонтальным бортиком, которому придана форма многоугольника путем защипывания его края щипцами с острыми загнутыми вовнутрь концами и оттягивания в сторону (форма 16 по Д. Фуа⁸² (рис. 2. 1). Стекло оливковое, с единичными мелкими светлыми горизонтальными эллиптическими пузырьками. Сосуды с подобным венчиком датируются 4–5 вв. В Крыму чаша с фестончатым краем была найдена в могильнике Лучистое в могиле 82 четвертой хронологической группы первой половины 5 в.⁸³ Были распространены по всему Восточному Средиземноморью. Обширный список аналогий приводит Д. Уайтхаус.⁸⁴

Чаши с отогнутым наружу краем

Тысячи фрагментов венчиков, получаемых путем отгибания края и заворачивания его вниз, в результате чего образуется складка, в которой часто остается пузырек воздуха, были найдены в Джаламе, главным образом, среди сброса стеклоделательной мастерской.⁸⁵ Но скорее всего, сосуды с подобной формой венчика производили не только в Джаламе, где они датируются второй половиной 4 – началом 5 вв., но и в других мастерских Галилеи. Венчики таких сосудов либо отогнуты наружу, либо продолжают линию стенок тулова, либо слегка загнуты вовнутрь. Ширина складки также может быть разной. Возможно, такие сосуды имели кольцевой поддон с двойными стенками.⁸⁶ Размеры чаш, которые могли быть как глубокими, так и мелкими, также значительно колеблются. Чаши

⁸⁰ Saldern von 1980a, 20–21, pl. 21. 92; 1980b, 92.

⁸¹ Сорокина 1971, 94, 97, рис. 5. 1; Kunina 1997, 335, 337, кат. 415, 416; Засецкая 2008, 61–62, кат. 107–109, табл. XXVI. 1–3.

⁸² Fou 1995, 201, pl. 11. 110–105.

⁸³ Айбабин, Хайрединова 2008, 47, рис. 24. 17.

⁸⁴ Whitehouse 2002b, 141.

⁸⁵ Weinberg, Goldstein 1988, 41.

⁸⁶ Ibid., 41, fig. 4–3; Gorin-Rosen 2009, 79.

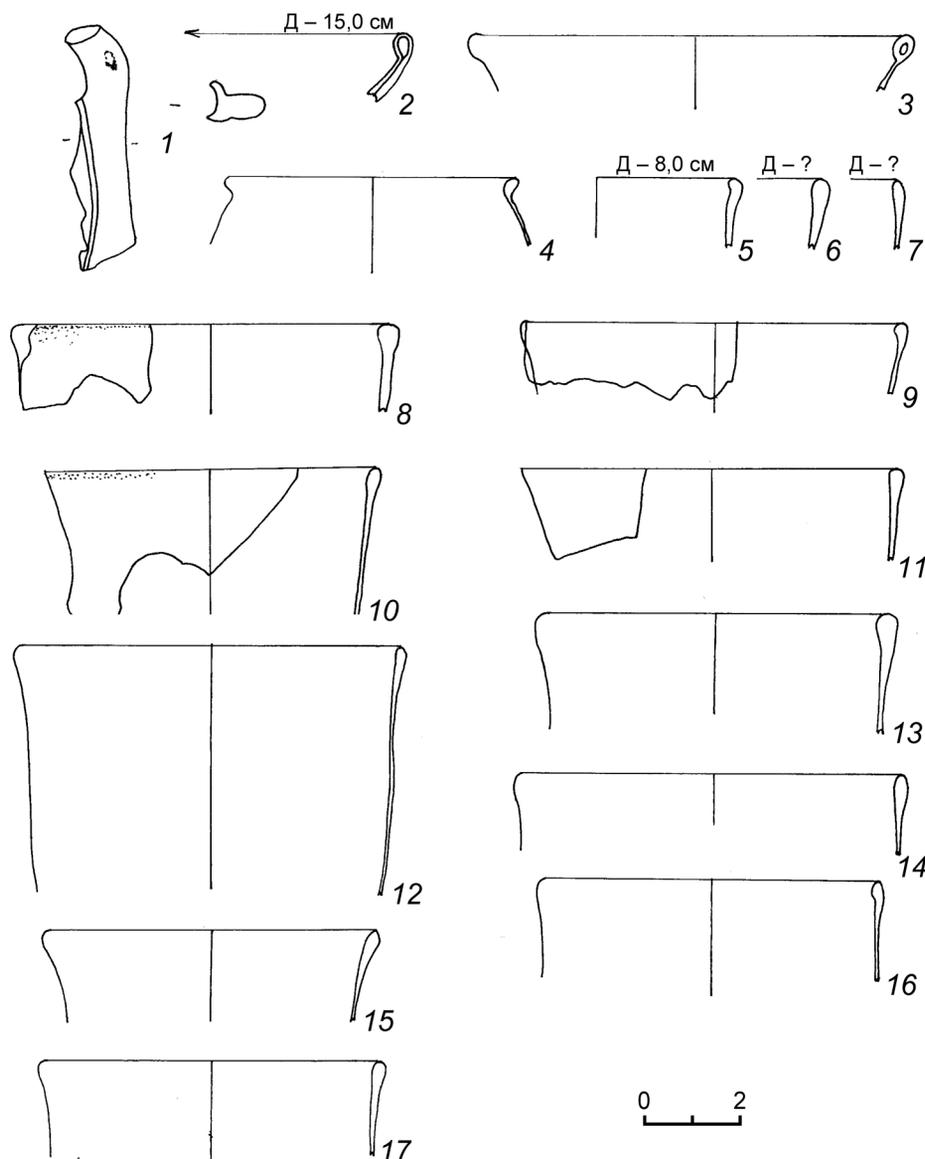

Рис. 2: 1 – чаша с фестончатым краем; 2 – чаша с отогнутым наружу краем; 3 – сосуд с завернутым вовнутрь краем; 4–17 – сосуды с выпуклым оплавленным краем

и блюда с отогнутым наружу краем относятся к числу самых распространенных в Сиро-Палестинском регионе, Египте и на Кипре. Появляется тип в начале 2 в., а пик его бытования относится к 3–4 вв.⁸⁷ Однако встречаются они и в более позднее время. Так, в Сиро-Палестинском регионе их часто находят в поздневизантийских и омейядских контекстах⁸⁸ и даже позже. В Бет-Шане, например, похожие сосуды находят в слоях, датированных между 8 и 11 вв.⁸⁹; в Тверии они бытовали в Омейядское время и до 11 в. включительно.⁹⁰ Встречаются сосуды с аналогичным венчиком и в мамлюкское время.⁹¹

В нашем комплексе подобные сосуды представлены двумя фрагментами чаш с округлым суживающимся книзу туловом и вертикально поставленным венчиком из светло-оливкового стекла практически без пузырьков. Диаметр венчика – 15,0 и 18,0 см (рис. 2. 2).

⁸⁷ Gorin-Rosen 2009, 43.

⁸⁸ Jackson-Tal 2012, 57.

⁸⁹ Hadad 2005, 21, 36–37, pls. 3. 55, 68; 28. 559; 29. 565; Lester 2004, 168, 173, fig. 7.1. 21–24.

⁹⁰ Lester 2004, 173, fig. 7.1. 25–26.

⁹¹ Meyer 1992, 81.

Сосуды с завернутым вовнутрь краем

Сосуды с подобным образом оформленным венчиком представлены в рассматриваемом комплексе фрагментом чаши (?) с прямыми суживающимися книзу стенками из стекла с легким зеленовато-голубоватым оттенком (почти бесцветного), практически без пузырьков (рис. 2. 3). Д. венчика – 9,0 см. Следует отметить, что сосуды с завернутым вовнутрь краем относятся к числу редких находок в Средиземноморском и Причерноморском регионах и, как правило, подобным образом оформляли венчики разного рода чаш, кувшинов и бутылей.⁹²

Сосуды с выпуклым оплавленным краем

Венчики с выпуклым краем получали путем вторичного нагревания, когда сосуд держали на понтии. Все выявленные фрагменты (15 шт.) принадлежали сосудам с колоколовидным туловом с утолщенным венчиком, являющимся продолжением стенок тулова, и со следом от расширителя на внутренней стороне (рис. 2. 5–17). Все сделаны из естественно окрашенного стекла с зеленоватым оттенком с многочисленными мелкими светлыми сферическими пузырьками. Диаметр колеблется от 7,0 до 10,0 см.

Пять венчиков довольно массивны, толщиной 3,0–4,0 мм. Три из них, диаметром 8,0; 10,5 и 7,5 см сделаны из зеленоватого (рис. 2. 5, 7, 13), один, диаметром 8,0 см – из зеленовато-оливкового (рис. 2. 8) и один, диаметром 11,0 см – из оливкового стекла (рис. 2. 6). Два из них украшены еле заметным прошлифованным орнаментом: под венчиком – горизонтальная полоса, ниже – пояс косых линий.

Трудно, если вообще возможно, с уверенностью определить, какому типу сосудов принадлежал тот или иной фрагмент. Поэтому здесь мы ограничимся перечислением типов сосудов с такими венчиками, бытовавших в разные отрезки времени. Для 4–5 вв. были характерны глубокие чаши, известные по раскопкам стеклоделательной мастерской в Джаламе, где они, как правило, сделаны из зеленоватого стекла.⁹³ Такие чаши были широко распространены в конце 4 – первой половине 5 вв. и предназначались для ежедневного использования. В Крыму они найдены в могильнике Озерное III второй четверти 3–4 вв.⁹⁴, в склепе 5 некрополя 3–4 вв. в урочище Тау-Кипчак.⁹⁵ Находки чаш подобного типа известны также в Восточном Причерноморье. Одна из них была найдена в погребении 259 второй трети 6 в. могильника на р. Дюрсо.⁹⁶

Аналогичные венчики имели также стаканы с цилиндрическим слегка суживающимся книзу туловом с резким сужением в нижней части, переходящим в коническую подставку (тип 109 по Айсингс⁹⁷). Массивные венчики аналогичной формы имели конические кубки (форма 106 по Айсингс⁹⁸), бытовавшие с конца 4 до 6 вв. включительно. Однако для Северного Причерноморья более характерны сосуды на полом кольцевом поддоне с округлым расширяющимся книзу туловом (форма 131 по Айсингс⁹⁹).¹⁰⁰

⁹² Weinberg, Goldstein 1988, 50; Голофаст 2001, 142.

⁹³ Weinberg, Goldstein 1988, 40, 44, fig. 4, 5, 45–48.

⁹⁴ Лобода 1977, 242, рис. 5. 2, 5.

⁹⁵ Высотская, Махнева 1983, 78, рис. 5. 7.

⁹⁶ Дмитриев 1982, 81, рис. 5. 28.

⁹⁷ Isings 1957, 136–138.

⁹⁸ Ibid., 126–131.

⁹⁹ Ibid., 160.

¹⁰⁰ Зубарь 1982, 92, рис. 59. 3; Храпунов 2002, рис. 71. 13, 16, 17; 72. 6; 99. 9; 149. 21 и др.; Стржелецкий и др., табл. 8. 30, 69, 74; 12. 6; 21. 39; 22. 3 и т.д.; Шабанов 2011, 142–144, рис. 1–2 и т.д.

В конце 5 – начале 6 вв. происходит смена ассортимента стеклянных изделий. Судя по процентному соотношению подставок рюмок и фрагментов лампад разных типов в комплексах 6–7 вв., большая часть содержащихся в них венчиков с выпуклым обработанным краем принадлежала рюмкам и значительно меньшая – лампадам.¹⁰¹

Фрагмент сосуда из стекла с легким голубоватым оттенком, с единичными мелкими круглыми и горизонтальными эллиптическими пузырьками с расширяющимися книзу от отогнутого утолщенного венчика с выпуклым оплавленным краем стенками (рис. 2. 4) принадлежал либо стакану с расширяющимися книзу туловом и низким сплошным поддоном или стакану с почти сферическим туловом и слегка вогнутым сферическим в сечении дном. Оба типа стаканов хорошо известны по раскопкам могильников Крыма, где их находят в погребениях второй половины 3–4 вв.: Нейзац¹⁰², «Совхоз 10»¹⁰³, Дружное¹⁰⁴, Чернореченский могильник¹⁰⁵, могильник у с. Красная Заря¹⁰⁶ и т. д.

Кувшины и бутылки

Кувшины и бутылки с высоким горлом, продолжающие линию развития сосудов с высоким горлом римского времени¹⁰⁷, принадлежали в 5–7 вв. к числу самых популярных типов закрытых сосудов. Скорее всего, их использовали в качестве столовой посуды и, изредка, в качестве тары для перевозки и хранения различных жидкостей. Выделяются бутылки и кувшины с недекорированным горлом и горлом, украшенным напаянной полосой или нитью стекла.

Бутылки и кувшины с недекорированным горлом.

Представлены фрагментом цилиндрического горла с воронкой и утолщающимся венчиком с выпуклым оплавленным краем (рис. 3. 1). Стекло зеленоватое с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими вертикальными на горле и горизонтальными на воронке пузырьками. Д. венчика – 5,5 см. Известные нам целые сосуды с горлами этого подтипа имеют сферическое или грушевидное тулово и вогнутое коническое или сферическое в сечении дно.

Н.П. Сорокина отмечает, что такие сосуды были почти обязательным компонентом в могилах некрополей Пантикапея и Фанагории.¹⁰⁸ Известные нам целые сосуды с горлом рассматриваемого типа происходят из боспорских погребений, датируемых 5–7 вв.: из склепов 165 (5 в.)¹⁰⁹ и 78, могил 19 (вторая половина 6 в.)¹¹⁰ и 176¹¹¹, а также склепа 180 (вторая половина 7 в.).¹¹² Сосуды с таким горлом найдены в одном из склепов первой половины 6 в. некрополя Алмалык-Дере, в склепе 4 и могиле 2 середины 6 в. могильника Карши-Баир.¹¹³ Фрагмент аналогичного сосуда с воронковидным горлом с загнутым вовнутрь краем найден в склепе 406 Скалистинского могильника второй половины 7 в.¹¹⁴ Кроме уже перечисленных находок, следует упомянуть сосуды из могил 86, 88 и 95 некрополя «В» Фанагории¹¹⁵, склепов 5/5, 6/6, 15/3, 23/11¹¹⁶ и погребений 63, 121,

¹⁰¹ Голофаст 2001, 134, табл. 8, 9, 10.

¹⁰² Шабанов 2011, 145–147, рис. 4. 25–28.

¹⁰³ Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 7. 17, 20; 19. 51.

¹⁰⁴ Храпунов 2002, 17, 20, рис. 79. 12; 99. 10.

¹⁰⁵ Бабенчиков 1963, 98, рис. 4. 9.

¹⁰⁶ Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, 32, рис. 2. 20.

¹⁰⁷ Hayes 1975, 81–82, pl. 21; Giannotta 1992, 227, fig. 8: 2. 39–40.

¹⁰⁸ Сорокина 1963, 142–143.

¹⁰⁹ Засецкая 1993, 85–86, табл. 55. 308; 57. 311; Айбабин 1990, 176–181, рис. 2.

¹¹⁰ Там же, 14, рис. 2; 3. 13, 14.

¹¹¹ Засецкая 1993, 88, табл. 61. 3276.

¹¹² Айбабин, Веймарн 1983, 216, рис. 1. 30.

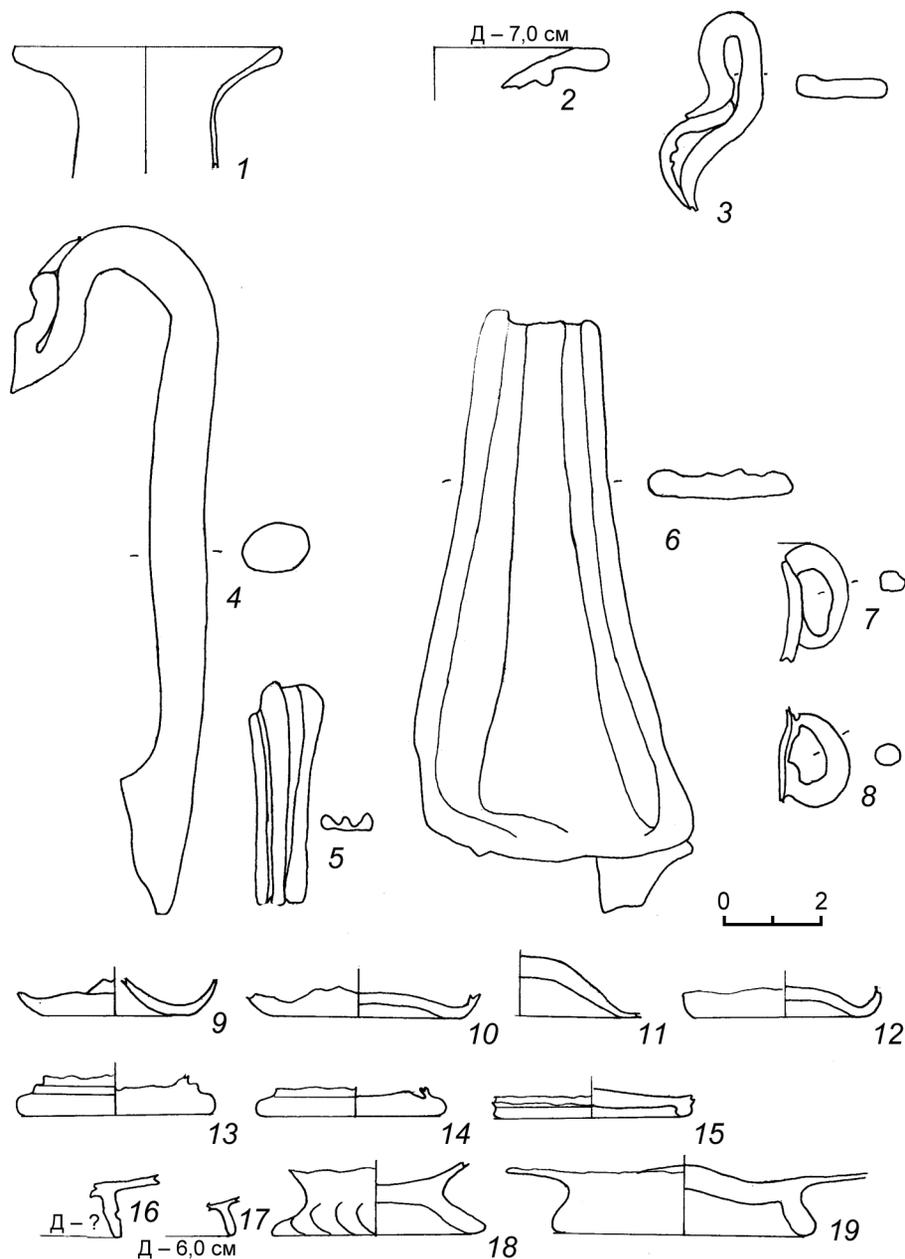
¹¹³ Айбабин, Хайрединова 2017, 151, рис. 97. 2; 100. 10, 13; 110. 6–7.

¹¹⁴ Айбабин, Веймарн 1983, 216.

¹¹⁵ Блаватский 1951, 200, 203, рис. 8. 3, 4.

¹¹⁶ Масленников 1997, 8, 16, 23, рис. 12. 16; 15. 7; 33. 14; 53. 5; 55. 2, 5, 6.

Рис. 3: 1 – бутылка с неорнаментированным горлом; 2, 3 – кувшины и бутылки с орнаментированным горлом; 4–6 – ручки кувшинов; 7, 8 – ручки трехручных лампад; 9–12 – вогнутые донья; 13, 14 – донья на лепешкообразном поддоне; 15 – поддон, сформированный путем разовой намотки стеклянного джута; 16–19 – донья на высоком сплошном кольцевом поддоне

130 некрополя у поселения Сиреневая бухта (раскопки А. А. Масленникова 1996 г.), из раскопок Ильичевского городища¹¹⁷, Тмутаракани¹¹⁸, Ольвии.¹¹⁹ В Херсонесе такие сосуды представлены в комплексах последней четверти 5–7 вв.¹²⁰ Что касается западноевропейских аналогий, то в Паннонии они найдены в могильнике Чаквар конца 4 – начала 5 вв. Предполагают, что наряду с рюмками такие сосуды делали в мастерской на острове Торчелло под Венецией, функционировавшей с конца 6/середины 7 вв. и до конца 8 в.¹²¹, хотя существует мнение о несколько более ранней дате начала ее функционирования и об окончании ее работы уже к 650 г., когда завершилось строительство собора.¹²² Находки фрагментов горл с раструбом известны по раскопкам слоев 5–7 вв. в других центрах Италии.¹²³

¹¹⁷ Николаева 1981, рис. 76; 1984, рис. 82.

¹¹⁸ Сорокина 1963, 142, рис. 4. 2.

¹¹⁹ Сорокина 1976, 205, рис. 5. 2–5.

¹²⁰ Голофаст 2001, 142, рис. 15. 4; 34. 1–3; 52. 15; 64. 6; 80. 2; 88. 1–3, 5, 6, 10, 16.

¹²¹ Harden 1971, 86.

¹²² Tatton-Brown 1999, 103.

¹²³ Whitehouse 1985, 165, fig. 3. 24–28; 4. 27–28; Sternini 1995, 260, 262; Giannotta 1992, 225, 227, fig. 8:2. 35–37.

Таким образом, бутылки с высоким цилиндрическим горлом с раструбом можно датировать концом 4/началом 5 вв. – 7 вв.

Кувшины и бутылки с декорированным горлом.

В комплексе выявлено два фрагмента подобных сосудов. Фрагмент кувшина или бутылки с воронковидным горлом, украшенным напаянным круглым в сечении жгутом из стекла того же зеленоватого цвета, что и весь сосуд (рис. 3. 2). Второй фрагмент принадлежал кувшину с воронковидным горлом, к внешней поверхности которой припаяна уплощенная ручка, которая поднимается вверх, заворачивается петлей, опускается вниз и идет вдоль стенки воронки (рис. 3. 3). На внешней стороне воронки под венчиком – спиралевидно напаянная толстая нить стекла того же цвета, что и весь сосуд.

Прием орнаментации сосудов накладной полосой стекла широко использовался на протяжении всего римского периода.¹²⁴ Кувшины и бутылки с горлом, декорированным накладной полосой или тонкой нитью стекла, как правило, того же цвета, что и весь сосуд, были характерны для Средиземноморского региона, где появляются в 3 в.¹²⁵ И те, и другие могли иметь цилиндрическое или яйцевидное тулово, вогнутое дно без поддона, на полом кольцевом поддоне или сплошном коническом в сечении. Как показывают раскопки в различных районах Средиземноморья, все перечисленные варианты бытовали одновременно, хотя в различные периоды наблюдается преобладание той или иной формы. Так по наблюдениям Д. Фуа, в Западном Средиземноморье в начале 5 в. преобладали кувшины и бутылки, декорированные одной накладной полосой стекла (форма 127 по Айсингс¹²⁶, а к середине 5 в. пропорции меняются и начинают доминировать кувшины и бутылки с тонкой спиралевидно напаянной нитью (тип 120 по Айсингс¹²⁷).¹²⁸

Одну из наиболее многочисленных групп составляют фрагменты рассматриваемых кувшинов и бутылей в Джаламе, где эти сосуды производились: большая их часть была найдена среди её отходов. Сделаны они в основном из стекла зеленого цвета разных оттенков, и декорировка выполнена из стекла того же цвета, что и весь сосуд.¹²⁹

В Херсонесе фрагменты кувшинов с горлом-раструбом, украшенным полосой стекла того же цвета, что и весь сосуд выявлены в комплексах последней четверти 5 в. и середины/третьей четверти 6 в.¹³⁰

На боспорском некрополе найдено два целых кувшина описываемого типа. Один – в погребении 10/1904 конца 4 – первой половины 5 вв. Сосуд имеет яйцевидное тулово, плавно переходящее в высокое цилиндрическое горло с раструбом с накладной полосой стекла того же цвета, что и весь сосуд. Такая же полоса украшает и основание горла. Ручка – уплощенная каннелированная, поддон уплощенный. И.П. Засецкая относит этот сосуд к продукции сиро-палестинской мастерской.¹³¹ Второй кувшин с аналогичным горлом и ручкой найден в могиле 3 некрополя Боспора и датируется серединой 5 в.¹³² Кувшину с горлом, украшенным напаянным жгутом стекла того же цвета, что и весь сосуд, принадлежал выявленный

¹²⁴ Whitehouse 2002b, 137.

¹²⁵ Ibid., 178.

¹²⁶ Isings 1957, 157–158.

¹²⁷ Ibid., 149–152.

¹²⁸ Foy 1995, 194–195, fig. 4. 21–24.

¹²⁹ Weinberg, Goldstein 1988, 65, fig. 4–28. 217–228.

¹³⁰ Голофаст 2001, 145, рис. 15. 5; 28. 1; 89. 1, 2; 16. 15; 90. 2.

¹³¹ Засецкая 1993, 86, табл. 56. 312.

¹³² Kunina 1997, 332, № 399.

в рассматриваемом комплексе фрагмент стенки с напаянным круглым в сечении жгутом диаметром 0,4 см из стекла того же цвета, что и весь сосуд. Стекло зеленоватое, с многочисленными круглыми вертикальными сильно вытянутыми пузырьками. Кувшины с аналогичной декорировкой горла производила джаламская мастерская.¹³³

В больших количествах находят ручки описываемых сосудов, представляющие собой широкую полосу стекла с вертикальным рифлением, получаемым путем протягивания широкой полосы стекла через гребень. Верхнюю часть ручки прикрепляли к венчику или под ним. Причем, ручку несколько раз изгибали петлей, делая её тоньше и тоньше, пока она не сходила на нет. В рассматриваемом комплексе таких ручек две. Одна – из голубовато-зеленоватого стекла, с сильно вытянутыми эллиптическими пузырьками, уплощенная расширяющаяся к нижнему прилепу с продольными глубокими желобками на внешней поверхности (рис. 3. 5). Вторая – из зеленоватого стекла с многочисленными сильно вытянутыми эллиптическими пузырьками, уплощенная, значительно расширяющаяся к нижнему прилепу с продольными валиками вдоль краев и двумя валиками по центру (рис. 3. 6). Причем, похоже, что валики образовались случайно в процессе вытягивания дрота.

Кувшинам принадлежали еще две выявленные в комплексе ручки. Одна – из зеленоватого стекла с сильно вытянутыми эллиптическими пузырьками, овальная в сечении; жгут стекла, из которого она сформирована, завернут у верхнего прилепа на внешнюю поверхность ручки и утончается почти до нити (рис. 3. 4). Вторая ручка – вертикальная, прямая, плосковыпуклая в сечении, из зеленоватого стекла с многочисленными светлыми круглыми и эллиптическими сильно вытянутыми пузырьками.

Лампады

Две выявленные в районе мола округлые вертикальные ручки, сформированные из овального в сечении дрота из зеленоватого, мутного стекла с плохо просматриваемыми немногочисленными эллиптическими пузырьками, скорее всего, принадлежали лампадам с тремя ручками (форма Isings 134¹³⁴) (рис. 3. 7, 8).

Такие лампы хорошо представлены в Средиземноморско-Причерноморском регионе, особенно часто их встречают при раскопках базилик, например, на Кипре¹³⁵, Фасосе¹³⁶ и Хиосе.¹³⁷ В Риме они были выявлены в слое 5 в.¹³⁸ В Марселе и Сент-Блэзе они датируются в основном 6–7 вв.¹³⁹ В Западном Причерноморье небольшие ручки от лампад найдены в Нове¹⁴⁰; в Ятруссе они происходят из слоя начала 5 в.¹⁴¹, в Габрово они выявлены при раскопках стеклоделательной мастерской начала 5 в.¹⁴² Встречаются они и при раскопках различных городов и поселений Северного¹⁴³ и Восточного¹⁴⁴ Причерноморья. Таким образом, трехручные лампы можно отнести к концу 5–7 вв., хотя на Ближнем Востоке они предположительно появляются еще в 4 в.¹⁴⁵

¹³³ Weinberg, Goldstein 1988, 65.

¹³⁴ Isings 1957, 162.

¹³⁵ Foy 1995, 206–207.

¹³⁶ Abadie-Reynal, Sodini 1992, 92–93, fig. 38.

¹³⁷ Ballance et al. 1989, 125, fig. 50. 17.

¹³⁸ Whitehouse et al. 1985, 170, fig. 5. 62–63.

¹³⁹ Foy, Bonifay 1985, 297, fig. 4. 125; Foy 1994, 213, fig. 160. 143–148.

¹⁴⁰ Olczak 1995, s. 32, рис. В. с–d; F; G. 25–29.

¹⁴¹ Gomolka 1979, 147.

¹⁴² Койчева 1990, 36–46, обр. 56. 9д.

¹⁴³ Сорокина 1963, 156–157, рис. 4. 21–24; Николаева 1984, рис. 84. 7, 8; Голофаст 2001, 139–141, рис. 86.

¹⁴⁴ Khrushkova 2009, 343, fig. 24.

¹⁴⁵ Whitehouse 2002a, 193.

Вогнутые донья без поддона

В комплексе представлены сферические (3), коническое (1) и округло-конические (2) в сечении донья (рис. 3. 9–12). Диаметр колеблется от 3,8 до 4,2 см. На нижней поверхности трех доньев имеется след от понтти диаметром 0,8 и 2,6 (2) см. В центре дна одного из них – круглое отверстие диаметром около 3 мм, образовавшееся в процессе формовки вогнутого дна (рис. 3. 9). За исключением одного, все донья принадлежали сосудам, сделанным из зеленоватого, естественно окрашенного стекла с многочисленными мелкими сферическими пузырьками. Одно дно, без следов понтти, из оливкового стекла с единичными светлыми мелкими круглыми пузырьками, скорее всего, принадлежал стакану с каплями синего стекла (рис. 3. 10).

Из-за незначительности фрагментов форму сосудов, которым они принадлежали, определить невозможно. Диаметр дна также не является безусловным показателем принадлежности дна тому или другому типу, т. к. небольшое дно часто имели не только стаканы, но и бутылки и кувшины. Так диаметр дна флакона из склепа 17/1914 первой четверти 7 в. на западном некрополе Херсонеса был всего 3,2 см. Такой же диаметр имело дно флакона из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (инв. № 5004). Поэтому нам остается только перечислить те типы сосудов, которым могли принадлежать донья рассматриваемого типа. Это бутылки и стаканы с округлым полусферическим или цилиндрическим туловом с утолщенным наклонным наружу венчиком и обработанным краем.

Донья на лепешкообразном поддоне с полусферическим выступом на дне

Процесс изготовления таких поддонов заключался в насаживании тулова сосуда на горячую лепешку стекла, предварительно нанесенную на плоскую шероховатую поверхность, что объясняет шероховатость нижней поверхности поддона таких сосудов. Финальный этап изготовления заключался в отшибании стеклодувной трубки и доработке верхней части сосуда уже в холодном состоянии (оформление венчика и нанесение орнаментации). Подобные донья принадлежали, главным образом, бокалам с суживающимся книзу туловом, часто украшенным тонкими горизонтальными гравированными полосками, нанесенными на сосуд в холодном состоянии, и, судя по отсутствию следов от понтти, с обрезанным и зашлифованным краем.¹⁴⁶

Донья этого типа представлены в рассматриваемом комплексе единственным сильно сбитым фрагментом сосуда из голубого стекла с единичными мелкими светлыми круглыми пузырьками (рис. 3. 13).

В Северном Причерноморье сосуды с такими поддонами (главным образом, бокалы и редкие экземпляры кувшинов) были распространены со второй половины 1 в. н. э.¹⁴⁷ Бокалы, как правило, имели цилиндри-

¹⁴⁶ Голофафт 2006, 321.

¹⁴⁷ Кунина 1984, 157.

ческое суживающееся книзу или припухлое в нижней части тулово.¹⁴⁸ Е. М. Алексеева ограничивает время их бытования второй четвертью 1 – началом 2 вв. с преобладанием во второй половине 1 в. Однако, по мнению Н. П. Сорокиной, они изготавливались и позднее, до 4 в. включительно, несколькими мастерскими, одна из которых, возможно средиземноморская, поставляла их в Северное Причерноморье.¹⁴⁹ Сосуды с похожими доньями были одной из главных составляющих ассортимент джаламской мастерской, функционировавшей во второй половине 4 – начале 5 вв.¹⁵⁰, и мастерской, которая предположительно функционировала в Хирбат эль-Ньяна.¹⁵¹

Фрагмент подобных поддонов происходят из слоев 1–4 вв. в Сардах¹⁵²; в Мезад Тамар они датируются 3 – началом 7 вв.¹⁵³; в Джераше их находят в слоях до 5 в. включительно¹⁵⁴; в Хорбат Козит и Ейн-Геди – в слоях позднеримского и ранневизантийского времени.¹⁵⁵ В Палестине кубки с таким поддоном и полосой стекла, намотанной под венчиком, относятся к числу самых распространенных типов 4 в.¹⁵⁶

Вариантом таких поддонов являются поддоны без сферического выступа на дне. В рассматриваемом комплексе имеется фрагмент сосуда со слегка вогнутым сферическим в сечении дном с легкой вогнутостью в центре на внутренней стороне и с плоской нижней поверхностью без следа от понтии (рис. 3. 14). Такое впечатление, что сплошной кольцевой поддон вокруг тулова сосуда образовался путем выдувания тулова сосуда на плоскую поверхность и как бы расплющивания его нижней части. Стекло голубое, практически без пузырьков. Д. поддона – 3,8 см. Как правило, такой поддон имели бокалы с суживающимся книзу туловом. Донья на лепешкообразном поддоне находят в слоях с конца 1 – первой половины 2 вв. до середины 5 в. или даже 6 в. включительно.¹⁵⁷ Обширный список находок таких поддонов приводит Е. Г. Яценко.¹⁵⁸

Поддоны, получаемые путем разовой намотки стеклянного дрота

Донья на сплошном кольцевом поддоне, сформованном путем разовой намотки на дно сосуда круглого в сечении дрота, относятся к числу весьма редких находок. Нам известны лишь немногие аналогии: похожее донце происходит, например, из константинопольского комплекса второй четверти 5 в.¹⁵⁹; к этому же типу относится донце из раскопок Таманского городища.¹⁶⁰ В Херсонесе немногочисленные донья на поддоне рассматриваемого типа выявлены в комплексах конца 4–5 вв. и несколько происходят из комплексов 6–7 вв., содержавших значительную примесь материала первых вв. н.э.¹⁶¹ Время их бытования, скорее всего, ограничивается 4–5 вв., и принадлежали такие поддоны, судя по аналогиям, стаканам. В рассматриваемой коллекции выявлен лишь один поддон такого типа, принадлежавший сосуду с дном со слегка сдвинутым от центра сферическим выступом, которому соответствует углубление на нижней

¹⁴⁸ Алексеева, Сорокина 2007, 47, табл. 33, 34.

¹⁴⁹ Сорокина 1962, 223, 226, рис. 9. 2–6.

¹⁵⁰ Weinberg, Goldstein 1988, 60–62, fig. 4–23.

¹⁵¹ Gorin-Rosen, Katsnelson 2007, 93, fig. 8. 3–9; Katsnelson 2010, 139.

¹⁵² Saldern von 1980a, 22–23, pl. 21.

¹⁵³ Erdman 1977, 114, pl. 1.

¹⁵⁴ Meyer 1987, 193.

¹⁵⁵ Katsnelson 2010, 137, fig. 3. 18–19; Jackson-Tal 2007, 484, pl. 7. 5–6.

¹⁵⁶ Gorin-Rosen 2009, 88.

¹⁵⁷ Сорокина 1962, 223, рис. 9. 13–16; Яценко 2007, 176, табл. I. 11–17; II. 18–25; Lightfoot 1993, 91, fig. 1. 1.

¹⁵⁸ Яценко 2007, 176.

¹⁵⁹ Hayes 1992, 402, fig. 150. 9.

¹⁶⁰ Сорокина 1963, 154, рис. 4. 11.

¹⁶¹ Голофаст 2001, 149, рис. 1. 2; 21. 10; 25. 13; 63. 11, 12; 80. 9; 91. 16.

поверхности дна. Поддон сформован из стекла того же цвета, что и весь сосуд (рис. 3. 15). Следа от понтии не заметно. Стекло зеленоватое, с редкими светлыми мелкими и крупными круглыми пузырьками. Д. поддона – 4,1 см.

Донья на высоком сплошном кольцевом поддоне

Поддоны данного типа также относятся к числу редких находок. Делали их путем прикрепления пузыря или полоски горячего стекла к дну сосуда с последующей формовкой из них сплошного поддона. Появляются они во 2 в. н. э.¹⁶², но бытуют, самое раннее, до начала 6 в. Они встречаются в слоях 5 – начала 6 вв. в Анатолии, Египте, Сиро-палестинском регионе и Западном Средиземноморье. В качестве конкретных примеров можно привести находки поддонов рассматриваемого типа в Карфагене в слоях конца 5 – начала 6 вв.; в Марселе такие подставки происходят из контекста 5 – начала 6 вв.¹⁶³; в Сэнт-Блэзе они датируются второй половиной 5 или началом 6 вв.¹⁶⁴; в Кло (Ломбардия) – первой половиной 5 в.¹⁶⁵; найдены они и при раскопках в Риме¹⁶⁶; в Джаламе этого типа поддоны – сравнительно редкая находка, но форма их весьма разнообразна (цилиндрические, в форме усеченного конуса и т. д.)¹⁶⁷; две найденные в Отранто подставки датируются 5 в.¹⁶⁸; в Константинополе такие поддоны были найдены в слоях второй четверти 5 и 7 вв.¹⁶⁹ В Северном Причерноморье находки аналогичных поддонов известны по раскопкам в Танаисе¹⁷⁰, Гермонассе¹⁷¹, на некрополе у поселения «Сиреневая бухта» (погребение 76, 5 в., раскопки А. А. Масленникова 1995 г.). В Херсонесе подобные поддоны выявлены в комплексах последней четверти 5 в. и середины/третьей четверти 6 в.¹⁷²

Похожие найдены в Хирбат эль-Шубейка в комплексах позднеримского/ранневизантийского времени.¹⁷³ Целые кувшины разных типов с такими поддонами были найдены в погребениях в Кирьят Ата и Хорбат Кастра.¹⁷⁴ Аналогичный поддон и фрагмент ленточной ручки, принадлежавшие одному кувшину выявлены в византийской церкви в Шавей-Ционе.¹⁷⁵

Археологически целые сосуды с описываемого типа подставками встречаются крайне редко. В качестве примера целых сосудов можно привести находки в Каранисе и Равенне чаш на аналогичных поддонах с округлым или в форме усеченного конуса туловом и загнутым или выпуклым обработанным краем.¹⁷⁶ В Марселе в слое второй половины 5 в. вместе с подставкой этого типа, выполненной из темно-зеленого стекла, было найдено горло бутылки из стекла такого же цвета и качества, что позволило сделать предположение о принадлежности подставки бутылки с цилиндрическим туловом и горлом с раструбом, украшенным накладной полосой стекла.¹⁷⁷

В рассматриваемом комплексе найдено несколько фрагментов доньев с подобного рода поддонами. Один фрагмент, возможно, принадлежал чаше с почти горизонтально отходящими от дна тонкими стен-

¹⁶² Weinberg, Goldstein 1988, 58.

¹⁶³ Foy 1995, 196.

¹⁶⁴ Foy 1994, 211–213, fig. 159. 121.

¹⁶⁵ Ibid., 211.

¹⁶⁶ Whitehouse et al. 1985, 170, fig. 5. 51.

¹⁶⁷ Wienberg, Goldstein 1988, 58, fig. 4–21. 145–150.

¹⁶⁸ Giannotta 1992, 227, fig. 8:2. 48, 49.

¹⁶⁹ Hayes 1992, 402–403, fig. 150. 6, 8, 30.

¹⁷⁰ Сорокина 1965, 221, рис. 10. 15–16; Алексеева, Арсеньева 1966, 183, рис. 4. 10, 11; Яценко 2007, 184–185, табл. V. 73–75.

¹⁷¹ Сорокина 1963, 155, рис. 4. 19–20.

¹⁷² Голофаст 2001, 151, рис. 15. 8–10; 25. 9; 28. 8; 91. 17, 20–23.

¹⁷³ Gorin-Rosen 2002, 292–293, 295, fig. 3. 17–19.

¹⁷⁴ Vitto 2008, 146, 148–149, 151, fig. 12–14.

¹⁷⁵ Barag 1967, 68, fig. 16. 18.

¹⁷⁶ Foy 1994, 213.

¹⁷⁷ Foy, Bonifay 1985, 294, fig. 3. 61–62.

ками, вогнутым коническим в сечении дном на коническом в сечении сплошном поддоне, сформованном, скорее всего, отдельно от тулова сосуда из уплощенного жгута стекла (в месте стыка концов жгута поддон деформирован и утолщен) и припаян к сосуду (на внутренней стороне – выпуклость-окружность, соответствующая поддону (рис. 3. 19). На нижней поверхности дна – углубление-окружность от стеклодувной трубки диаметром 2,7 см. Стекло зеленоватое, с мелкими и отдельными крупными круглыми и вертикальными эллиптическими пузырьками. Д. поддона – 5,25–5,5 см. Второй фрагмент принадлежал сосуду со слегка выпуклым сферическим в сечении дном на высоком коническом в сечении сплошном поддоне, сформованным, скорее всего, отдельно от тулова (рис. 3. 18). Следа от понтии нет. На верхнюю поверхность поддона нанесены дугообразные углубления, в результате чего получился волнистый край. Стекло зеленовато-голубоватое, с многочисленными мелкими и крупными круглыми пузырьками. Д. поддона – 4,4 см. Подобное оформление поддонов характерно для египетского и палестинского стекла.¹⁷⁸ Фрагмент дна на слегка расширяющемся книзу сплошном поддоне, сформованного вместе с туловом из стекла с легчайшим зеленоватым оттенком и многочисленными мелкими и крупными круглыми и горизонтальными эллиптическими пузырьками (рис. 3. 17). Д. поддона – 6,0 см. Фрагмент блюда с плоским дном на высоком коническом в сечении сплошном поддоне (рис. 3. 16). Стекло с легчайшим зеленоватым оттенком с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими горизонтальными пузырьками. Д. поддона – около 8,8 см.

Донья на полом кольцевом поддоне

Рассматриваемые донца вогнутые, как правило конические в сечении. Поддон изготавливали путем загибания стенок пузыря в два слоя, между которыми образовывалась пустота.

В районе Средиземноморья были распространены три типа сосудов с данного типа поддонами, датирующиеся, главным образом, 4 в. Это полусферические чаши с обрезанным или выпуклым обработанным краем (форма 108 по Айсингс¹⁷⁹), конические кубки (форма 109 по Айсингс¹⁸⁰) и кувшины¹⁸¹. Аналогичные сосуды встречаются и в Северном Причерноморье. Так, чаша формы 108, по Айсингс, была найдена в склепе 1 первой половины 4 вв. в могильнике Озерное III.¹⁸²

Однако для Северного Причерноморья более характерны стаканы, близкие форме 131, по Айсингс¹⁸³, с отогнутым обработанным краем и слегка расширяющимся книзу туловом, которые принято датировать 4 – началом 5 вв.¹⁸⁴ Стаканы данного типа, по всей видимости, входили в ассортимент продукции Херсонесской стеклоделательной мастерской.¹⁸⁵ Их в довольно значительном количестве находят в могильниках, расположенных в окрестностях Херсонеса, в погребениях 4 в.: в Чернореченском¹⁸⁶, Инкерманском¹⁸⁷, Озерное III¹⁸⁸, Харакс¹⁸⁹, Совхоз 10¹⁹⁰, где

¹⁷⁸ Weinberg, Goldstein 1988, 58; Fünfschilling 2006, 96, fig. 11.

¹⁷⁹ Isings 1957, 134–135.

¹⁸⁰ Ibid., 136–138.

¹⁸¹ Gorin-Rosen, Katsnelson 2007, 93.

¹⁸² Айбабин 1990, 176–181, рис. 2; Лобода 1977, 242, рис. 5. 2.

¹⁸³ Isings 1957, 16.

¹⁸⁴ Сорокина 1973, 186; Айбабин 1990, 13.

¹⁸⁵ Белов 1969, 81, 83, рис. 234, а–в; Сорокина 1973, 187.

¹⁸⁶ Бабенчиков 1963, 97, рис. 4. 9.

¹⁸⁷ Стржелецкий 1947, 289; Веймарн 1957, 221; 1963, 18, рис. 5, 8, 9; Айбабин 1984, 113, рис. 3. 18; 1990, рис. 2.

¹⁸⁸ Лобода 1977, 242, рис. 3. е, ж; Айбабин 1990, 176–181, рис. 2.

¹⁸⁹ Сорокина 1973, 185–186, рис. 2. 6; Айбабин 1990, 176–181, рис. 2.

¹⁹⁰ Айбабин 1990, 176–181, рис. 2.

их обнаружено 11 штук¹⁹¹ и Суворовском.¹⁹² Довольно много поддонов рассматриваемого типа найдено в районе Боспора: в Пантикапее¹⁹³, Гермонассе¹⁹⁴, на Ильичевском городище в слое «более раннем чем 5–6 вв.», как отмечено в отчете о раскопках¹⁹⁵ и т. д. В Херсонесе такие поддоны выявлены в комплексах третьей четверти 5 – начала 7 вв.¹⁹⁶

Большинство выявленных в комплексе доньев на полом кольцевом поддоне выполнены из зеленоватого естественно окрашенного стекла с разным количеством светлых мелких круглых пузырьков (рис. 4. 1–4, 7, 8, 10–12, 14), лишь три сделаны из зеленого стекла (рис. 4. 5, 9), одно – из оливкового (рис. 4. 13) и одно – из голубоватого (рис. 4. 6). Диаметр поддонов колеблется в пределах от 3,5 до 4,0 см, лишь один имеет диаметр 5,0 см. На нижней поверхности нескольких доньев имеется след от понтии в форме углубления-дуги от трубки диаметром 1,5 см, углубления-окружности от трубки диаметром 0,8, 1,0, 1,35, 1,2, 1,4 (2), 1,5 см и круглого налета от понтии диаметром 0,6 см.

Рюмки

Начиная со второй половины 5 в. рюмки (Айсингс-111¹⁹⁷) были самым распространенным типом стеклянных сосудов в византийском мире.¹⁹⁸ Их фрагменты (венчики с выпуклым оплавленным краем, большая часть которых, несомненно, принадлежала рюмкам и их лучше сохранившиеся подставки) составляют самую большую группу стеклянных сосудов в слоях 6–7 вв. Находки целых сосудов этого типа крайне редки, но те, которые дошли до нас, имеют U-, тюльпанообразное или колоколовидное тулово с оплавленным выпуклым краем. Как правило, исследователи определяют рюмки как сосуды для питья¹⁹⁹, что подтверждается полным отсутствием аналогичных форм в керамике 6–7 вв. и раскопками жилых домов в Каранисе, где рюмки находят рядом с другими формами столовой посуды.²⁰⁰ В то же время рюмки наряду со стеклянными лампадами относятся к числу наиболее часто встречающихся форм при раскопках базилик²⁰¹, поэтому не исключено их использование в качестве лампад наряду с их трехручным вариантом.²⁰²

Из трех известных типов рюмок в рассматриваемом комплексе представлены сосуды с цилиндрической или эллипсоидной полый ножкой и конусовидной в сечении круглой в плане подножкой с полым валиком по краю (рис. 4. 28–38). На нижней поверхности большинства подножек имеется след от понтии в виде налета или скола. Подставки этого типа выдувались вместе с туловом сосуда и первоначально представляли собой пузырь, вершина которого вдавливалась к дну сосуда, в результате чего образовывались двойные стенки ножки и подножки, а в центре дна получалось небольшое возвышение, которое являлось в начале процесса вершиной пузыря.²⁰³

Предшественниками этой формы были, по всей видимости, конические подставки, процесс изготовления которых был аналогичен вышеописанному процессу изготовления подставок рюмок. Представляется

¹⁹¹ Сорокина 1973, 187.

¹⁹² Юрочкин 1997, 306, табл. I. 26.

¹⁹³ Сорокина 1962, 231, рис. 11. 5; 13. 5.

¹⁹⁴ Сорокина 1963, 154, рис. 4. 7–10.

¹⁹⁵ Николаева 1981, рис. 85–89.

¹⁹⁶ Голофаст 2001, 149, рис. 7. 21, 23; 16. 4–6; 21. 11; 25. 10–12; 43.

¹⁹⁷ Isings 1957, 139–140.

¹⁹⁸ Hayes 1992, 401; Hadad 2005, 28.

¹⁹⁹ Abadie-Reynal, Sodini 1992, 91; Hayes 1992, 400; и др.

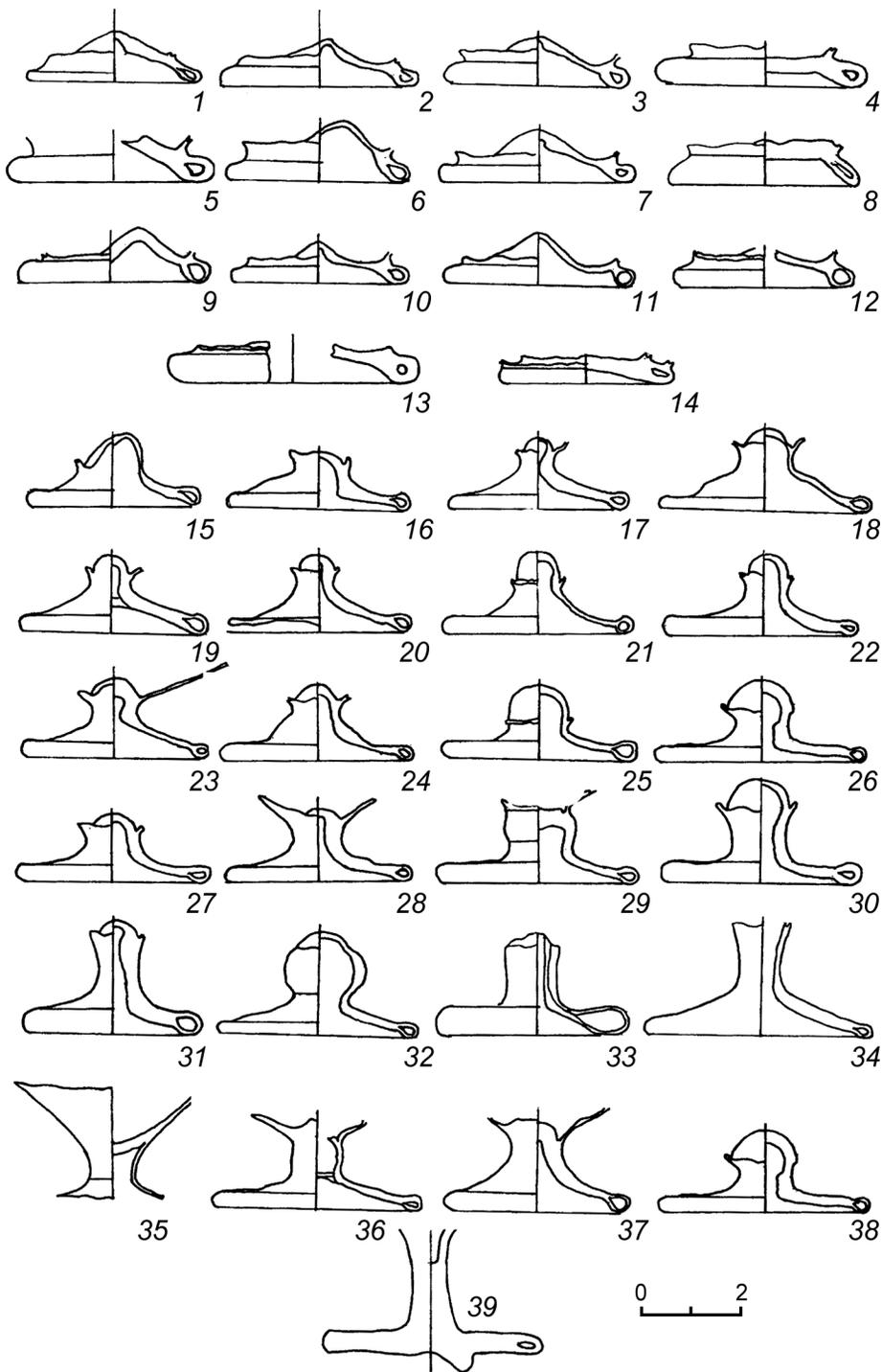
²⁰⁰ Harden 1936, 167.

²⁰¹ Crowfoot 1957, 415; Hayes 1975, 86; Foy 1995, 207; Young 1993, 40.

²⁰² Baur 1938, 524, fig. 20. 376; Isings 1957, 139.

²⁰³ Isings 1957, 140; Сорокина 1963, 148; Голофаст 2001, 153.

Рис. 4: 1–14 – донья на полом кольцевом поддоне; 15–39 – рюмки

возможным выделить переходный тип от конических подставок к развитому варианту ножек рюмок. Это подставки, у которых переход к тулову представляет собой практически узкий перехват, что не позволяет использовать термин «коническая подставка», а отсутствие высоты – термин «ножка». В рассматриваемом комплексе подставки переходного варианта представлены 20 экземплярами (рис. 4. 15–27). Аналогичные

подставки были найдены при раскопках некрополя поселения Сиреневая бухта в погребениях 70 и 80, датирующихся 5 в. и в херсонесском комплексе последней четверти 5 в.²⁰⁴ Возможно, к переходному типу принадлежат рюмки из могилы 84 некрополя Фанагории.²⁰⁵ Приблизительно столько же (18 экз.) рассматриваемый комплекс содержит ножек со сферической или цилиндрической ножкой (рис. 4. 28–38).

Впервые ножки этого типа были выделены Д. В. Харденом, который датировал их «4 веком и позже»²⁰⁶. Эту же дату предложила К. Айсингс²⁰⁷ и ряд других исследователей, например, Д. Уайтхаус.²⁰⁸ Однако последние исследования позволяют уверенно датировать их появление временем после середины 5 в. или немного раньше²⁰⁹. В Каранисе (Фаюм), который существовал до середины 5 в., найден лишь один экземпляр рюмки с подобного рода ножкой.²¹⁰ Эту дату подтверждает и полное отсутствие таких сосудов в слоях, датирующихся временем до 6 в. в Галлии, Британии, Германии, Константинополе и т. д.²¹¹ Они не были обнаружены при раскопках стеклоделательной мастерской в Джаламе, которая функционировала во второй половине 4 – начале 5 вв.²¹² Если в 5 в. они были относительно редки (лишь несколько были обнаружено в слоях второй половины 5 в. в Карфагене²¹³, а также в городах Сирии и Иордании²¹⁴, во второй половине 6 в. и на протяжении всего 7 в. они значительно преобладают над другими формами стеклянных сосудов. Так, они составляют 20 и 25% комплекса стеклянных сосудов соответственно в Сардах²¹⁵ и Карфагене²¹⁶, доминируют в Константинополе²¹⁷, в Аргосе они изобилуют в слое разрушения 585 г.²¹⁸ Сосуды этого типа принадлежали к числу основных продуктов стеклоделательной мастерской в Торчелло (Италия).²¹⁹ Бытовали они на протяжении довольно длительного времени: насколько нам известно по доступным публикациям этот тип рюмок продолжал использоваться до 13 в. в Иордании.²²⁰

Все подставки рюмок рассматриваемого комплекса сделаны из зеленоватого, естественно окрашенного стекла с многочисленными светлыми мелкими круглыми пузырьками. Диаметр подножек варьирует от 3,5 до 5,0 см, с доминированием подножек диаметром от 3,5 до 4,0 см. На нижней поверхности всех подножек имеется след от понтии в виде налета-окружности, углубления-окружности, округлого налета-скола или круглого налета диаметром от 0,8 до 1,4 см с преобладанием диаметра 0,8–1,1 см.

Одна из ножек представляет вариант подставок с двойными стенками (рис. 4. 39). Это подставка с высокой цилиндрической ножкой и уплощенной подножкой из стекла цвета морской волны, красивого оттенка, с мельчайшими круглыми пузырьками на подножке и сильно вытянутыми косыми вертикальными эллиптическими на ножке. На нижней поверхности – след от понтии в виде кольцевого налета-углубления диаметром 1,6 см.

Аналогичные подставки найдены в Джаламе²²¹, в Неаполе в слое конца 5 – первой трети 6 вв.²²²; на Торчелло похожие происходят из комплекса второй половины 6 в.²²³, из слоя середины 7 в. в Эмпорио на Хиосе²²⁴; в Курионе на Кипре три поставки этого редкого варианта найдены с монетой

²⁰⁴ Голофаст 2001, 153, рис. 16. 8; 92. 1.

²⁰⁵ Блаватский 1951, 198, рис. 8.

²⁰⁶ Harden 1936, 167–168, pl. XVI. 489.

²⁰⁷ Isings 1957, 140.

²⁰⁸ Whitehouse 2002a, 118.

²⁰⁹ Голофаст 2001, 154–157.

²¹⁰ Harden 1975, 22.

²¹¹ Hayes 1975, 84; 1992, 402; Foy 1995, 208; Sternini 1995, 258.

²¹² Weinberg, Goldstein 1998.

²¹³ Foy 1995, 216.

²¹⁴ Dussart 1998, 347, fig. 7. 16–21.

²¹⁵ Hanfmann 1959, 52–53, fig. 2.

²¹⁶ Tatton-Brown 1984, 200–202, 210–212.

²¹⁷ Hayes 1992, 400.

²¹⁸ Aupert 1980, 447, 449, fig. 50. 410–414.

²¹⁹ Whitehouse 2002a, 118.

²²⁰ Meyer 1987, 199, fig. 8. Y-cc; Dussart 1998, 121, pl. 27–28.

²²¹ Weinberg, Goldstein 1998, 62, fig. 4–24.

²²² Miraglia 1994, 337, fig. 147. 101.

²²³ Tabaczyńska 1971, 296–307, rys. 5.

²²⁴ Boardman 1989, 125, fig. 50. 14d.

Юстиниана II (685–695)²²⁵; в Константинополе одна такая подставка была выявлена в комплексе начала 9 в., впрочем, содержащим большое количество материала середины 7 в.²²⁶ В целом, можно сказать, что этот вариант не имел широкого распространения и, по-видимому, представляет позднюю стадию развития подставок с двойными стенками. Много подставок этого варианта было найдено в предполагаемой стеклоделательной мастерской конца 8 – начала 9 вв. в замке Саранта Колонес на Кипре, где их, вероятно, производили.²²⁷ На территории Палестины одна из мастерских, производивших такие сосуды была открыта в Аполлонии-Арсуф.²²⁸

Коллекция стекла из раскопок подводного фундамента в акватории Фанагории укладывается в рамки 5–6 вв., что полностью соответствует керамическому комплексу из тех же раскопок. Она представляет несомненный интерес благодаря довольно обширному ассортименту представленных в ней стеклянных изделий, не находящих соответствий в коллекции стекла из раскопок городских слоев города.²²⁹

Благодаря довольно длительному периоду формирования комплекса в нем отразилось изменение ассортимента бытовавшей стеклянной посуды: от разнообразного в 5 в. до скудного набора 6 в., в котором безраздельно доминировали рюмки.

Набор сосудов в полной мере отражает сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию, характеризующуюся открытостью торговых маршрутов, которые связывали отдаленные регионы Европы: одинаковые стеклянные изделия, производившиеся в одних и тех же центрах Восточного Средиземноморья, находят в довольно далеких как друг от друга, так и от центров производства регионах. Благодаря активной торговле быстро распространялась мода на одни и те же сосуды и приемы орнаментации, что служило стимулом для появления производства популярных сосудов в разных точках средиземноморско-причерноморского региона. Таким образом, представленная коллекция стекла, как и комплекс керамики этого времени, продемонстрировала включенность Фанагории рассматриваемого периода в обширный средиземноморско-причерноморский рынок.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма поздне римского периода // СА 1, 104–122.

Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма поздне римского и ранне-средневекового времени // МАИЭТ I, 3–86.

Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Айбабин А. И. 2019. Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре // Э. А. Хайредина (ред.), Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конф., посвященной 70-летию А. И. Айбабина. Симферополь, 7–16.

²²⁵ Young 1993, 41, fig. 2.

²²⁶ Hayes 1992, 403, fig. 151. 40, 41.

²²⁷ Young 1993, 41, fig. 2.

²²⁸ Freestone, Jackson-Tal, Tal 2008, 68, fig. 4. 1, 2.

²²⁹ Коллекция стекла из раскопок городских слоев Фанагории готовится к публикации.

- Айбабин А. И., Веймарн Е. В. 1983. Скалистинский могильник. Киев.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. Могильник у села Лучистое. Том. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов (БИ Supplementum 4). Симферополь–Керчь.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь.
- Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. 1966. Стеклоделие Танаиса // СА 2, 176–188.
- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. 2007. Коллекция стекла античной Горгиипии. Москва.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 1992. Усадьбы Танаиса. Москва.
- Атавин А. Г. 1993. Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // БС 2, 149–171.
- Бабенчиков В. П. 1963. Чорноріченський могильник // АП УРСР XIII. Киев, 90–123.
- Белов Г. Д. 1969. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА 116, 80–84.
- Блаватский В. Д. 1951. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху (МИА 19), 189–226.
- Веймарн Е. В. 1957. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. Симферополь, 219–237.
- Веймарн Э. В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР XIII. Киев, 15–89.
- Виноградов А. Ю. 2010. Литературные источники // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани II. Москва, 137–145.
- Воронов Ю. Н. 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.
- Воронов Ю. Н. 1974. К истории экономических связей Аписилии в IV–VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды) // КСИА 138, 74–78.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. 1987. Исследования Цебельдинской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1984–1985 гг. Тбилиси.
- Высотская Т. М., Махнева О. А. 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 66–80.
- Гавритухин И. О., Паромов Я. М. 2003. Ильичевское городище и поселения его округа // Т. И. Макарова, С. А. Плетнева (ред.), Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 152–157.
- Гавритухин И. О. 2015. Стеклянный сосуд с синими налечами из Ксизово // А. М. Обломский (ред.), Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей 16). Москва, 270–273.
- Голофаст Л. А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ VIII, 97–260.
- Голофаст Л. А. 2006. Стекло из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ XI, 309–330.
- Голофаст Л. А. 2007. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ XIII, 68–128.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. 2016. Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 46–82.
- Дмитриев А. В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели (ред.), Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. Москва, 69–107.

- Евагрий Схоластик. 1997. Церковная история. Перевод СПб. духовной академии, пересмотрен и исправлен В. В. Серповой. Москва.
- Засецкая И. П. 1993. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ III, 23–105.
- Засецкая И. П. 2008. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) (БИ XX). Симферополь-Керчь.
- Зубарь В. М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев.
- Каменецкий И. С., Кропоткин В. В. 1962. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА 3, 235–240.
- Койчева К. 1990. Ранновизантийска стъкларска работилница // Археология 4, 36–46.
- Корпусова В. М. 1973. Сільске населення пізньоантичного Боспору // Археологія 8, 27–45.
- Кузнецов В. Д., Колесников А. Б., Ольховский С. В. 2008. Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг. // ДБ 12/II, 370–412.
- Кунина Н. З. 1984. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (по материалам некрополя Пантикапея из собрания отдела Античного мира Эрмитажа) // ТГЭ XXIV, 47–164.
- Лобода И. И. 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА 4, 236–252.
- Масленников А. А. 1989. Отчет Восточнокрымской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1989 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 14891). Москва.
- Масленников А. А. 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. Москва.
- Минчев А. 1988. Антично стъкло от Западното Черноморие (I–VI вв.). II. Чаши // ИНМВ 24 (39), 35–59.
- Николаева Э. Я. 1981. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1981 году (Архив ИА РАН. Р-1, № 9230). Москва.
- Николаева Э. Я. 1984. Боспор после гуннского нашествия. Диссертация к. и. н. (Архив ИА РАН. Р-2, № 2333). Москва.
- Паромов Я. М. 2003. Фанагорийская округа // Т. И. Макарова, С. А. Плетнева (ред.), Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 157–158.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. 2001. Новые памятники III–IV вв. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ VIII, 32–50.
- Сазанов А. В. 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА 4, 41–60.
- Скалон К. 1978. Об одной находке в Абхазии // АС 19, 67–73.
- Сорокина Н. П. 1962. Стекло из раскопок Пантикапея // МИА 103, 210–236.
- Сорокина Н. П. 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. Москва, 134–170.
- Сорокина Н. П. 1965. Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона (МИА 127). Москва, 202–248.
- Сорокина Н. П. 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА 4, 85–101.
- Сорокина Н. П. 1973. Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. Москва, 183–189.

- Сорокина Н. П. 1976. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. Москва, 199–209.
- Сорокина Н. П. 1978. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования северо-западного Причерноморья. Киев, 267–274.
- Сорокина Н. П. 1979. Стекланные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА 158, 57–67.
- Стржелецкий С. Ф. 1947. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА IX, 283–302.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003–2004. Население округи Херсонеса в первой половине первого тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum+ 4, 27–277.
- Турова Н. П., Черныш С. А. 2015. Раннесредневековый могильник Алония на южном берегу Крыма (по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ XX, 133–146.
- Храпунов И. Н. 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin.
- Шабанов С. Б. 2011. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ XVII, 141–191.
- Шаломон А., Баркоци Л. 1982. Археологические данные к периодизации поздне-римской Паннонии (376–476 гг.) // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. Москва, 31–49.
- Юрочкин В. Ю. 1997. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 304–310.
- Яценко Е. Г. 2006. Стекланные чаши-фиалы второй половины II – середины III вв. н.э. из Танаиса // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной (ТГИМ 159). Москва, 130–152.
- Яценко Е. Г. 2007. Стекланные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993–2000 гг.) // Вестник Танаиса 2, 173–210.
- Abadie-Reynal A., Sodini J.-P. 1992. La céramique paléochrétienne de Thasos (Alikí, Delkos, fouilles anciennes) (Études Thasiennes 13). Athènes–Paris.
- Aupert P. 1980. Objets de la vie quotidienne à Argos en 585 ap. J.-C. // Études argiennes (BCH Supplement VI). Paris, 395–457.
- Baghaturia-Kner E. 2009. Late Antique/Early Byzantine Glass Vessels from the Cemeteries of Kodori and Machara Valleys (Georgia) // E. Laffi (ed.), Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 355–368.
- Ballance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S. 1989. Excavations in Chios (1952–1955) // BSA 20, 1–142.
- Barag D. 1967. The Glass // M. W. Prousnitz (ed.), Excavations at Shavei-Zion, the Early Christian Church. Roma, 65–70.
- Barkóczy L. 1971. Plastisch verzierte spätromische Glasfunde aus Pannonien // Folia archaeologica XXII, 71–83.
- Barkóczy L. 1988. Pannonische Glasfunde in Ungarn (Studia Archaeologica IX). Budapest.
- Baur P. V. C. 1938. Glassware // Gerasa. City of the Decapolis: 505–546. New Haven, 513–546.
- Boardman J. 1989. The Finds // Balance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S. Excavations in Chios 1952–1955: Byzantine Emporio (BSA Suppl. 20). London, 86–142.
- Cau M. A., Reynolds P., Bonifay M. 2011. An Initiative for Revision of Late Roman Fine Wares in the Mediterranean (c. AD 200–700): The Barcelona ICREA/ESF Workshop. LRFW Working Group. Oxford.

- Contardi S. 2009. Late Antique Glass from Iasos (Caria) // E. Lafli (ed.), *Late Antique/ Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 123–132.
- Cool H. E. M. 1995. Glass Vessels of the IVth and Early Vth Century in Roman Britain // *Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. Typologie, chronologie, diffusion*. Val d'Oise, 11–23.
- Cosyns P., Ceglia A. 2018. Glass Production and Consumption in Cyprus in Late Antiquity (Fourth–Seventh Century CE) // D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone (eds.), *Things that Travelled. Mediterranean Glass in the First Millennium AD*. London, 72–91.
- Crowfoot G. M. 1957. Glass // Crowfoot J. W., Crowfoot G. M., Kenyon K. M. *The Objects from Samaria*. London, 403–422.
- Dussart O. 1995. Les verres de Jordanie et de Syrie du Sud du IVe au VIIe siècle (nouvelles données chronologiques) // *Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. Typologie, chronologie, diffusion*. Val d'Oise, 343–359.
- Dussart O. 1998. *Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud*. Beyrouth, 1998.
- Erdmann E. 1977. Die Glasfunde von Mezar Tamar in Israel // *Saalburg-Jahrbuch* 34, 98–146.
- Fleming S. F. 1997. Late Roman Glass at the University of Pennsylvania Museum: A Photo Essay // *Expedition* 39, 25–41.
- Foy D. 1994. Le verre // *L'oppidum de Saint-Blaise du Ve au VIIe s. (Bouches-du-Rhône)* (Documents d'archéologie Française). Paris, 201–218.
- Foy D. 1995. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France méditerranéenne. Premier essai de typo-chronologie // *Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. Typologie, chronologie, diffusion*. Val d'Oise, 187–242.
- Foy D., Bonifay M. 1985. Elements d'évolution des verreries de l'antiquité tardive à Marseille d'après les fouilles de la Bourse // *Revue archéologique de Narbonnaise* XVII. Paris, 289–308.
- Foy D., Hochuli-Gysel A. 1995. Le verre en Aquitaine du I^e au IXe siècle (un état de la question) // *Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. Typologie, chronologie, diffusion*. Val d'Oise, 151–176.
- Freestone I. C., Jackson-Tal R. E., Tal O. 2008. Raw Glass and the Production of Glass Vessels at Late Byzantine Apollonia-Arsuf, Israel // *JGS* 50, 67–80.
- Fünfschilling S. 1999. Gläser aus den Grabungen des Deutschen archäologischen Instituts in Karthago. Die Grabungen 'Quartier Magon' und Rue Ibn Chabâat sowie kleinere Sondagen // F. Rakob (dir.), *Karthago III*, Mainz, 435–529.
- Fünfschilling S. 2006. Augusta Raurica: Regionality and Internationality. Questions and Answers Given by the Glass // G. Creemers, B. Demarsin, P. Cosyns (eds.), *Atuatua I. Roman Glass in Germania Inferior. Interregional Comparisons and Recent Results*. Tongeren, 92–97.
- Giannotta M. T. 1992. Vetri romani e medioevali // F. D'Andria and D. B. Whitehouse (eds.), *Excavations at Otranto II: The Finds*. Galatina, 221–239.
- Gomolka G. 1979. Die spätantiken und frühmittelalterlichen Gläser aus Jatrus // *Jatrus-Krivina I*. Berlin.
- Gomolka-Fuchs G. 1991. Die Kleinfunde vom 4. Bis 6. Jh. // *Jatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau*. Bd. IV Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1981. Berlin, 167–205.
- Gorin-Rosen Y. 2002. The Glass Vessels. Excavations at Khirbet el-Shubeika // Z. Gal (ed.), *Eretz Zafon: Studies in Galilean Archaeology*. Jerusalem, 186–187.
- Gorin-Rosen Y. 2009. The Glass Vessels from Strata 9–6 // Getzov N. et al. *Horbat 'Uza, the 1991 Excavations II: The Late Periods (IAA Reports 42)*. Jerusalem, 175–182.

- Gorin-Rosen Y., Katsnelson N. 2007. Local Glass Production in the Late Roman – Early Byzantine Periods in Light of the Glass Finds from Khirbat el-Ni'ana // *'Atiqot* 57, 73–154.
- Grossman R. A. 2013. Glass // W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma Conducted by Oxford Archaeology II*. Los Altos, 218–258.
- Haberey W. 1966. Zur Herstellung der römischen Wabenbecher // *Bonner Jahrbücher* 166, 208–212.
- Hadad S. 2005. Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet She'an II (Qedem Reports 8). Jerusalem.
- Hanfmann G. M. A. 1959. A Preliminary Note of the Glass Found at Sardis in 1958 // *JGS I*, 50–54.
- Harden D. B. 1936. Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29. Ann Arbor.
- Harden D. B. 1971. Ancient Glass: Post-Roman // *The Archaeological Journal*. London, 78–117.
- Harden D. B. 1975. Some Lombard Glasses of the 6th and 7th Centuries // *Средновековно стакло на Балкану (5–15 вв.)*. Београд, 12–29.
- Hayes J. W. 1972. *Late Roman Pottery*. London.
- Hayes J. W. 1975. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum*. Toronto.
- Hayes J. W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul 2. The Pottery*. Princeton.
- Hayes J. W. 1998. Introduction. The Study of Roman Pottery in the Mediterranean: 23 Years after Late Roman Pottery // L. Sagui (ed.), *Ceramica in Italia: VI–VII secolo. Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma, 11–13 maggio 1995)*. Firenze, 9–21.
- Isings C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, Djakarta.
- Jackson-Tal R. E. 2007. Glass Vessels from En-Gedi // Y. Hirschfeld (ed.), *En-Gedi Excavations II: Final Report (1996–2002)*. Jerusalem, 474–506.
- Jackson-Tal R. E. 2012. The Early Islamic Glass Finds from Khirbat el-Thahiriya // *'Atiqot* 71, 57–72.
- Katsnelson N. 2010. Baqa el-Gharbiya Area: The Glass Vessels from Horbat Kosit (East) // *'Atiqot* 64, 133–142.
- Khrushkova L. 2009. Late Antique Glass from the Eastern Black Sea: Christian Context // E. Lafli (ed.), *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 337–353.
- Kunina N. Z. 1997. *Ancient Glass in the Hermitage Collection*. Saint-Petersburg.
- Lester A. 2004. The Glass // Stacey D. *Excavations at Tiberias, 1973–1974: The Early Islamic Period (IAA Reports 21)*. Jerusalem, 167–220.
- Lightfoot C. S. 1993. Recent Finds of Roman Glass from the Tigris in South-East Turkey // *Annales du 12e Congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*. Vienne. 26–31 août 1991. Amsterdam, 89–98.
- Meyer C. 1987. Glass from the North Theater Byzantine Church, and Soundings at Jerash, Jordan, 1982–1983 // *BASOR Suppl.* 25. Baltimore, 175–222.
- Meyer C. 1992. Glass from Quser al-Qadim and the Indian Ocean Trade (*Studies in Ancient Oriental Civilization* 53). Chicago.
- Miraglia G. 1994. *Vetro // Il Complesso Archeologico di Carminiello ai Mannesi, Napoli (Scavi 1983–1984)*. Lecce, 329–342.
- Olczak J. 1995. Szkło rzymskie z terenu komendantury w Novae // *Novensia* 8, 15–85
- Portale, E. C., Romeo I. 2000. Contenitori da trasporto // D. Vita (ed.), *Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995) (Monografie della scuola archeologica italiana di atene e delle missioni italiane in Oriente XII)*. Padova, 260–410.

- Sazanov A. 2014. Cretan Amphorae from the Northern Black Sea Region: Contexts, Chronology, Typology // N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), LRSW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: A Market without Frontiers I (BAR Int. Series 2616 (I). Oxford, 399–409.
- Stern E. M. 2001. Roman, Byzantine, and Early Medieval Glass, 10 BCE – 700 CE: Ernesto Wolf Collection. New York.
- Sternini M. 1995. Il vetro in Italia tra V e IX secoli // Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. Typologie, chronologie, diffusion. Val d'Oise, 243–288.
- Tabaczynska E. 1971. Szkla wczesnosredniowieczne z Castelseprio // Archeologia Polski XVI, 296–307.
- Tatton-Brown V. A. 1984. The Glass // H. R. Hurst, S. P. Roskams (eds.), Excavations at Carthage. The British Mission I, 1. The Avenue du President Habib Bourguiba, Salamambo: The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site. Sheffield, 194–212.
- Tatton-Brown V. A. 1999. Early Medieval Europe AD 400–1066 // H. Tait (ed.), Five Thousand Years of Glass. London, 98–111.
- Vitto F. 2008. A Late Third-Fourth-Century CE Burial Cave on Remez Street, Qiryat Ata // 'Atiqot 60, 131–164.
- Saldern von A. 1980a. Ancient and Byzantine Glass from Sardis (Archaeological Exploration of Sardis). London.
- Saldern von A. 1980b. Glass 500 BC to AD 1900. The Hans Collection. Los Angeles–Mainz.
- Weinberg G. D., Goldstein S. M. 1988. Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia.
- Whitehouse D. 1985. The Earlier Deposit. The Glass // Whitehouse D., Costantini L., Guidobaldi F. Passi S., Pensabene P., Pratt S., Reece R., Reese D. The Schola Praeconum II (Papers of the British School at Rome LIII). Cambridge, 164–170.
- Whitehouse D. 2002a. Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Corning Museum of Glass I. New York.
- Whitehouse D. 2002b. Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Corning Museum of Glass II. New York.
- Young S. U. 1993. A Preview of Seventh-Century Glass from the Kourion Basilica, Cyprus // JGS 35, 39–47.

А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов

ЗАМЕТКИ О ВТОРИЧНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АМФОР В ФАНАГОРИИ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассматривается использование частей амфор в Фанагории архаического времени в производственных целях. Раскопками последних 15 лет на «Верхнем городе» были открыты уникальные конструкции. Они сделаны из верхних половин амфор, вкопанных горлом вниз. Горла были заполнены углями и золой. В плече этих амфор было сделано отверстие, к которому примыкала труба из нескольких амфорных горл, соединенных между собой в ряд. Очевидно, что мы имеем дело с топкой печи, в которую через трубу поступал воздух. Остатки верхней части печи удалось обнаружить только в одном случае. Это позволило реконструировать купольное перекрытие печи с круглым отверстием-проходом по середине. В целом конструкция печи и ее размеры дают возможность сделать вывод о том, что она позволяла достигать внутри высоких температур, пригодных, например, для плавления металла. Отсутствие следов керамического брака и окислов бронзы, вероятно, говорят о том, что в этих печах-горнах плавил благородные металлы. Повышенное содержание серебра в окружающем грунте дало основание для предположения о том, что здесь работали с ювелирными изделиями. Рядом с горнами располагались открытые очаги. Вероятно, технологический процесс предполагал обработку металлических изделий и при более низких температурах.

Таким образом, открытые современными раскопками производственные комплексы показывают, что во второй половине 6 – первых десятилетиях 5 вв. до н. э. (этим временем датируются все горны) в историческом ядре города на верхнем плато наряду с общественными зданиями располагались и ремесленные мастерские в жилых кварталах. Со временем исследуемый раскопками район становится акрополем Фанагории и следы ремесленной деятельности в дальнейшем здесь не наблюдаются.

Ключевые слова. Фанагория, амфоры, вторичное использование, ремесло, металлообработка, горн, период архаики, хронология

Abstract. The article considers the use of parts of amphorae in Phanagoria for workshops purposes. The excavations of the last 15 years in the 'Upper City' revealed unique constructions: the upper halves of amphorae dug upside down, their necks filled with charcoals and ashes. The shoulders of each of these amphorae had a hole with a pipe attached to it, made of several amphorae necks arranged in a row. It is evident that in this case we deal with a furnace, and the pipe was intended to supply it with air. Only in one case the remains of the upper part of such a furnace were discovered. It allowed to reconstruct the domed roof of the furnace with a round ventilation hole in the middle. The whole construction of the furnace and its size allows to suggest that high temperatures could be achieved within it, high enough for molding metals. Any traces of ceramic waist or bronze oxides are missing, which makes us suggest that the furnaces were used for molding precious metals. It is confirmed by the presence of silver in the surrounding ground. Open ovens were located near the furnaces. The technologies used here obviously included working on metal objects under comparatively low temperatures. The industrial complexes revealed by the excavations of the recent years show that in the second half of the 6th – early 5th century B.C. (the date of all the furnaces) industrial quarters were located in the historical center of the city in the craftsmen's dwelling. In the course of time this area became the acropolis of Phanagoria where no traces of industrial activities could be found.

Key-words. Phanagoria, amphorae, secondary use, industry, working on metals, furnace, Archaic period, chronology.

Хорошо известно, что древнегреческие амфоры были специально приспособленными тарными сосудами, удобными для транспортировки, главным образом, морскими путями, жидких продуктов (вино, оливковое масло), а также некоторых других товаров (соленая рыба, соусы, орехи, оливки, нефть и др.).¹ Их размеры и формы, которые были специфичны для каждого отдельного центра производства, менялись со временем. На смену одним типам и вариантам амфор приходили другие. Однако и уже вышедшие из употребления по прямому своему назначению сосуды нередко использовались для хранения на месте иных, не товарных жидкостей и сыпучих продуктов. Бытовое использование амфор могло продолжаться уже и после того, как они, собственно, переставали быть сосудами или, попросту говоря, были разбиты на части. И эти разные части керамической тары нередко находили применение в самых разных областях деятельности рачительных и смекалистых людей.

Здесь речь пойдет не о всех видах вторичного использования амфор или их обломков, поскольку это заняло бы немало места, так как области жизнедеятельности, в которых они находили применение, весьма многообразны.² Рассмотрим лишь применение частей амфор в качестве деталей для конструирования небольших по размеру горнов, что было неоднократно зафиксировано во время исследований на раскопе «Верхний город» в Фанагории.³

1. Лучше других сохранилась конструкция печи (325), открытая во дворе дома (205, пом. II), построенного из сырцового кирпича⁴ на тонкой прослойке над поверхностью материка. Сооружение располагалось примерно по центру открытой части двора, ниже подошвы стен. Где-то на уровне основания стен удалось расчистить остатки верхней (наземной) части конструкции горна. Они представляли собой кольцо из сырца⁵ толщиной 0,20 м, диаметром ок. 1,0 м, с разрывом с восточной стороны, где, по-видимому, располагалось устье печи. Внутреннее пространство кольца заполняла ярко-желтая глина – остатки обрушившегося куполообразного перекрытия горна. В центре поверхности, ограниченной кольцом сырца, фиксируется кирпично-терракотовое пятно, соответствующее продуху свода, через который горячий воздух выходил из топочной части (рис. 1. 1).⁶

Нижняя (топочная) часть конструкции, материалы которой и будут нас интересовать далее, была сооружена из обломков амфор. Основу ее представляет верхняя часть клазоменской амфоры, установленная горлом вниз. С южной стороны в плече этой «полуамфоры» было сделано довольно аккуратное прямоугольное отверстие, к которому вплотную подходила труба, составленная из горловин других амфор (рис. 1. 2–4). Полностью сохранились три из них и фрагмент четвертой. Первый обломок – воронковидное горло хиосской амфоры с одной ручкой и фрагментом плечевой части с одной стороны (в данном случае – нижней). Он примыкал к отверстию в плече амфоры-топки (рис. 2. 1, 3). С юга к венчику первой примыкал венец горла такой же амфоры, которое нижним концом, в свою очередь, стыковалось с нижней же частью аналогичного горла.⁷

¹ Garlan 2000, 1; Monakhov, Kuznetsova 2017, 59.

² Лишь примера ради, упомянем несколько, приходящих в голову в первую очередь. Повсеместно, от афинского Керамика до «Южного города» Фанагории, опустошенные амфоры использовали в качестве контейнеров для погребения младенцев (например, см. Завойкин, Колесников, Сударев 2016, 168–171, рис. 69, 70; 181, рис. 85). Верхние половинки амфор могли применяться в качестве «цветочных горшков» для проращивания зерна (так наз. «сады Адониса») при подготовке к празднованию воскрешения возлюбленного Афродиты (о связи культа Афродиты Урании с празднованием *Adonia* в Афинах с 5 в. до н.э.: см. Rosenzweig 2004, 63–68, fig. 45–48). Изображения «садов Адониса» хорошо известны в краснофигурной вазописи 4 в. до н.э., где представлены стоящие на лестницах женщины, которым Эрот передает верхние половинки амфор горлом вниз с порослью зерновых.

Верхние части или только горла – нередкие находки на некрополях или в святилищах, где они использовались в качестве своеобразных алтарей (*эсхар*) для возлияний хтоническим божествам (например, см.: Завойкин 2005, 168; Винокуров 2018, 91–92).

³ См. Кузнецов, Завойкин 2010.

⁴ Месторасположение дома и его схематический план (как и других описанных ниже объектов) см. Кузнецов 2018а, 123, рис. 4.

⁵ Структура кладки не читалась, однако очевидно, что это остатки нижнего ее ряда.

⁶ Подробнее об объекте см. Кузнецов 2008, 75–76.

⁷ К югу от которого лежал небольшой фрагмент горла хиосской амфоры (того же типа), определить характер примыкания которого не представляется возможным.

Рис. 1. Остатки горна 325 в доме 205:
1 – сырцового свода печи; 2–4 – топки с воздуховодом

Рис. 2. Горн 325. Детали конструкции

Рис. 3. Части амфор Хиоса и Клазомен, из которых сделана топка и воздуховод горна 325

Рис. 4. Открытая печь (очаг) в ЮЗ углу помещения II дома 205

На внутренней поверхности амфоры-топки сохранились следы сильного воздействия огня, в ее заполнении – многочисленные угольки⁸ и зола, максимальная концентрация которых была в горловине сосуда (рис. 2. 2). В то же время внутри амфорных горл трубы (стыки между которыми были тщательно замазаны глиной и, видимо, еще каким-то скрепляющим материалом, см. рис. 2. 4) следов копоти, неизбежной в том случае, если бы труба служила для отвода дыма, не обнаружено вовсе. И это однозначно говорит в пользу того, что труба служила для поступления воздуха в печь. Следовательно, перед нами небольшой горн, предназначенный, по-видимому, для плавки металла в небольших количествах.⁹ В любом случае, производственный, а не бытовой характер сооружения, не вызывает сомнений.

Реконструировать производственный процесс едва ли возможно из-за отсутствия необходимой информации, однако стоит упомянуть еще два объекта, которые могли иметь к нему отношение. В юго-западном углу помещения II располагались остатки еще одной «печи», но совершенно иного характера (рис. 4). Она представляет собой часть двора, отгороженного сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. Кирпичи с двух сторон обмазаны слоем глины толщиной до 1 см. Сохранился лишь небольшой фрагмент (0,28 м) восточной стенки печи, который отстоит от западной стены помещения на 0,84 м и перпендикулярен южной его стене. Под выложен сырцовой глиной (прослежен максимально у западной стены на 0,4 м). Таким образом, максимальные размеры объекта – ок. 0,84×0,4 м. Примечательно, что его стенки от огня были обожжены до состояния печины оранжево-черного цвета (на 0,20–0,30 м в высоту), но, странным образом, следов огня на *поре* печи не обнаружено. Внутреннее пространство ее было заполнено рыхлым грунтом с большим содержанием золы.¹⁰ Это сооружение напоминает угловую выгородку (так наз. «ларь»), в которую ссыпали еще горячие продукты горения (угли, золу).

⁸ Угли дуба, по определению А. Л. Александровского.

⁹ Кузнецов, Завойкин 2010. Мы предполагали, ссылаясь на косвенные аргументы, ювелирное производство, что объясняло отсутствие следов бронзовых выплесков, неизбежное при плавке и обработке этого металла, и повышенное содержание серебра в окружающем грунте. Стоит обратить внимание и на находку в помещении предмета из темного базальта в виде толстой «шайбы» с заполированными верхней и нижней плоскостями, пригодной для того, чтобы служить пробирным камнем. В пользу того же мнения, как нам представлялось, мог говорить и большой (по меркам архаики) клад серебряных монет, который был спрятан под северной стеной помещения, где находился горн, свидетельствующий об относительном достатке хозяина. Впрочем, все это лишь предположение, на котором сложно настаивать. Тем более что появление еще двух комплексов, удаленных от первых двух (№ 3 и 4, см. ниже), если не ставит эту гипотезу под сомнение, то, видимо, исключает однозначность такой интерпретации этих объектов.

¹⁰ Кузнецов 2007, 100.

Рис. 5. Производственная яма
рядом с горном 325

Другой объект был зафиксирован в помещении II в полутора метрах к З-СЗ от горна. Это неглубокая вытянутая с севера на юг неглубокая ямка овальной (с элементами прямоугольности) формы, впущенная в материк (рис. 5). Дно ее несет на себе следы прокаливания песка и остатки продуктов горения (угли), в СВ углу – несколько маленьких камешков осадочной породы. Засыпана ямка песком, равномерно перемешанным с золой и мелкими угольками. На верхнем уровне засыпки в СВ углу обнаружена аккуратно отколотая ножка аттического килика.

Датировать описанный горн можно по амфорным обломкам, из которых он сложен. Учитывая вторичное использование амфорного материала, они позволяют оценить лишь *terminus post quem*. Но сказать определенно, насколько сооружение этой конструкции и ее использование отстоят от времени бытования амфор – практически невозможно.

Рис. 6. Горн 281 в доме 295. Общий вид с севера

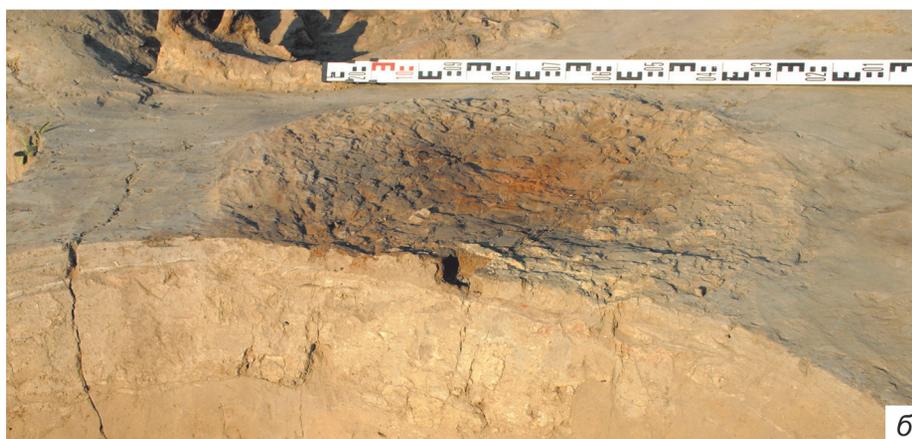
Для определения хронологии наиболее важны горла хиосских амфор, из которых сложена труба. Все они принадлежат тарным сосудам «с воронковидным горлом» раннего варианта (рис. 3. 2–5), которые следует датировать началом третьей четверти 6 в. до н.э.¹¹ Обоснованно определить точную временную границу между хиосскими амфорами раннего и позднего вариантов этого типа пока не представляется возможным, тем более что в этом случае резкой смены форм (основные параметры – высота горла и степень его «припухлости») не было – это результат плавной их эволюции. Учитывая время основания Фанагории, приемлемой датировкой будет ок. 545/40–530 гг. до н.э.

¹¹ Завойкин 2013, 134–135, рис. 1. 1; Монахов 2003, 15–16, табл. 3. 1, 2; Буйских, Монахов 2009, рис. 1. 1–4 («Lambrino A1», по П. Дюпону – Cook, Dupont 1998, 148–149).

Рис. 7. Горн 281 в разрезе культурного слоя, над очагом 335 на полу дома 295

Рис. 8. Очаг 335 и открытая печь 309 на полу дома 295

¹² Sezgin 2004, 175, fig. 12; 176–177, fig. 13. Исследователь, отмечая отсутствие в Клазоменах «существенных свидетельств» для периода сразу после персидского нашествия, допускает даже вероятность лакуны в производстве для интервала между 550–530/20 гг. до н.э. (Ibid., 176). По С. Ю. Монахову – вариант 3, датируемый им третьей четвертью 6 в. до н.э. (Монахов 2003, 52, табл. 32. 3).

¹³ Едва ли в качестве морфологического ориентира можно использовать амфору из ольвийской землянки 1975 г., найденную вместе с хиосской третьей четверти 6 в. до н.э., поскольку она не сохранилась. С. Ю. Монахов использовал для ее иллюстрации фотографию из отчета В. И. Пругло и аналогичную амфору из Гос. Эрмитажа (Монахов 1999, 38, рис. 3. 1, прим. 17, 19). Ср. с верхней частью амфоры из ямы № 131 из раскопок на Березани, фазы II-B1 (последняя четверть – конец VI вв. до н.э.) (Чистов и др. 2012, 241, табл. 85. 4, фото). Фанагорийская амфора, безусловно, старше ее, но она очевидно моложе амфоры, верхняя часть которой была найдена в яме № 120, датированной второй четвертью VI в. до н.э. (Там же, 21, 160, табл. 3. 2). Ближайшее соответствие рассматриваемой части клазоменской амфоры из Фанагории находим в горлах из колодца № 126 и СК № 35 Березанского поселения, отнесенные авторами публикации к середине – началу третьей четверти 6 в. до н.э. (Там же, 21, 160, табл. 3. 3–5). Близкую аналогию представляет верхняя часть амфоры из Истрии, которую Ю. Бирзеску датирует последней третью 6 в. до н.э., тип 5 по его классификации с широкой датировкой от первой половины 6 до начала 5 вв. до н.э. (Birzescu 2012, 102 f., 295, Nr. 764, Taf. 105. 764).

Верхняя часть клазоменской амфоры (рис. 3. 1), которая послужила топочной частью сооружения, быть может, относится к VI группе (ок. 530/25–500 гг. до н.э.), хотя, скорее, она все-таки ближе к амфорам предшествующей, V группы (ок. 575–550 гг. до н.э.) по классификации Ю. Сэзгина.¹² В любом случае, ширина плеч и небольшая высота расширяющегося кверху горла, говорят в пользу большей архаичности фанагорийской амфоры по сравнению с тарой VI группы.¹³ Таким образом, датировка

клазоменской амфоры не вступает в противоречие с определением времени для хиосских амфор, горла которых использованы для изготовления трубы.

Другое дело что, если мы связываем бытование горна с жизнью дома 205, то *terminus ante quem* для него будет довольно широкая дата, лежащая между 520 и 480 гг. до н. э. И не исключено, что к моменту гибели дома горн уже не использовался, а его остатки были засыпаны.¹⁴ Наконец, учитывая недолговечность эксплуатации подобного рода сооружений, нельзя исключать полностью вероятность того, что этот объект функционировал раньше, чем был построен дом.

2. Другой горн (281) сохранился несколько хуже первого: западная его часть уничтожена поздней ямой (в то время, как 325-й чудом остался целым на узкой перемычке между двумя поздними ямами). Он тоже располагался в помещении (здание 295, пом. I) – вероятно, дворе (рис. 6). Прямоугольное в плане¹⁵ помещение имело небольшие размеры (ок. 15,8 м²). В нем четко фиксируется два горизонта, разделенных массивом рушенного сырца толщиной 0,22–0,26 м (рис. 7).

На нижнем горизонте открыты золисто-глинистые намазки полов, на которых в центре помещения расчищен круглый глинобитный «очаг» (335). Он изготовлен в виде невысокой (1–2 см) «лепешки» диаметром 1,0–1,1 м с пятном максимального прокала по центру (10×10 см, глубиной до 12 см). Следы прокала «затухают» к краям, на которых (в пределах кольца шириной 14–20 см) глина осталась первоначального светло-желтого цвета (рис. 8).¹⁶ В 0,35 м к северо-востоку от этого объекта, вплотную к восточной стене помещения располагалась глинобитная печь прямоугольных в плане очертаний (309). Высота бортиков печи, несколько заглубленной относительно пола, составляла ок. 0,15–0,17 м. При обрушении

Рис. 9. Открытая печь 309 у восточной стены дома 295

¹⁴ Говорим об этом предположительно, поскольку перекрытие ремесленного сооружения полами не было прослежено.

¹⁵ Внешние его габариты – 5,5×4,5 м.

¹⁶ Кузнецов 2008, 77.

Рис. 10. Ямка с песком в СЗ углу помещения дома 295

стен дома печь оказалась раздавленной, западный и южный ее бортики завалились наружу (рис. 9). Функциональное назначение описанных объектов как производственное определяется лишь предположительно.¹⁷

После того как развалы стен дома 295 перекрыли пол и сооружения, которые располагались на его поверхности, по центру помещения, строго над «очагом» (335), в толщу сырца была впущена конструкция (горн 281), смонтированная из частей амфор (рис. 11–13), аналогичная той, что была описана выше (325). К востоку от нее фиксировалась поверхность обожженной глины (печины), соответствующая примерно уровню, на котором происходила эксплуатация горна.

Топкой горна послужила перевернутая горлом вниз верхняя часть хиосской пухлогорлой амфоры (рис. 14) раннего варианта (с окрашенным венцом и полосками вдоль ручек и на тулове), относящаяся к 520–480 гг. до н. э. (рис. 13. 1).¹⁸ Горло амфоры целиком заполняли продукты горения (угли, зола). Любопытной особенностью конструкции было использование сравнительно крупных фрагментов амфорных стенок, помещенных в горле на ребре (рис. 15). С юга к топке подходила труба воздуховода, смонтированная из трех амфорных горловин. Ближайшее к топке – горло красноглиняной лесбосской амфоры с графитом по сырой глине – буква «П» (рис. 13. 2).¹⁹ Далее, примыкая к ее венцу обломом горловины, располагалось невысокое горло небольшой коричневоглиняной

¹⁷ См. Кузнецов 2008, 73–74. В этой связи отметим небольшую цилиндрическую ямку (333) в СЗ углу помещения, заполненную чистым песком с мелкими железистыми включениями, которая, на наш взгляд, не имела бытового назначения, а каким-то образом связана с производственной деятельностью (рис. 10).

¹⁸ Завойкин 2013, 135, рис. 1. 2; ср. Монахов 2003, 16 сл., табл. 3. 5, 6; 4. 1–5.

¹⁹ Поздний вариант (ок. 525–480 гг. до н. э.). См. Roberts 1986, no. 408.

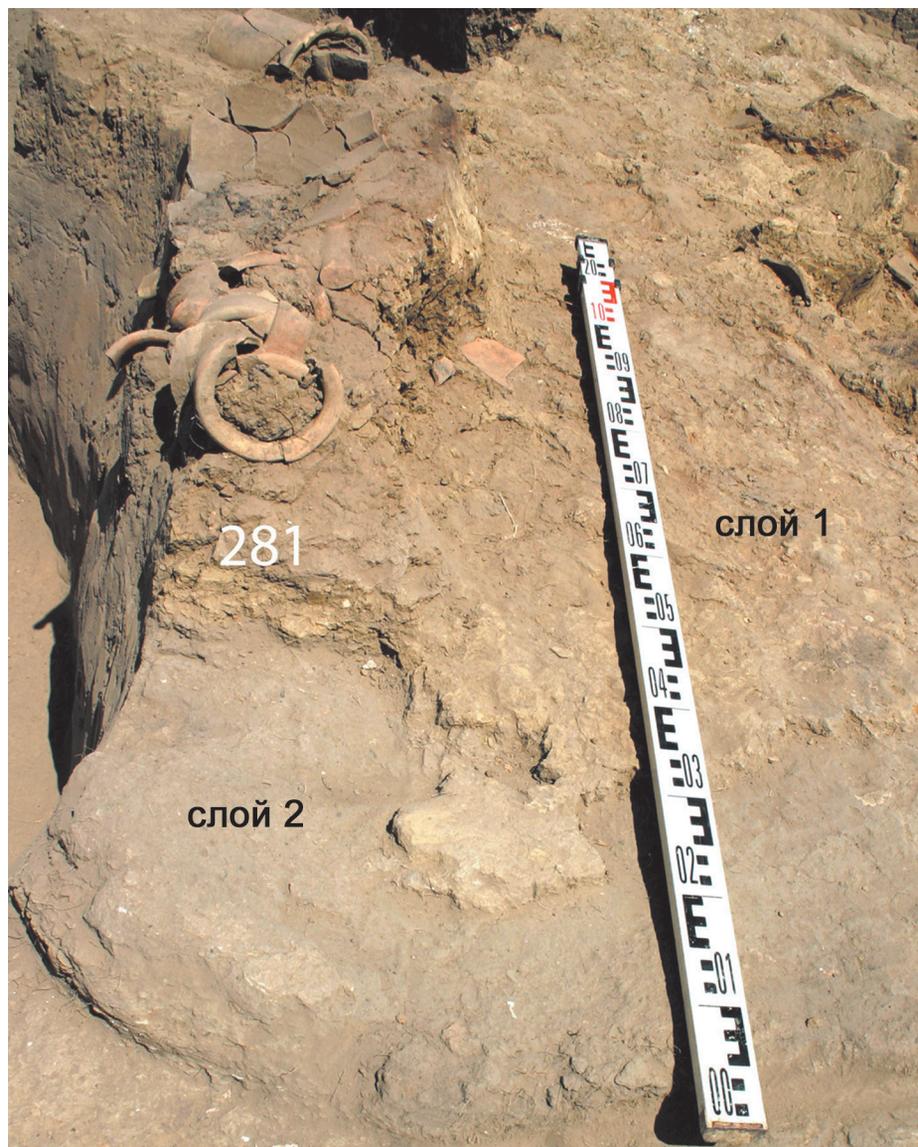

Рис. 11. Остатки горна 281. Вид с юга

Рис. 12. То же. Вид с запада (слева – остатки трубы-воздуховода предшествующего времени)

Рис. 13. Части амфор Хиоса, Лесбоса (красноглиняных) и «протофасосских», из которых сделана топка и воздуховод горна 281

²⁰ С долей условности амфору можно отнести к обширной и разнохарактерной группе т. н. «протофасосских».

²¹ По-видимому, 3-й или 4-й серии по классификации С.Ю. Монахова (2003, 40–42, табл. 24–25). Точная привязка по горлу не представляется возможной.

²² Следует, однако, сделать оговорку: как мы выяснили, имеется *вероятность* того, что горн 325 функционировал раньше, чем над ним был построен дом 205, а горн 281, напротив, был обустроен после того, как дом 295 был разрушен.

²³ Кузнецов 2018 б, 41–42. Предполагается поэтому, что горн мог функционировать либо раньше строительства стен, либо он был обустроен позже их. Последнее кажется нереальным, поскольку укрепления были разрушены уже в первые десятилетия 5 в. до н.э. (до 480 г. до н.э., если только не в этом году именно – см. Кузнецов 2018 в, 179), а материалы, из которых был обустроен горн датируются более ранним временем (см. ниже).

амфоры неустановленного центра производства с венчиком в виде валика и с уплощенными в сечении ручками (рис. 13. 3).²⁰ Наконец, крайнее положение занимала короткая горловина красноглиняной «протофасосской» амфоры, немного расширенная сверху (рис. 13. 4)²¹, обращенная венчиком к югу.

К северу от топки лежали в ряд обломки еще трех горловин амфор: раздавленное горло лесбосской красноглиняной того же варианта, что и в воздуховоде, и фрагмент верхней части горла аналогичной амфоры (рис. 16. 1, 3), а также обломок горла пухлогорлой хиосской амфоры раннего варианта (рис. 16. 2). Возможно, это остатки воздуховода, использованного в горне раньше и удаленного вследствие выхода из строя.

Хронология сооружения определяется в пределах последней четверти 6 – первых двух десятилетий 5 в. до н.э., т. е. в целом соответствует финальному периоду жизни дома 205.

3. Еще одна конструкция была открыта недавно (2017 г., объект 767). Ее месторасположение отличается от первых двух²²: остатки горна зафиксированы вне помещения (или двора), в 1 м к западу от внешнего фаса стены помещения 3 оборонительных сооружений (679), построенных у самого обрыва верхнего плато в третьей четверти 6 в. до н.э. (рис. 17). Весьма примечательно, что горн располагался напротив проема в западной стене помещения, где, по-видимому, размещался проход через оборонительные укрепления.²³

Рис. 14. Топка горна 281 с остатками продуктов горения и воздуховод, вид с запада

Рис. 15. То же (деталь) после удаления золы и углей

Остатки верхней части (перекрытия) печи выявить не удалось. Мы имеем дело исключительно с остатками топки и трубы, через которую поступал воздух (она располагалась к югу от топки). Топочной частью конструкции послужила верхняя часть «протофасосской» амфоры²⁴, углубленная в грунт горлом вниз (рис. 18. 1). Вплотную к топке венцом примыкало «воронковидное» горло хиосской амфоры раннего («Lambrino A1»²⁵) варианта (высота – 14,5 см²⁶, рис. 18. 3); к нижнему его краю венчиком было приставлено горло лесбосской красноглиняной амфоры (высота его – 17,0 см, диаметр венца – 122, диаметры под венцом и в нижней части – 10,6/11,6 см, рис. 18. 2).²⁷

Таким образом, хронологические рамки для амфор, из которых была построена конструкция 767, на наш взгляд, определяются примерно между 540–520 гг. до н. э.

В дополнение следует отметить еще одно обстоятельство, которое, вполне вероятно, имеет отношение к функционированию этого горна. В 5,2 м к северу от него, в том же горизонте, располагалась печь (786), пристроенная к внешнему (западному) фасу стены башни (помещение 4) оборонительных сооружений. Прямоугольная в плане (0,65×0,85 м) печь

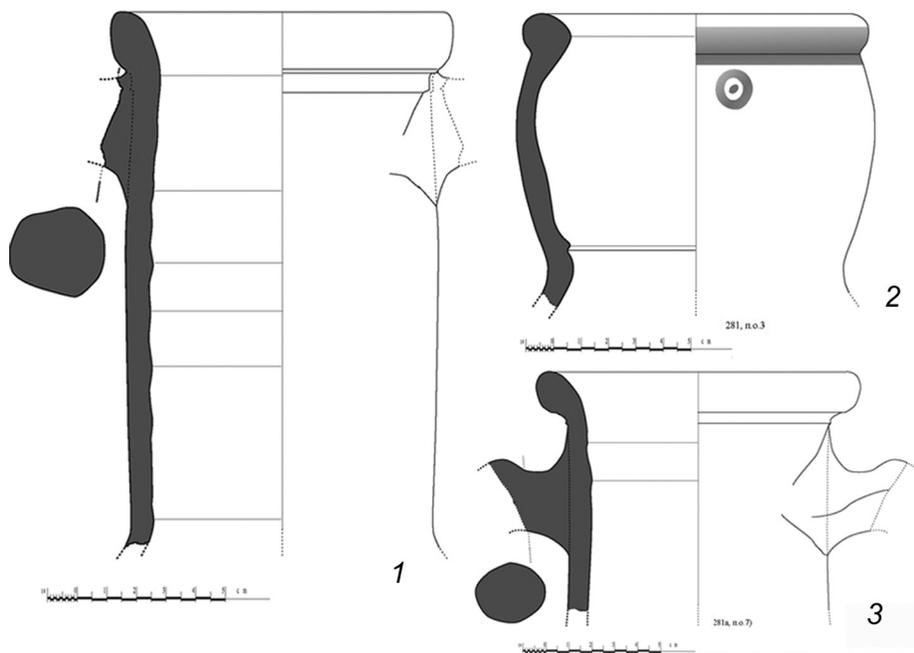
²⁴ Горло цилиндрической (едва расширенной кверху) формы (высота его – 12,4 см, диаметр по венцу – 13,8 см, сечение венца 2,3×1,9 см), отличается значительной толщиной черепка горловины (1,2–1,3 см) и специфической глиной: коричневой, светлой по поверхности со значительным количеством включений – сравнительно крупных частиц известняков и мелких блесток слюды (визуально напоминает глину наиболее ранних хиосских с воронковидным горлом). Ср.: Birzescu 2012, 87 f., 291, Nr. 728, Taf. 104. 728 (Chios III, конец 6 – первая четверть 5 вв. до н. э., тип в целом – вторая половина 6 – первая половина 5 вв. до н. э.); Монахов 2003, табл. 25. 2, 3 (из Ольвии и некрополя Березани, IV серия амфор «на сложнопрофилированной ножке»); Чистов и др. 2012, 218, табл. 62. 1 (фаза II-A, третья – начало последней четверти 6 вв. до н. э.). Указанные аналогии, с учетом того, что «протофасосские» амфоры производились «во многих центрах» (Монахов 2003, 42), неизбежно имеют чисто формальный характер.

²⁵ Cook, Dupont 1998, 148, 150–151, fig. 23.2a (560–530 гг. до н. э.).

²⁶ Ср.: Монахов 2003, 184, табл. 3. 1; Буйских, Монахов 2009, 126, рис. 1; 2. 1, 2. Стоит дополнительно отметить, что ширина лаковых полосок на верхних прилепах ручек фанагорийского горла не превышает 7 мм.

²⁷ Ср. Чистов и др. 2012, 248, табл. 92. 2 (из колодца № 87, фаза II-B2, конец 6 – первая четверть 5 вв. до н. э.). На фото (чертеж дан со значительными искажениями) видно относительно короткое цилиндрическое горло (немного расширенное книзу, без «припухлости» в средней части, как и у фанагорийского), плечи амфоры довольно широкие. Полагаем, что эти признаки указывают на то, что березанскую амфору (ее верхнюю часть) следует датировать несколько ранее 520 г. до н. э.

Рис. 16. Прорисовка частей амфор, из которых состояла труба-воздуховод раннего периода использования горна 281

была сложена из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро (рис. 19). Устье, видимо, находилось с западной стороны. Стенки конструкции сильно обгорели изнутри. Печь²⁸ была заполнена золой, древесными углями и фрагментами печины. С внешней стороны южной стенки лежал так наз. «конусовидный предмет» (который часто бывает обнаружен в контексте ремесленного производства). Очевидно, производственная печь могла обслуживать интересы обороны города, поскольку была пристроена к городским стенам.²⁹

4, 5. Остатки еще двух горнов, находившихся вплотную друг к другу и последовательно сменивших друг друга, были открыты раскопками прошедшего полевого сезона (2019 г., объект 897 а, б) в помещении 5 многокомнатного здания (839), расположенного непосредственно к востоку (через узкий переулок) от места, где последовательно в течение второй половины 6–4 вв. до н.э. располагались небольшие храмы.³⁰ Здание это было перекрыто более поздней постройкой (836), возведенной над его развалинами на каменном фундаменте примерно по тому же плану, что и у предшествующей. В свою очередь, после разрушения этого здания, над ним, но уже в «усеченном» виде (всего два помещения) был построен из сырцового кирпича дом (677), сгоревший в общем для этого района города пожаре около середины 5 в. до н.э.³¹

О времени постройки и жизни здания (839), в крайнем западном помещении которого были открыты горны, говорить сложно, по крайней мере до того, как будет завершена обработка всех материалов. Сейчас же о времени прекращения его функционирования можно судить лишь по скоплению раздавленных «протофасосских» амфор, обнаруженному в помещении 3 этого дома, на участке пола, просевшего в более раннюю яму (891)³² после того, как дом был уже разрушен. К сожалению,

²⁸ Её глубина – 0,10 м.

²⁹ Кузнецов 2018 б, 58–59.

³⁰ Предварительную информацию о них см.: Кузнецов 2019, 414–405, рис. 3–6 (храмы первой половины 5 вв. до н.э.; второй половины 5 вв. до н.э.; 4 вв. до н.э.). Первый по времени из трех упомянутых храмов сгорел в сильном пожаре середины 5 в. до н.э., точная дата его постройки пока не установлена. Наверняка можно говорить о том, что «ниже» этого храма располагается еще одна, более ранняя постройка, а возможно – два одновременных здания, исследование которых будет начато в 2020 г.

³¹ См. Кузнецов 2018 а, 123, рис. 4.

³² Для предотвращения проседания в период подготовки поверхности для строительства дома (839) яма эта была забита чередующимися слоями чистой глины и прослойками золы. Однако после того, как дом лишился кровли, пол вместе с амфорами просел над ямой.

Рис. 17. Горн 767. Вид с юга (на фото 1 на заднем плане остатки оборонительных сооружений 679)

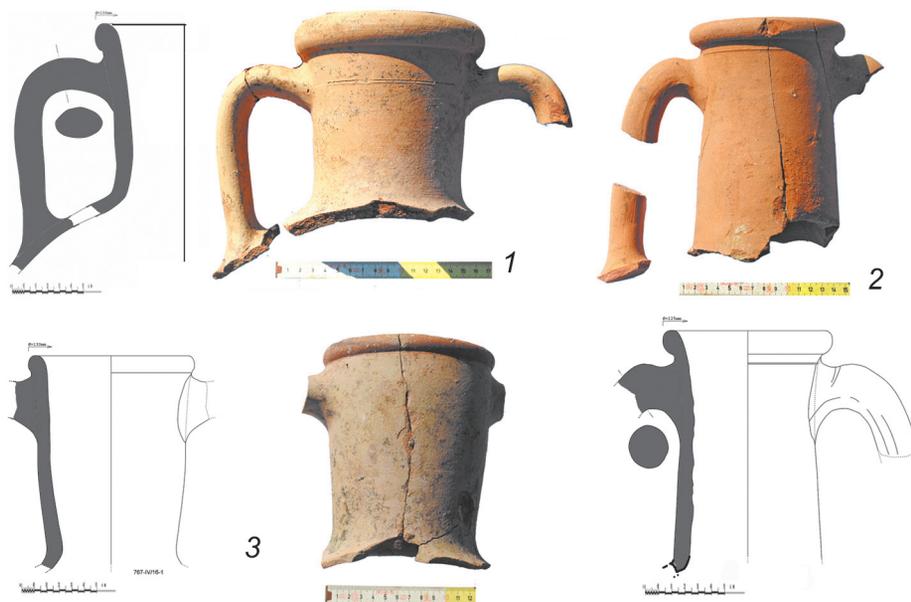
хронология этих тарных сосудов разработана недостаточно хорошо³³. Поэтому с некоторой долей условности дату гибели здания (839) определяем первыми двумя десятилетиями 5 в. до н.э. (не позже).

Теперь обратимся к описанию этого объекта (рис. 20. 2; 21). Более поздний горн (б) сохранился лучше, чем более ранний (а), по всей видимости, разобранный его пользователями после того, как он вышел из строя. Более поздний горн располагался у южной стены помещения, скорее всего, небольшого двора, примерно по центру. Точечная часть представляла собой верхнюю часть (до плеча³⁴) хиосской пухлогорлой амфоры с окрашенным венцом и вертикальными полосками на ручках (рис. 22. 1). По тому, что невысокое (10,4 см) горло амфоры имело лишь слабо

³³ Все обнаруженные в этом комплексе амфоры однотипны, по всей видимости они принадлежат к одной партии амфор «третьей серии» по классификации С.Ю. Монахова (2003, 40–41, табл. 24. 5–8), которую исследователь датирует концом 6 – началом 5 вв. до н.э.

³⁴ Сохранилась не полностью. Судя по прямому углу скола в нижней половине плеча, отверстие, к которому примыкала труба имело подпрямоугольную форму.

Рис. 18. Части амфор Хиоса, Лесбоса (красноглиняные) и «протофасосской», из которых была сделана топка и воздуховод горна 767

выраженную «припухлость», а максимальный диаметр тулова составлял ок. 37 см, можно заключить, что тарный сосуд, из обломка которого соорудили топку, принадлежал к числу самых ранних пухлогорлых, датируемых в интервале от 530/25 до 500 гг. до н. э.³⁵ Горло амфоры было заполнено угольками и золой. С северо-запада к топке примыкала труба-воздуховод, от которой сохранилось единственное звено – горло красноглиняной лесбосской амфоры (рис. 22. 2), которую, очевидно, нельзя датировать раньше последней трети/четверти 6 в. до н. э.

³⁵ Ср. Завойкин 2013, 134, 135, рис. 2. 1, 3 – амфоры, в которых были совершены захоронения младенцев на «Южном городе» Фанагории.

От топки горна предшествующего времени (а) сохранилось лишь горло с ручками, опирающимися на верхнюю часть плеч (рис. 21; 22. 3),

Рис. 19. Открытая печь (очаг) рядом с горном 767 (у стены башни оборонительной системы 679)

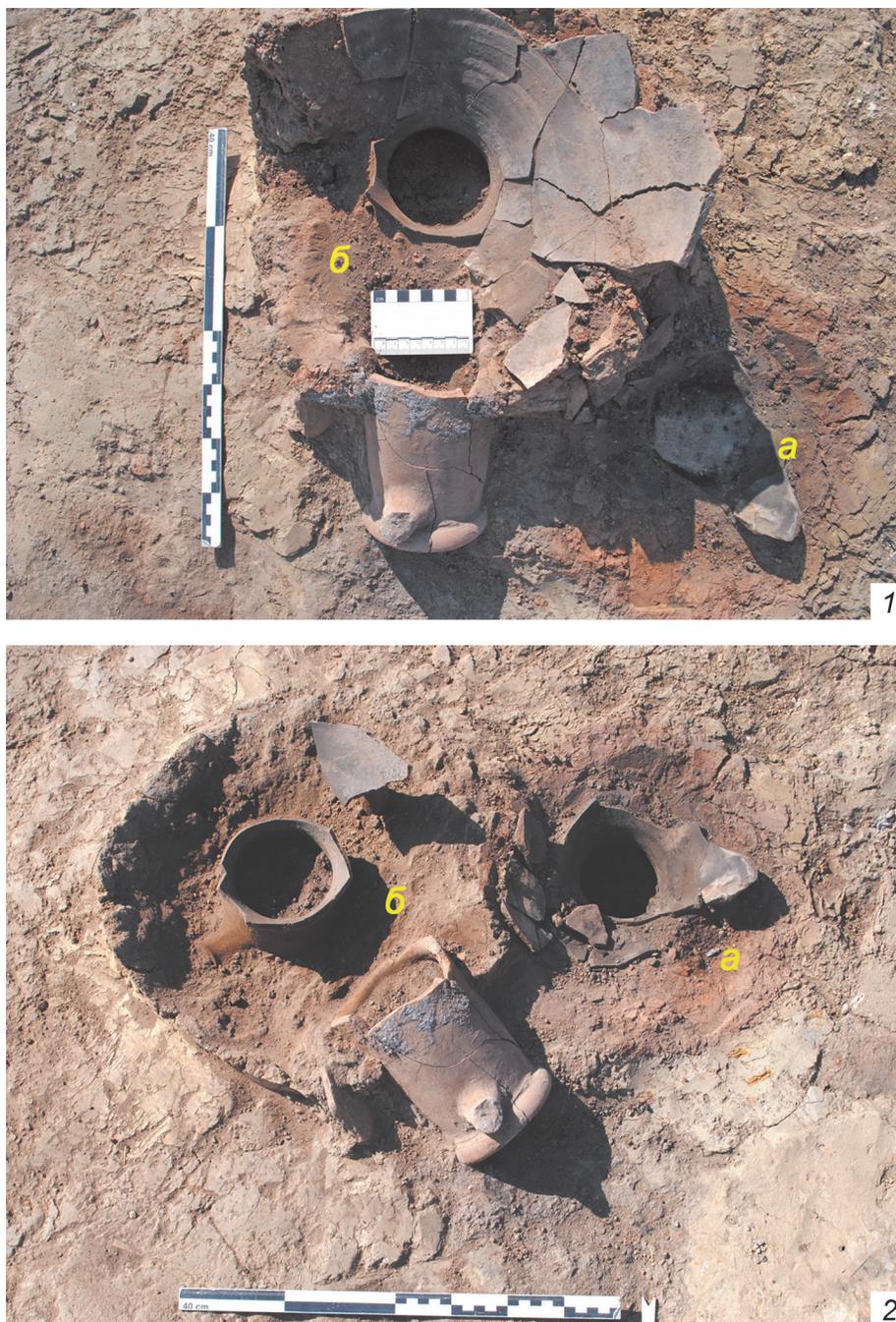

Рис. 20. Остатки горна 8976 и открытых печей (очагов) в помещении 5 дома 839 (1 – вид с севера; 2 – вид с В-ЮВ)

остальные их части были выбраны еще в древности, но на поверхности прокаленного грунта, примыкавшего снизу, сохранились их отпечатки. Нижнюю часть топки заполняли продукты горения – зола и древесные угольки. Горло вторично использованной хиосской амфоры относится к той же разновидности, что и описанной выше, с той только разницей, что при аналогичной высоте (10,1 см) оно почти не имеет «припухлости» и немного расширяется кверху.³⁶ Иными словами, перед нами образец керамической тары Хиоса, маркирующий переход от амфор с воронковидным

³⁶ Воронковидное: диаметр венца – 12,2 см, диаметр по перехвату в нижней части горла – 10,4 см.

Рис. 21. Остатки горнов 897а и 897б

горлом, к пухлогорлым. Хорошую параллель дает горло амфоры, происходящей из верхнего уровня засыпи котлована (826) в южной части раскопа «Верхний город», перекрытого зданием (802), существовавшим в последней четверти 6 – первых двух десятилетий 5 в. до н.э.³⁷ С учетом этого контекста приемлемой датировкой «переходных» хиосских амфор будет интервал ок. 530–520 гг. до н.э., что и определяет *terminus post quem* для сооружения горна «а».

Наряду с самими горнами, использовавшимися последовательно, в помещении/дворе 5 зафиксированы остатки еще двух разновременных

³⁷ Завойкин 2019, 239–240, рис. 3. 1 а; 5. 1.

Рис. 22. Части амфор Хиоса и Лесбоса (красноглиняные), из которых были сделаны топки горнов 897а, 897б и воздуховод горна 897б

конструкций, которые (как и во дворе дома 205) сопутствовали сооружениям для высокотермической обработки металла. Речь идет об очагах открытого типа (рис. 20). Насколько возможно судить, тот, что располагался в СВ углу помещения, более поздний, синхронен горну «б». Точные размеры этого прямоугольного в плане очага определить не удалось (немного менее одного метра в длину и около полуметра в ширину). Очаг представлял собой глинобитную конструкцию в виде плоской «плиты» с довольно высокими бортиками (18–20 см)³⁸, положенной на поверхность пола.

Развал очага южной своей частью перекрывал остатки предшествующей ему конструкции, лежавшей в ярко выраженном горелом слое с большим количеством углей и «жирной» сажи. Эта конструкция, располагавшаяся в противоположном, ЮВ углу небольшого помещения, всего в 0,20 м к востоку от горна «а», сохранилась весьма плохо: удалось выявить на зачистке только нижний горизонт сырцовых кирпичей, поставленных на ребро, из которых очаг был сделан.³⁹ Внешние размеры прямоугольного в плане очага составляют ок. 0,97×0,82 м. По всей видимости, в функциональном отношении очаг из сырцовых кирпичей равнозначен более поздней глинобитной конструкции.

Подведем предварительные итоги. Все рассмотренные конструкции, изготовлены по одной схеме: вкопанная в грунт в перевернутом виде верхняя часть амфоры (горло с плечами), к которой подведена своеобразная труба, составленная из горл амфор. Над амфорой сооружался

³⁸ Верхний край бортиков закругленный. В глине хорошо видны следы рубленой соломы.

³⁹ Интересно, что кирпичи северной части конструкции сильно прокалились (печина), в то время как южной – сохранили светло-желтый цвет глины.

купол-свод из глины. Несмотря на то, что остатки такого купола зафиксированы только в одном случае, вряд ли могут быть сомнения в том, что он был неотъемлемой частью всех конструкций. Купол был необходим для создания и поддержания в горне необходимой для работы температуры.⁴⁰

Конструктивные особенности, а также контекст, в котором были обнаружены описываемые сооружения, позволяют уверенно говорить о том, что они представляют собой остатки нижней части небольших перекрытых круглой сводчатой камерой горнов, в которых достигалась высокая температура, необходимая для плавления или горячей обработки (ковка) металла. При этом следует еще раз обратить внимание на следующий момент: к каждому из горнов были подведены трубы, сложенные из горл амфор. Предполагать, что через них в горн при помощи мехов нагнетался воздух, мы не можем, поскольку внутренний диаметр этих труб слишком велик (до 10 см и более). Большинство сопел (наконечников) мехов имеет диаметр 2–3,5 см.⁴¹ Поэтому решение вопроса мы видим в следующем: эти трубы играли роль «поддувала», через которое поступал в топку воздух, выходявший затем через отверстие в своде перекрытия, создавая тем самым тягу в горне.

Небольшой размер горнов свидетельствует в пользу того, что объемы плавки или размеры металлических предметов, подлежащих горячей обработке, были весьма невелики. К этому следует добавить, что круглый в плане горн и небольшие размеры его камеры обеспечивали минимальную потерю тепла и способствовали достижению максимальных температур.⁴²

Непосредственных следов металла или ёмкостей, в которых осуществлялась плавка (тиглей) или распределение жидкого металла по формам (лячек), здесь обнаружено не было. Так же как не найдены следы медных «выплесков» или окислов на предметах, которые использовались для обработки изделий из меди-бронзы.⁴³

Сопутствующей характеристикой функционирования горнов (из которых четыре располагались в помещениях или дворах, а пятый – вне помещения и каким-то образом связан с оборонительными сооружениями раннего города) является близкое к ним расположение очагов – открытых «печей», сделанных из сырцового кирпича или в глинобитной технике. Их заполнение продуктами горения и следы воздействия огня на внутренних поверхностях стенок позволяют поставить вопрос: не использовались ли эти сооружения в едином технологическом процессе, в ходе которого – наряду с этапом, требующим высоких температур, – необходимы были и температуры, достижимые в печах открытого типа?

Имеется еще одна черта, которая объединяет между собой два из четырех комплексов – так называемые «конусовидные предметы» (рис. 23. 1–4), найденные поблизости от интересующих нас объектов. Однако использование их в качестве сопла мехов в ремесленном производстве далеко не всегда очевидно.⁴⁴

Стоит несколько слов сказать и о некоторых других случаях вторичного использования горл или верхних частей амфор в архаическое время.

⁴⁰ Rehder 2000, 13 ff.

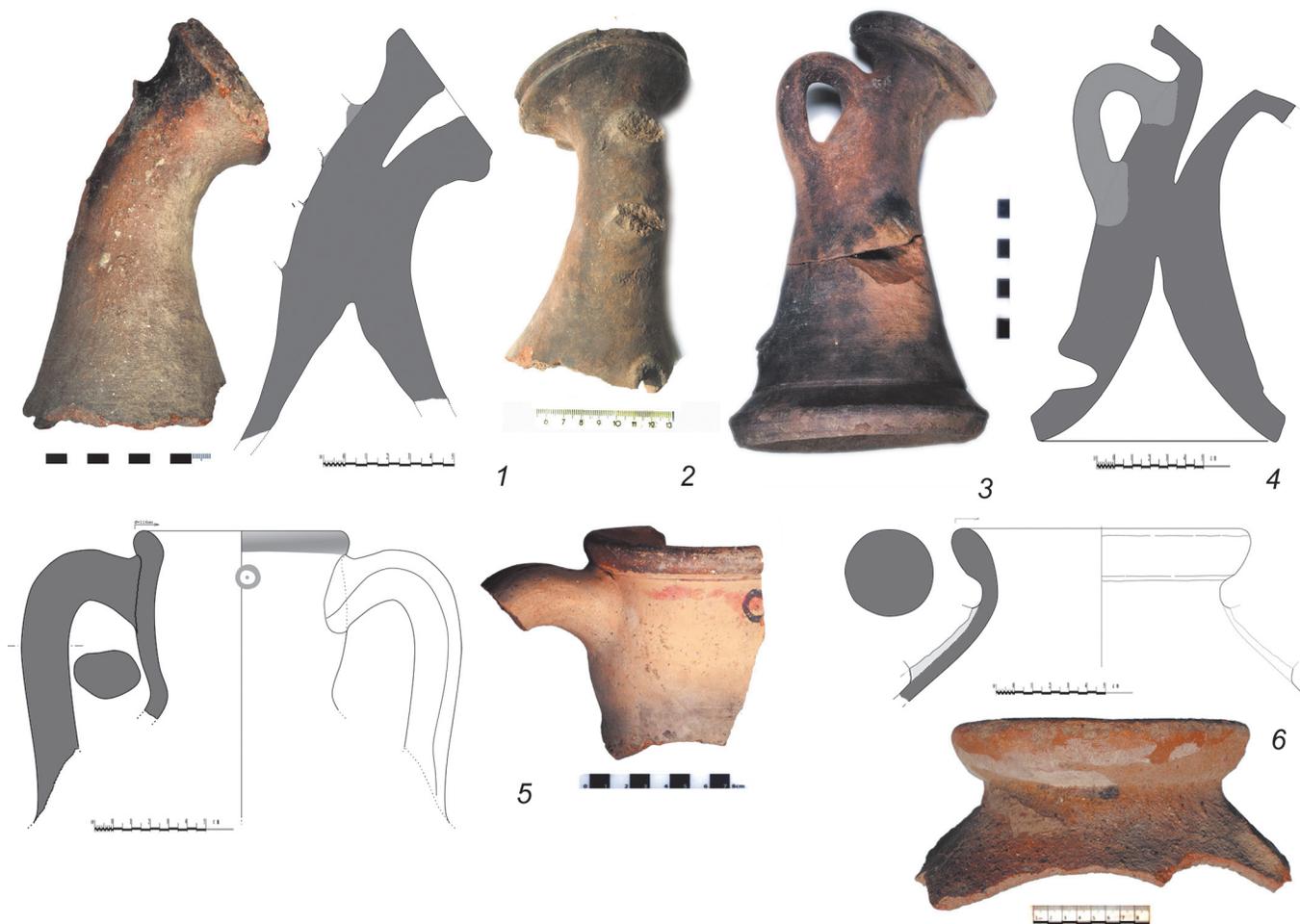
⁴¹ Ibid., 69.

⁴² Ibid., 15, 95.

⁴³ Такие следы практически неизбежны при плавлении, литье и дальнейшей обработке медных сплавов (например, см. в заглубленном помещении дома 745 на «Верхнем городе»). Бронзолитейная печь архаического – раннего классического времени была открыта В. С. Долгоруковым на «Верхнем городе» в 1979 г., в ней найдены куски бронзового шлака, фрагмент большого (диаметр 0,20 м) тигля, мелкие фрагменты литейной формы (см.: Долгоруков 1986, 147 сл.; 1979, 8–9, рис. 29–31).

⁴⁴ Обстоятельный обзор точек зрения на характер и функциональное назначение «конусовидных предметов» см. в статье: Трейстер, Шелов-Коведяев 1992, 111 слл. Следует согласиться с мнением исследователей: «Что же касается назначения конусовидных предметов, то нам представляется несомненным, что их было несколько. По крайней мере два из них – наконечники мехов и кухонные подставки под большие сосуды – нам показывают современные им изображения на чернофигурных вазах и оспаривать их было бы нелепо» (Там же, 117, и прим. 24; также см.: Morris 1985, 394–409; Grandjean 1985, 265–279; Voigtlander 1986, 38–41; Aydemir 2005, 89–90).

«Конусы», найденные рядом с горнами в Фанагории, не имеют сквозного отверстия (3 группа по классификации М. Ю. Трейстера – см. Трейстер, Шелов-Коведяев 1992, 116, рис. 1. 11) и не могли служить, например, в качестве наконечника мехов для подачи воздуха, но вполне могли использоваться как очажные подставки под крупные кухонные сосуды, также как, е. г., и в помещении 2 оборонительного комплекса 679.

Так, в Фанагории, в помещении 2 (у восточной стены) оборонительной системы 679 был обнаружен очажок, сделанный из горла хиосской пухлогорлой амфоры раннего варианта, заполненный древесными угольками (рис. 23. 5).

На Березани верхняя часть редчайшей в Северном Причерноморье этрусской амфоры типа «Ру 4», вкопанная горлом вниз, тоже использовалась в качестве очага-жаровни.⁴⁵ Горло такой же амфоры (ручки отколоты) было найдено в Фанагории в позднеархаическом слое (рис. 23. 6). Судя по обгоревшей внутренней поверхности, оно использовалось в том же качестве.

В Пантикапее на Верхнем плато, непосредственно над руинами зданий II-го строительного периода, В.П. Толстикова выделил объекты 1-й фазы следующего периода, с которой связаны следы интенсивной металлургической деятельности. В том числе, расчищен пласт сажи и углей с железными и бронзовыми шлаками, здесь же «находились прокаленные остатки пода металлургической печи, рядом с которыми лежали обломки керамического наконечника мехов – так называемого “ритона” (рис. 14, 2), а также бронзовая панцирная чешуйка». Остатки еще одной металлургической печи («грушевидной в плане формы») были открыты в помещении

Рис. 23. «Конические предметы» (1–4) и части амфор, вторично использованных в качестве «очага» (5, 6)

⁴⁵ Чистов 2018, 27, рис. 5. 3. На уровне двора жилого дома фазы II-B (конец 6 – начало 5 вв. до н.э.).

2 здания МК I, где также найдены следы интенсивного горения, шлаки и еще один фрагментированный «ритон». С этой печью исследователь связывает «какую-то конструкцию» перед южным фасом южной внешней стены МК I. Вдоль нее располагался ряд круглых ямок (0,30–0,55 м в диаметре, глубина 0,15 м).⁴⁶ «Помимо ямок, в ряду с ними расчищены две зарытые горлом вниз амфоры со специально отбитыми нижними половинками тулова»: хиосской пухлогорлой раннего варианта и лесбосской сероглиняной. Обе прокалены, стенки треснули от огня, заполнены золой, сажей и угольками. «В хиосской амфоре-очаге найден небольшой круглодонный сосуд с двумя ручками, подтверждающий функциональное назначение этого устройства».⁴⁷

Весьма любопытно, что позднее на участке ЦС на поверхности материка, перекрытого зданием МК II, тоже рядом с остатками металлургического производства, были открыты четыре врытых в землю вертикально амфорных «горла-очага», расположенных г-образно (ок. 540–510-х гг. до н. э.).⁴⁸

Исследователи Пантикапея уделили этим своеобразным конструкциям из верхних частей амфор особое внимание. Они встречаются «в разных частях территории акрополя» и характерны (исключая упомянутый выше комплекс третьей четверти 6 в. до н. э.) для сравнительно узкого периода, который отнесен на основе стратиграфии⁴⁹ к концу первой – началу второй четверти 5 в. до н. э. («на это определенно указывают совместные находки хиосских амфор названных типов»). Использование этих конструкций связывается «с процессом проведения ремонтно-строительных работ на акрополе, например, в качестве временных очагов для разогревания пищи или освещения».⁵⁰

Стоит обратить внимание еще на один случай, когда вторично использованное в качестве очага горло хиосской пухлогорлой амфоры было вкопано в слой разрушения сырцового дома. В Патрее такой объект бы зафиксирован в толще сырцовой стены дома последней четверти 6 – первых десятилетий 5 вв. до н. э.⁵¹

Все приведенные примеры вторичного использования верхних частей и горл тарных амфор относятся к периоду архаики – самому началу классики. Самое простое объяснение хронологической локализации подобных объектов – относительная неразвитость материальной базы сравнительно недавно основанных апоек. Однако лишь одна небольшая находка из Фанагории – обломок литейной формы, использовавшейся при отливки бронзовой статуи в натуральный человеческий рост (конец 6 – первая треть 5 вв. до н. э.)⁵² – ставит такое объяснение под сомнение. В ряде случаев эти примеры так или иначе связаны с ремесленным контекстом. Так что в свете рассмотренных выше материалов из Фанагории – однозначно производственного характера – велика вероятность того, что так называемые «очаги» в большинстве случаев тоже связаны с ремесленной деятельностью, а не с бытовым использованием подручного материала.

⁴⁶ В одной из них, «прорезавшей амфору-очаг» (лесбосскую) был найден серебряный пантикапейский тетартеморий первой четверти 5 в. до н. э. (Анисимов 1992, 330–331, № 344).

⁴⁷ См. Толстиков 1992, 74–75, рис. 14. 2–4. В другом комплексе «амфор-жаровен» (горло хиосской пухлогорлой с окрашенным венцом и горло красноглиняной эолийской), в одном из горл был найден красноглиняный кувшинчик (Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 324–325, табл. XX. 1, 2 и 3).

⁴⁸ Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 311, табл. VI. 1, 3–5 (хиосские воронковидные); Толстиков и др. 2017, 19, 55, табл. 26.

⁴⁹ Так наз. «жаровни» располагаются «рядом с руинами монументальных зданий фазы 2 строительного периода II».

⁵⁰ Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 324–325 и прим. 1.

⁵¹ См. Абрамов 2010, 532, рис. 3.

⁵² Долгоруков 1986, 148–149. Датировка печи бронзолитейщика, в которой найден фрагмент формы, увязана с датой жизни и гибели дома VI, названного «домом скульптора», среди находок в котором особенно важно упоминание чернолакового килика 480–450 гг. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, 264, pl. 19, no. 413; см. Долгоруков 1986, 148, прим. 16).

Наконец, еще один аспект рассматриваемого вопроса – местоположение горнов на территории раннего города. Фанагория архаического времени располагалась на верхнем плато в центре городища. Все следы ремесленной деятельности, зафиксированные в процессе ее археологического изучения, свидетельствуют о том, что мастерские находились в жилых кварталах, непосредственно в домах и дворах жителей города.⁵³ Это заключение находит параллели в других греческих полисах – помимо специализированных кварталов ремесленников, находившихся на окраинах и/или за пределами городских стен, магазины и эргастерии функционировали на многих улицах.⁵⁴ Конечно, это связано не только с небольшими размерами апейки, но и с необходимостью комфортно обслуживать повседневные нужды населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А. П. 2010. Патрей // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 529–539.
- Анисимов А. И. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 // *Археология и искусство Боспора (СГМИИ X)*. Москва, 329–353.
- Буйских А. В., Монахов С. Ю. 2009. Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н. э. // *Nortia VI*. Воронеж, 125–145.
- Винокуров Н. И. 2018. Традиции и инновации в двух жертвенных комплексах городища Артезиан в Крымском Приазовье // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации (Боспорские чтения XIX)*. Симферополь–Керчь, 89–99.
- Долгоруков В. С. 1979. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1979 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 8796). Москва.
- Долгоруков В. С. 1986. Литейная форма из Фанагории // Г. А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. Москва, 145–149.
- Завойкин А. А. 2005. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // *БИ VIII*, 2005, 152–176.
- Завойкин А. А. 2013. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // *ДБ 17*, 133–152.
- Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. 2016. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4)*. Москва, 110–207.
- Завойкин А. А. 2019. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // *ДБ 24*, 232–252.
- Кузнецов В. Д. 2007. Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2006 году (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) (Архив ИА РАН. Р-1, № 27163). Москва.
- Кузнецов В. Д. 2008. Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2007 году (Архив ИА РАН. Р-1, № 27195). Москва.
- Кузнецов В. Д. 2018а. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7)*. Москва, 117–135.

⁵³ Morgan, Coulton 1997, 99.

⁵⁴ Sanidas 2013, 230. См.: Esposito, Sanidas 2012, 11–21; Hellmann 2012, 23–37.

- Кузнецов В. Д. 2018б. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2017 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) (Архив ИА РАН. Р-1, № 59721–59724). Москва.
- Кузнецов В. Д. 2018в. Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6). Москва, 160–185.
- Кузнецов В. Д. 2019. К ранней истории Фанагории // ДБ 24, 398–416.
- Кузнецов В. Д., Завойкин А. А. 2010. О мастерских фанагорийских ювелиров (?) второй половины VI в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы (Боспорские чтения XI). Керчь, 256–265.
- Монахов С. Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог определитель. Москва–Саратов.
- Толстиков В. П. 1992. Пантикапей – столица Боспора // Г. А. Кошеленко (ред.), Очерки археологии и истории Боспора. Москва, 45–99.
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2003. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н.э. // ДБ 6, 307–350.
- Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. 2017. Древнейший Пантикапей. От апойки к городу. Москва.
- Трейстер М. Ю., Шелов-Коведяев Ф. В. 1992. Глиняный конусовидный предмет с граффито из Гермонассы // Археология и искусство Боспора (СГМИИ X), 111–128.
- Чистов Д. Е. 2018. Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI–V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.) // БИ XXXVI, 19–36.
- Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. 2012. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции 2). Санкт-Петербург.
- Aydemir A. 2005. Funde aus Milet. XX. Kochgeschirr und Küchengeräte aus dem archaischen Milet // Archäologischer Anzeiger, 85–101.
- Bîrzescu Iu. 2012. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren (Histria XV). București.
- Cook R. M., Dupont P. 1998. East Greek Pottery. London–New York.
- Esposito A., Sanidas G. M. 2012. La question de la concentration des activités économiques et le concept de “quartier d’artisans”: quelle approche? // A. Esposito, M. G. Sanidas (éds.), “Quartiers” artisanaux en Grèce ancienne. Une perspective méditerranéenne. Villeneuve d’Ascq, 11–21.
- Garlan Y. 2000. Amphores et timbres amphoriques grecs: entre érudition et idéologie (Memoires de l’Academie des inscriptions et belles-lettres, NS XXI). Paris.
- Grandjean Y. 1985. Tuyères ou supports? // BCH CIX/1, 265–279.
- Hellmann M.-Ch. 2012. Quartiers ou rues? La notion de quartier économique spécialisé dans le monde grec: comparaison des données textuelles et archéologiques // A. Esposito, M. G. Sanidas (éds.), “Quartiers” artisanaux en Grèce ancienne. Une perspective méditerranéenne. Villeneuve d’Ascq, 23–37.

- Mattusch C. C. 1980. The Berlin Foundry Cup: The Casting of Greek Bronze Statuary in the Early Fifth Century B. C. // *AJA* 84/4, 435–444, pls. 54–56.
- Monakhov S. I., Kuznetsova E. V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period // V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*. Cambridge, 59–99, 294–298.
- Morgan C., Coulton J. J. 1997. The *Polis* as a Physical Entity // M. H. Hansen (ed.), *The Polis as an Urban Centre and as a Political Community (Acts of the Copenhagen Polis Centre 4)*. Copenhagen, 87–144.
- Morris S. 1985. ΛΑΣΑΝΑ: A Contribution to the Ancient Greek Kitchen // *Hesperia* 54/1, 394–409.
- Rehder J. E. 2000. *The Mastery and Uses of Fire in Antiquity*. Montreal–London–Ithaca.
- Roberts S. R. 1986. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia* 55/1, 1–74, pls. 1–19.
- Rosenzweig R. 2004. *Worshipping Aphrodite. Art and Cult in Classical Athens*. Ann Arbor.
- Sanidas G. M. 2013. *La production artisanale en Grèce. Une approche spatiale et topographique à partir des exemples de l'Attique et du Péloponnèse du VIIe au Ier siècle avant J.-C.* Lille.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (The Athenian Agora 12)*. Princeton.
- Sezgin Yu. 2004. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries // A. Moustaka, E. Scarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy (eds.), *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony*. Thessaloniki, 169–183.
- Voigtlander W. 1986. Zu archaischen Keramik in Milet // *Milet 1899–1980. Ergebnisse Probleme und Perspektiven einer Ausgrabung (Istanbuler Mitteilungen 31)*. Tübingen.

Н. В. Завойкина

ГРАФФИТО ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ «КАМЕННАЯ БАТАРЕЙКА»

Аннотация. В статье публикуется граффито, вырезанное на внешней стороне краснолаковой тарелки второй половины 1 – начала 2 вв. Тарелка была найдена в ходе несанкционированных раскопок некрополя поселения «Каменная батарея» (Фонталовский полуостров). Ей был накрыт скелет младенца, но в настоящее время местонахождение тарелки неизвестно. Граффито содержит три надписи, процарапанные по спирали вокруг пентаграммы. Две надписи (А, Б) являются поминальными. В этих надписях сообщается, кому и в какой последовательности совершаются возлияния в дни поминовения умерших. Особо оговаривается, что некто Иерена имеет возлияния и в день рождения. Надпись В – погребальная. Она содержит только имя погребенного младенца, Абас. Скорее всего, в граффито упомянуты члены одной семьи или рода. находка тарелки с надписями в погребении проливает некоторый свет на обряд поминовения умерших, совершавшийся жителями поселения у крепости Каменная батарея. В контексте сказанного становится более понятной связь пентаграммы и спирали с поминальным обрядом близких умерших. Эти символы следует рассматривать, по всей вероятности, как пожелания живых вечной счастливой жизни в загробном мире своим умершим родственникам.

Ключевые слова. Азиатская часть Боспорского царства, раннеримское время, некрополь, граффито, поминальные и погребальная надписи.

Abstract. The article presents the publication of a graffito carved on the external side of a red-slip plate of the second half of the 1st – early 2nd century A.D. The plate was found in the course of illegal excavations of the 'Kamennaya Batareyka' necropolis (the Fontalovski Peninsula). It covered the bones of an infant. Its present location is unknown. The graffito contains three inscriptions arranged in a spiral around a pentagram. Two inscriptions (A and B) are commemorative. They inform to whom and in what sequence libations should be offered on the days when the dead were commemorated. There is a special note concerning one Ierena who should be offered an extra birthday libation. The last inscription (B) is a funerary one. It contains only the name of an infant – Abas. The graffito most probably mentions the members of one family or clan. The find of this inscribed plate gives some idea of the rites connected with the commemoration of the dead performed by the inhabitants of the 'Kamennaya Batareyka' settlement. In this context more comprehensible becomes the connection of the pentagram and the spiral with funerary rites performed for close relatives, These symbols should be regarded most probably as a wish for a blissful eternal life in the other world.

Key-words. Asian part of the Bosporean kingdom, 1–2 centuries A.D., necropolis, graffito, commemorative and funerary inscriptions.

В ходе несанкционированных раскопок некрополя поселения «Каменная батарея» в 2006 г. неизвестными лицами была найдена большая краснолаковая тарелка (диаметр 22 см) на кольцевом поддоне с плавно изгибающимся профилем и слегка вогнутым вовнутрь венчиком.¹ На дне тарелки было оттиснуто клеймо в форме ступни в сандалиии. В погребении тарелкой был накрыт скелет младенца, рядом находились простая пелика и железный нож. После обнаружения тарелка была продана в частную коллекцию. Помимо краткой информации об условиях находки удалось получить рисунок внешней поверхности тарелки с процарапанной на ней пентаграммой и надписями (рис. 1).

¹ Прорисовка и описание предоставлены местным жителем, которому удалось ознакомиться с находкой de visu. Можно надеяться на то, что незнание им древнегреческого языка компенсируется его художественным образованием, зорким глазом и твердой рукой.

Рис. 1. Прорисовка граффити на внешней стороне тарелки из некрополя поселения Каменная Батарея

Поселение «Каменная батарея» и его некрополь расположены на западном берегу Фонталовского полуострова, к югу от входа в Динской залив. Неукрепленное поселение² располагалось рядом с крепостью, входившей в систему обороны Азиатского Боспора 1 – первой половины 2 вв. н. э. Крепость была частично исследована Н. И. Сокольским.³ Небольшие по площади археологические исследования поселения в 1979 г. обнаружили строительные остатки жилых помещений, вымостки, фрагменты трех виноделен.⁴ Некрополь поселения исследовался в том же году. Тогда был исследован ограбленный в древности земляной склеп.⁵ Среди случайных находок этого полевого сезона следует назвать многоярусное надгробие с навершием в форме акротерия, верхний рельеф изображает сцену загробной трапезы, нижний рельеф сохранился весьма фрагментарно.⁶ В настоящее время этот памятник не подвергается научным исследованиям. Учитывая незначительное число сведений о населении «Каменной Батареи», представляется важным введение в научный оборот нового граффито.

Описание тарелки и формы клейма внутри нее (*planta pedis*) позволяют отнести её к группе Понтийской сигиллаты А и датировать примерно второй половиной 1 – началом 2 в. н. э.⁷ Следует отметить, что среди керамических материалов из раскопок поселения Т.Г. Шавыриной

² Десятчиков, Долгоруков, Алексеева 1984, 89.

³ Сокольский 1962, 108; Бонин 2012, 9, 11.

⁴ Шавырина 1979, 1–21.

⁵ Там же, 22–23.

⁶ Там же, 4–5, рис. 26.

⁷ Журавлев 2010, 40–46.

известны фрагменты краснолаковой керамики второй половины 1 – начала 2 вв. н. э. с граффити в виде свастики, а также дно краснолаковой тарелки с клеймом *planta pedis* с рисуночными граффити.⁸ Также были найдены фрагменты амфор и пифосов 1 в. н. э. со счетными граффити.⁹ Интерес вызывает флексия владельческой надписи на внешней стороне небольшой красноглиняной тарелки: –ΡΩΝ, *e.g.* [Αγ]ρων (КБН 217, 1179₃₃).¹⁰

Вернемся к рассматриваемой находке. На внешней стороне тарелки в центре процарапана пентаграмма, а вокруг нее вырезаны крупными буквами три надписи. Слова первой надписи расположены по спирали (граффито «А»). По краям тарелки вырезаны еще две надписи: граффито «Б» процарапано вдоль внешнего края тарелки и частично утрачено; граффито «В» состоит из одного слова и вырезано у края тарелки с противоположной стороны от надписи «Б». Палеография надписи отличается сочетанием лапидарных и курсивных форм букв. Из курсивных форм следует выделить лунарные формы *сигмы* и *эпсилон*; *омега* – в виде двух перевернутых полуovalов.

Пентаграмма, вырезанная в центре внешней стороны тарелки, представляет солярный символ здоровья и исцеления.¹¹ Он часто изображался на амулетах и известен с древнейших времен в разных регионах античного мира как оберег от зла.¹² В боспорских городах он также встречается на различных керамических изделиях.¹³ Так, изображение пентаграммы сопряжено с именем Аполлона на амулете из Пантикапея¹⁴, с личным именем Мосхина на амулете из Березанского поселения.¹⁵

Присутствие пентаграммы и надписей на сосуде указывает на их смысловую взаимосвязь. Привлекает внимание надпись «А», вырезанная по спирали вокруг пентаграммы. Спираль – это древний символ жизненной силы, движения, развития.¹⁶ Магические свойства придавались тексту, написанному по спирали – таковы магический наговор из Ольвии, написанный по закручивающейся к центру спирали, а также два схожих с ольвийским наговора, найденные в Халкидике.¹⁷ Таким образом очевидно, что существует связь между магическими символами (пентаграмма, спираль) и содержанием граффити.

Граффито А: ΦΑΝΝΑΣΕΧΕΙΧΟΑΧΑΡΙΤΩΝΕΧΕΙΧΟΒΕΙΕΡΕΝΗΕΧΕΙΧΟ
ΑΙΚΑΙΕΧΕΙΧΟΠΕΡΙΓΕΝΕΣΙΑ

Чтение: Φάννας ἔχει χοάς, Α'. Χαρίτων ἔχει χοάς, Β'. Εἰερένη ἔχει χοάς, Γ', καὶ ἔχει χοάς περὶ γενέσια.

Граффито Б: ΤΡΟ – 7-8 – ΚΑΙΕΧΕΙΤΑΖΟΝΙΣΧΟΑ

Чтение: Τρο[φός? ἔχει χοάς] καὶ ἔχει Ταζονίς χοάς, Α'.

Граффито В: ΑΒΑΣ

Чтение: Αβας.

В граффито «А» антропонимы Φάννας и Χαρίτων – это обычные древнегреческие имена, неоднократно встреченные в боспорских надписях (КБН 292, 320 639, 682, 770 и проч.; КБН 88, 539, 1140, 1171 и проч.).

⁸ Шавырина 1979, 7–8, рис. 32–34, 8, рис 36.

⁹ Там же, 10–11, рис. 42–44.

¹⁰ Там же, 10, рис. 41.

¹¹ Трессиддер 1999, 270.

¹² Яйленко 2005, 466; Сапрыкин, Масленников 2007, 25–26.

¹³ Емец 2012, 58 сл., 114, № 159; 175, № 530; 213, № 777, 778.

¹⁴ Яйленко 2005, 466–467, № 1.

¹⁵ Там же, 468, № 4.

¹⁶ Трессиддер 1999, 355–356.

¹⁷ Толстой 1953, № 63; Диль 1915, 48; 1918, 79. Подробнее см. Яйленко 2005, 467 сл.

Распространенное в греческом мире женское имя Εἰρήνη¹⁸ в граффито передано в форме Εἰερένη. Лишний *эпсилон* в начальном слоге, по всей видимости, передает особенности произношения имени Ирена как «Иерена» местным населением в 1–первой половине 2 вв. н. э. Ассимиляция η > ε во втором слоге имени Иерены отражает утрату греческими гласными количественных различий в первые века, что являлось частью процесса трансформирования древнегреческого койне в койне греко-римской эпохи.

После личных имен процарапано сказуемое ἔχει (ἔχω, иметь, обладать). После него несколько раз повторяется в граффито «А», а также и граффито «Б», слог χο, один раз – χοα. Далее следуют отдельные буквы – Α, Β, Γ (или Δ), которые понимаем как цифры в алфавитной системе счисления. Можно предположить, что буквы χο, χοα выступают сокращением асс. sing. слова χοῦς (древнегреческая мера жидкости равная примерно 3,283 л). Подобная версия строится на аналогии с граффити, содержащими список пожертвований вина от частных лиц, которые процарапаны на фреске около корабля Исиды из святилища Афродиты середины – третьей четверти 3 в. до н. э. в Нимфее.¹⁹ В этих граффити встречается аналогичное рассматриваемым сокращение – хи, маленький *омикрон* сверху над хи, *альфа* – интерпретируется как слово χοῦς.²⁰ Однако подобная интерпретация не согласуется с погребальным контекстом рассматриваемой находки, знаками пентаграммы и спиральным расположением основного текста на поддоне тарелке. Кроме того, неясным выглядит в таком переводе упоминание γενέσια Иерены. Важно отметить также то, что коммерческие записи о поставках/получении товаров или продуктов делались, как правило, на керамических остраконах, а не на целых сосудах.

Ключом к пониманию текста служит упоминание γενέσια Иерены. Это слово обозначает поминовение умерших в день их рождения (Hdt. 4. 26). Примерно с 1 в. н. э. слово γενέσια стало использоваться наряду с γενέθλιος для обозначения дня рождения.²¹ Однако данный вариант следует исключить из нашей интерпретации. В столь отдаленной от крупных городов местности, как район «Каменной Батарейки», сельское население, вероятно, представляло собой наиболее консервативную часть боспорского общества и сохраняло традиционные верования, а инновации, особенно в религиозной сфере, воспринимало с трудом.

В культе мертвых у эллинов существовал обряд поминовения умерших.²² В Афинах посещение могилы считалось обязательным, по крайней мере, в день смерти или в день рождение усопшего.²³ Исходя из этого полагаем, что χο выступает сокращением слова χοή, возлияние, прежде всего – в честь умерших. Это слово употребляется античными авторами, как правило, во множественном числе, χοαί (A. Pers. 611–618; A. Ch. 15, 84–164; Arist. Mu. 400b 22; Hdt. 7. 43; E. IT. 159–166; S. Ant. 431; X. Cyp. 3. 3. 22). Эта заупокойная жертва состояла из смеси молока, вина, воды и меда, которую выливали в три приема на могилу погребенного. Написания в надписях «А» и «Б» лексем χο и χοα вместо требуемого χοαίς являются редукцией повторяющегося неоднократно слова и, возможно,

¹⁸ LGPN I–Vb, s.v.

¹⁹ Яйленко 1995, 267.

²⁰ Там же, 268, рис. 17.

²¹ POxy. 736.56; PFay. 114. 20; OGIS 58314.

²² Латышев 1997, 228–234; Буркерт 2004, 334–342; Kurtz, Boardman 1971, 141–162.

²³ Латышев 1994, 233.

отражает особенности его местного употребления. В целом, сокращение падежных окончаний в надписях на керамике, на монетах, керамических клеймах – явление обычное и известно, по крайней мере, с позднеархаического времени.²⁴

Цифры после сказуемых в предложениях указывают последовательность совершаемых возлияний в память об определенном человеке, а не их количество для отдельного умершего. Последнее предположение лишено смысла, поскольку из античных источников известно о возлиянии в три приема для каждого погребенного (см. выше). В предложении «Εἰερὲνῆ ἔχει χοά<ς> Ι´, Иерена имеет возлияния, 10» цифра Ι = 10 выглядит вызывающе большой на фоне других цифр, упоминаемых в тексте. Логично предполагать здесь чтение *гаммы* (Γ = 3), верхняя гаста которой не показана на прорисовке.

Итак, чтение граффито «А» следующее: Φάννας ἔχει χοά<ς>, Α´. Χαρίτων ἔχει χοά<ς>, Β´. Εἰερὲνῆ ἔχει χοά<ς>, Γ´ καὶ ἔχει χοά<ς> περὶ γενέσια, – Фанн имеет возлияния, первый. Харитон имеет возлияния, второй. Иерена имеет возлияния, третья, и имеет возлияния к дню рождения.

Судя по рисунку в граффито «Б» лакуна между буквами ΤΡΟ и ΚΑΙ могла содержать 7–8 букв. На это мнение наводит расположение букв граффито «Б» на одной линии и наличие союза καί после лакуны перед ΤΡΟ. Если следовать структуре предложений граффито «А»: имя+ ἔχει+ χοά<ς>, то буквы ΤΡΟ являются началом личного имени и оно должно быть коротким, не более 6 букв. В противном случае просто не хватит места для размещения остальных слов в лакуне. Высказанным требованиям отвечает имя Троφός, известное в Танаисе во 2–3 вв. н. э.²⁵ Также подходят с учетом размера лакуны имена Тропός и Τρόχας, отмеченные в городах Македонии.²⁶ Все сказанное позволило предложить следующее чтение граффито «Б»: «Τρο[φός? ἔχει χοά<ς>, Β´(?) καὶ ἔχει Ταζονίς χοά<ς>, Α´» – Троф имеет возлияние, второй (?), и имеет Тазоний возлияние, первый. Имя Ταζονίς встречено в античном мире впервые. Поскольку проверить правильность его написания не представляется возможным, настаивать на уникальности этого имени сложно.

Граффито «В» содержит личное имя Αβας в nom. sing. Оно известно в надписях из городов Карики, южной Фригии и Писидии.²⁷ На Боспоре Αβας встречено в надгробной эпитафии III в. н. э. из Нимфея (КБН 941).²⁸ Это имя могли носить как женщины, так и мужчины, как показывают надписи из Малой Азии.²⁹ Поэтому определить гендерную принадлежность носителя имени Αβας из некрополя поселения «Каменная Батарейка» не представляется возможным. Имя Абаса стоит в nom. sing., оно вырезано у края тарелки отдельно от поминальных надписей других людей. Это тарелка лежала поверх скелета младенца. В совокупности сказанное позволяет связывать имя Абаса с погребенным младенцем.

Итак, приходим к выводу, что граффити «А» и «Б» составляют одну поминальную надпись и, вероятно, не связаны с граффито «В». Граффито «В» – это простая погребальная надпись.

²⁴ Guarducci 1974, 398–406; McLean 2002, 49–53.

²⁵ LGPN IV, s.v.

²⁶ Ibid., s.v. Τροπός, Τρόχας.

²⁷ Zgusta 1964, 43–44, § 1-2, § 1-3.

²⁸ LGPN IV, Αβας. В нимфейской надписи это имя упоминается в dat. sing. Αβανι, и в КБН восстанавливается nom. sing. Ἄβαν(?) (КБН, 846).

²⁹ Zgusta 1964, 43–44.

Перевод:

Надпись «А»: «Фанн имеет возлияния, первый. Харитон имеет возлияния, второй. Иерена имеет возлияния, третья, и имеет возлияния ко дню рождения».

Надпись «Б»: «Троф имеет возлияние, второй (?), и имеет Тазоний возлияние, первый».

Надпись «В»: «Абас».

Аналогий рассматриваемым поминальным надписям из некрополя поселения «Каменной Батареи» в изданных материалах некрополей античных поселений Северного Причерноморья найти не удалось. Единственный случай – это граффито ХОΑΣ, далее следует какой-то неясный знак, вырезанное на поддоне краснолакового кубка из женского погребения № 189 около середины 2 в. н. э. из некрополя Бельбек IV в Юго-Западном Крыму.³⁰ Учитывая погребальный контекст находки предполагаем чтение $\chi\omicron\alpha\varsigma$, возлияния. Видимо, кубок с надписью был положен в могилу усопшей уже после совершения обряда поминовения.

Очевидно, что в трех граффито упомянуты члены одной семьи или рода. В противном случае, неясно их совместное поименование на одной тарелке. Находка тарелки с надписями в погребении (к сожалению, осталось неизвестным, были ли в погребении еще и другие усопшие) проливает некоторый свет на обряд поминовения умерших, совершавшийся жителями поселения у крепости «Каменная Батарея». В контексте сказанного становится более понятной связь пентаграммы и спирали с поминальным обрядом близких умерших. Эти символы следует рассматривать, по всей вероятности, как пожелания живых вечной счастливой жизни в загробном мире своим умершим родственникам.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонин А. В. 2012. О хронологии амфор из слоя разрушения батареек Фонталовского полуострова // ДБ 16, 9–23.
- Бонин А. В. 2014. «Неукрепленные батареи» // ДБ 18, 73–87.
- Буркерт В. 2004. Греческая религия. Архаика и классика. Санкт-Петербург.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в юго-западном Крыму. Ч. 1–2. Москва.
- Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М. 1984. Сельская территория (Поселения в районе Фанагории и Горгиппии) // Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков (ред.), Античные государства Северного Причерноморья. Москва, 88–91.
- Журавлев Д. В. 2010. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) (МАИЭТ Suppl. 9). Симферополь.
- Емец А. И. 2012. Граффито и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). Москва.
- Латышев В. В. 1997. Очерк греческих древностей. Богослужение и сценические древности. Санкт-Петербург.

³⁰ Гущина, Журавлев 2016, Ч. 1, 160; Ч. 2, 125, рис. 6. В граффито концевая буква, скорее всего, является *сигмой*. Она процарапана в виде острого угла и справа ее пересекает косая геста, вероятно, случайного происхождения. В пользу такой трактовки буквы свидетельствует наличие заключительного знака в строке после предполагаемой *сигмы*. Он напоминает по форме *эпсилон* без центральной горизонтали.

- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ Suppl. 1). Симферополь–Керчь.
- Сокольский Н. И. 1962. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 2524). Москва.
- Тресиддер Дж. 1999. Словарь символов. Москва.
- Шавырина Т. Г. 1979. Отчет о результатах работ Запорожского отряда Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. (Архив ИА РАН. Р-1, № 7935). Москва.
- Яйленко В. П. 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин (ред.), Женщина в античном мире. Москва, 204–272.
- Яйленко В. П. 2005. Магические надписи Боспора // ДБ 8, 465–511.
- Kurtz D. C., Boardman J. 1971. Greek Burial Customs. London–Southampton.
- McLean B. H. 2002. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 B. C. – A. D. 337). Ann Arbor.
- Zgusta L. 1964. Kleinasiatische Personennamen. Prag.

Н. В. Завойкина, С. В. Ольховский

КОММЕРЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ ИЗ ПОДВОДНЫХ РАСКОПОК У МЫСА АК-БУРУН В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Аннотация. В статье публикуется граффито второй половины 4 – начала 3 вв. до н. э. из новейших исследований подводного скопления античной керамики в районе мыса Ак-Бурун в Восточном Крыму. Скопление керамики представляет собой сброс из порта Керчи (Пантикапея), перемещенный в 1970-х годах в результате углубления фарватера в морском порту Керчи. Граффито вырезано на амфорной стенке четырехугольной формы, содержит 4 строки: ΚοΔΔΔΔΠΠ | ΚΠΠ | ΔΙΔΔΠΠ | ΠΠΠ. Предполагается, что оно представляет коммерческую запись торговца о получении штучного товара: Κο(τύλαι?) 46 | Κ(ύλικες?) 6 | Δί(σκοι?) 22 | Π(οτήρια?) 5. Разумеется, названия сосудов восстановлены с определенной долей условности.

Ключевые слова. Подводные раскопки, позднеклассическая эпоха, Боспорское царство, Пантикапей, торговля, граффито.

Abstract. The article considers a graffito of the late half of the 4th – early 3rd century B.C. from recently investigated underwater piles of Antique pottery by the Ak-Burun Cape in the East Crimea. These piles are debris from the sea-port of Kertch (Panticapaeum) transferred in the 1970-s when the sea-port of Kertch was expanded. The graffito is engraved on the wall of an amphora, it contains four lines: ΚοΔΔΔΔΠΠ | ΚΠΠ | ΔΙΔΔΠΠ | ΠΠΠ. Presumably it is a commercial record left by a trader who received certain goods: Κο(τύλαι?) 46 | Κ(ύλικες?) 6 | Δί(σκοι?) 22 | Π(οτήρια?) 5. The names of the vessels are conventionally reconstructed.

Key-words. Underwater excavations, Late Classic period, Bosporan Kingdom, Panticapaeum, trade, graffito

Настоящая работа продолжает публикацию надписей на керамике из подводных раскопок «Бухты Ак-Бурун».¹ В 2014 г. при обследовании проектируемой трассы Крымского моста на дне Керченской бухты было локализовано крупное скопление неокатанной археологической керамики площадью более 75 000 м², получившее обозначение «Объект археологического наследия “Бухта Ак-Бурун”». В границах скопления планировалось строительство мостовых опор, поэтому в 2015–2017 гг. здесь были проведены спасательные подводные раскопки и на поверхность поднято почти 70 тыс. археологических предметов – преимущественно тарная, кухонная, столовая и строительная керамика, светильники, костяные изделия. Особенностью коллекции является многочисленность археологически целых форм, относящихся к импорту 5 в. до н. э. – 13 в. н. э. в город, существовавший на месте современной Керчи. Основную долю находок составляют амфоры, большая их часть датируется 4–3 вв. до н. э. и происходит из разных регионов Эгейского моря. Среди столовой керамики преобладает аттическая, понтийская и малоазийская посуда 4–2 вв. до н. э. В результате исследований установлено, что обнаруженные археологические предметы не отложились у мыса Ак-Бурун в ходе жизнедеятельности какого-либо крупного поселения, а были перемещены сюда в 1970-х гг. в результате углубления дна в порту Керчи, в районе бывшей Генуэзской гавани. Полученные в ходе подводных исследований материалы являются

¹ См. Завойкина, Ольховский 2019, 5–11.

Рис. 1. Коммерческое граффито и его прорисовка

представительным источником информации о масштабах и ассортименте морской торговли на протяжении всей истории города.²

В 2017 г. в ходе подводных работ была обнаружена амфорная стенка почти квадратной формы – 10,7×10,8 см (рис. 1). Определить центр производства амфоры не представляется возможным. На внешней поверхности черепка видны темные пятна, образовавшиеся, видимо, из-за долгого пребывания в морской воде. Его поверхность испещрена линиями случайного происхождения. На внешней стороне черепка, ближе к правой части процарапано четырехстрочное граффито. Буквы расположены в строках достаточно ровно, но изображены неаккуратно. В 1 стк. *омикрон* вырезан в несколько приемов, в конце 3 стк. обе *йоты* процарапаны небрежно, в 4 стк. левая гаста *пи* состоит из двух линий неравной длины. Прослеживается изогнутая форма линий у *дельты* и *каппы*. Буквы почти равновеликие за исключением *омикрон* и *йоты* в конце строк. Из палеографических особенностей отметим следующие: правая гаста *дельты* выходит за верхушку буквы (1 и 3 строки); *йота* процарапана разной длины; *каппа* вырезана в 1 стк. с равными по длине косыми гастами, а во 2 стк. – с короткими; *омикрон* меньшего размера, чем остальные буквы; *пи* – с укороченной правой гастой. Отмеченный прием в написании *омикрон* известен уже в третьей четверти 5 в. до н. э.³, но получает он распространение в граффити и свинцовых письмах лишь с третьей четверти 4 в. до н. э.⁴ В совокупности перечисленные формы букв характерны для второй половины 4 – начала 3 вв. до н. э.⁵

Граффито: ΚοΔΔΔΠ | ΚΠ | ΔΙΔΠ | ΠΠ

В расположении букв в строках прослеживается определенная логика, которая показывает, что первые литеры являются сокращениями слов – Κο, Κ, Δι, Π. После них идут цифры в акрафонической системе счета или денежные знаки. Перечисленные буквенные сокращения встречены неоднократно в граффити на амфорах из раскопок боспорских поселений и интерпретируются различно – как сокращение названия содержимого, указание мерного стандарта и пр.⁶ Однако коммерческие маркировки на

² Ольховский, Степанов 2016, 355–364.

³ Tokhtasev 2010, 104, Abb.1.

⁴ Например, см.: Тохтасев 2007, 48; Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 935–936.

⁵ Ср.: Болтунова, Книпович 1962, 9, табл. II. 3; II. 4; Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 935.

⁶ Емец 2012, 32–33, 42 сл.

амфорах никак не проясняют содержание интересующих нас сокращений в пантикапейском граффито. Личные имена в торговых граффити, как правило, не сокращались до 1–2 букв, поскольку такие краткие аббревиации могли внести путаницу в памятные записи их хозяина. Хотя предлагается понимать двухбуквенные сокращения в некоторых коммерческих надписях как начальные литеры имен. В частности, в граффито с поселения Генеральское Западное «ΔΔΔ ΝΙ Δ» С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников читают: некий *Ни(...)* купил 30 чашек за 1 драхму.⁷ Подобная трактовка начальных букв в строках пантикапейского граффито возможна, хотя и с некоторой натяжкой. Предлагаемый ниже вариант представляется более обоснованным.

Среди товаров, доставляемых морем в Пантикапей во второй половине 4 – начале 3 вв. до н. э., необходимо прежде всего упомянуть массовый импорт столовой керамики, преимущественно из Аттики.⁸ О характере транспортировки сосудов в города Северного Причерноморья позволяют судить исследования кораблекрушения второй половины 4 в. до н. э. у о. Змеиный.⁹ Корабль перевозил амфоры, размещенные в трюмах в несколько рядов в высоту, а чернолаковая керамика загружалась в межамфорное пространство.¹⁰ Столовые сосуды нередко маркировались – как правило, на внешней стороне поддона в полной или сокращенной форме процарапывалось название сосуда и/или имя покупателя.¹¹ Среди распространенных меток упомянем, например, сокращения Κο для κο(τύλη), Σ для σ(τάμνος), Χ для χ(υτρίς), ΛΑ для λά(γινος), Κ для κ(ύλιξ).¹² И.А. Емец поставил под сомнение выводы С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова, согласно которым одиночные буквы на столовой керамике с боспорских поселений могут пониматься как сокращения названий сосудов, на том основании, что «это примерно то же самое, что в наше время владелец на своих вещах будет писать начальные буквы их наименований, например, Т на телевизоре – “телевизор” или на холодильнике букву Х – “холодильник”. Вряд ли древние греки в этом плане были намного оригинальнее нас, и отнюдь не очевидно, что для них было столь необходимо лишний раз подчеркивать названия и так хорошо известных им вещей. Без сомнения, большинство подобных аббревиаций представляют собой сокращения имен владельцев».¹³

Попытку Емца путем логических умозаключений переосмыслить маркировку столовой керамики по типам сосудов следует признать неудачной. Известны многочисленные примеры с надписями «κύλιξ», «ῥλλα», «ποτήριον», «κότυλος»¹⁴ и т.п., например, из раскопок афинской агоры.¹⁵ В граффити встречаются сокращения в названиях сосудов: ληκυ / ληκ для λήκυθος; κρα / κρη для κρατήρος; σκυ для σκύφος и пр.¹⁶ Приведенные примеры убедительно доказывают, что в классическую эпоху в сфере коммерции уже сформировалась традиция маркировать столовую керамику по ее названиям. Это явление следует рассматривать как своего рода эквивалент торговых этикеток с наименованием штучного товара.

Учитывая сказанное, а также краткость рассматриваемого источника и условия его находки в сбросе из пантикапейского порта, можно с опре-

⁷ Сапрыкин, Масленников 2007, 91, № 398. Другие примеры подобной интерпретации см. там же, 228.

⁸ См.: Егорова 2014, 174–192; Абрамзон, Кузнецов, Ломтадзе 2017, 118–120; Тугушева 2017, 325–327, № 219–223.

⁹ Терещенко 2013, 298–305.

¹⁰ Там же, 317.

¹¹ Sparkes, Talcott 1970, 4–8; Johnston 1978, 222–226; 1979, 161–166; Сапрыкин, Масленников 2007, 230–231. А.И. Терещенко в докладе об исследованиях затонувшего античного судна у о. Змеиный (на заседании отдела классической археологии ИА РАН в декабре 2013 г.) упомянул, что среди находок чернолаковой керамики имеется несколько с граффити ΦΙ. Оно представляет, по всей видимости, начальные буквы имени покупателя, которому предназначался товар.

¹² Johnston 1978, 223–224; 1979, 164; Сапрыкин, Масленников 2007, 230–231.

¹³ Емец 2012, 10.

¹⁴ Sparkes, Talcott 1970, 8.

¹⁵ Ibid., 4–9.

¹⁶ Johnston 1979, 150–163, fig. 13. b, h, r.

деленной долей условности предположить несколько интерпретаций этих сокращений: κο – κο(τύλη); κ – κ(ύλιξ), κ(άνθαρος), κ(ρατήρ); δι – δι(νος), δι(σκος); π – π(οτήριον), π(ίναξ) и т.п.

Вертикальная черта в конце каждой строки может обозначать не только цифру 1 в акрофонической системе счета, но и выступать знаком обола. В этом случае надпись должна переводиться как «Κο 46 оболов | Κ 6 оболов | ΔΙ 22 обола | Π 5» или, например, как «Κο 30 за 16 оболов | Κ 5 за 1 обол | ΔΙ 10 за 12 обола | Π 5». Оба варианта интерпретации имеют недостатки. В первом случае – если принять начальные буквы в строках за сокращения названия сосудов – остается неясным, за какое количество каждого наименования товара указана его стоимость. Чтение денежных номиналов было бы возможным, если начальные буквы принять за сокращения личных имен. Но, как выше отмечено, сокращение имени контрагента до одной буквы, как в 2 и 4 строках граффито, представляется маловероятным. Кроме того, останется неясной 4 стк. граффито «Π 5», поскольку в данном варианте интерпретации она должна была бы выглядеть так: Π ΙΙΙ. Во втором же варианте также остается без надлежащего разъяснения последняя строка граффито, поскольку окажется пропущенным указание количества товара или его стоимость. Учитывая сказанное, полагаем, что знаки после букв в строках следует интерпретировать как цифры: Κο 46 | Κ 6 | Δι 22 | Π 5.

Итак, граффито предположительно трактуем таким образом: Κο(τύλαι?) 46 | Κ(ύλικες?) 6 | Δί(σκοι?) 22 | Π(οτήρια?) 5. Вполне очевидно, что названия сосудов восстанавливаем с определенной долей условности (e.g.). Таким образом, граффито из подводных раскопок у мыса Ак-Бурун представляет собой коммерческую запись о поставках, предположительно столовой керамики, какому-то пантикапейскому торговцу во второй половине 4 – начале 3 вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Ломтадзе Г. А. 2017. Экономические отношения Боспорского царства // В. Д. Кузнецов, В. П. Толстикова (ред.), Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Москва, 117–124.
- Бехтер А. П., Бутягин А. М., Дана М. 2018. Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ 78/4, 931–948.
- Болтунова А. И., Книпович Т. Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ III, 3–31.
- Егорова Т. В. 2014. Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н. э. из раскопок Пантикапея // ДБ 18, 174–195.
- Завойкина Н. В., Ольховский С. В. 2019. Граффити на керамике из раскопок ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г. (Крым) // МАИЭТ XXIV, 5–11.
- Емец И. А. 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). Москва.

- Ольховский С. В., Степанов А. В. 2016. Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта-Ак-Бурун» в 2015 // ДБ 20, 355–364.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (ДБ Suppl. I). Симферополь–Керчь.
- Терещенко А. И. 2013. Исследования торгового судна «Змеиный-Патрокл» второй половины IV в. до н. э. в Черном море и моделирование упаковки амфорной тары // ДБ 17, 297–323.
- Тохтасьев С. Р. 2007. Новое заклятие на свинце из Северного Причерноморья // ВДИ 4, 48–49.
- Тугушева О. В. 2017. Пантикапей. Торговые связи // В. Д. Кузнецов, В. П. Толстиков (ред.), Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Москва, 325–327, №№ 219–223.
- Johnston A. W. 1978. List of Contents: Attic Vases // *AJA* 82/2, 222–226.
- Johnston A. W. 1979. Trademarks on Greek Vases. Warminster–Wiltshire.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries. Parts 1, 2 (Athenian Agora XII/1, 2). Princeton.
- Tokhtasev S. R. 2010. Die Beziehungen zwischen Borysthenes, Olbia und Bosporos in der archaischen Zeit nach den epigraphischen Quellen // S. Solovev (ed.), *Archaic Greek Culture: History, Archaeology, Art and Museology* (BAR International Series 2061). Oxford, 103–108.

Н. В. Кузина, А. А. Масленников

НАХОДКИ, СВЯЗАННЫЕ С МОРСКОЙ СТИХИЕЙ, ИЗ СЕЛЬСКИХ СВАТИЛИЩ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

Аннотация. Культурные напластования общественных сакральных комплексов, открытых на территории Крымского Приазовья включают специфическую группу находок, представленную экофактами и артефактами, связанными с темой моря: подсыпки из раковин моллюсков *cardium* (*Cardiidae*) и *Veneridae* на уровне полов, в заполнении жертвенников; вотивы в виде отдельных относительно крупных раковин мидий, устриц или сердцевидок, клешни крабов; морская галька, орудия рыболовного промысла (крючки, грузила, костяные иглы для ремонта сетей), фрагменты рыбных блюд. Такого рода предметы, не имея самостоятельного культового значения, попадая в сакральное пространство, наделялись новыми смыслами и включались в систему со сложной иерархией связей. В обрядовой практике сельских святилищ Крымского Приазовья морские экофакты были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди сельского населения архаическими представлениями о трёхчленной модели мира, где море выступало эквивалентом хтонической, нижней сферы. «Морские» атрибуты, с одной стороны, выражали идеи, связанные с изобилием, плодovitостью, и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, применялись в обрядах жертвоприношений, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира. В этом аспекте артефакты и экофакты, связанные с морем, несли идею преобразования, перехода, выступали символами-медиаторами.

Ключевые слова. Святилища, Крымское Приазовье, модель мира, Боспор, хора, море, жертвоприношения, раковины.

Abstract. Layers of mollusk shells on the floors are present in most rural sanctuaries in the Crimean Azov region. Single shells as well as fish bones were found in places used for sacrifices. In the ritual practices of rural sanctuaries marine elements were used in ritual actions in conformity with the ideas of the world model accepted by the rural population. Marine elements symbolized abundance, fecundity, and were associated with fertility gods. At the same time they marked the lower cosmic zone, related to the chthonic world. Their use in ritual ceremonies established connections between the levels of the universe in conformity with the archaic model of the world.

Key-words. Asov Sea coast area, sanctuaries, model of the world, Bosporos, chora, sea, mollusk shells, sacrifice, ritual.

Культурные напластования общественных сакральных комплексов, открытых на территории Крымского Приазовья, наряду с многочисленными фрагментами посуды, терракотами, монетами, алтарями включают и специфическую группу находок, представленную экофактами и артефактами, связанными с темой моря. Это – подсыпки из раковин моллюсков *cardium* (*Cardiidae*) и *Veneridae* на уровне полов, в заполнении жертвенников; вотивы в виде отдельных относительно крупных раковин мидий, устриц или сердцевидок, клешни крабов; морская галька, орудия рыболовного промысла (крючки, грузила, костяные иглы для ремонта сетей), фрагменты рыбных блюд. То есть, объекты¹, которые за пределами мест отправления культов непричастны к сфере сакрального. Считать

¹ Масленников 2007, 79–493 *passim*.

такие находки случайностью невозможно, так как они встречаются регулярно, причём подсыпки из раковин моллюсков едва ли не обязательный признак любого святилища в Крымском Приазовье. Другие находки этой категории являются в основном штучными, единичными в том или ином археологическом комплексе. Такого рода предметы, не имея самостоятельного культового значения, попадая в сакральное пространство, наделялись новыми смыслами и включались в систему со сложной иерархией связей. Вопросы о том, какую роль играли «морские атрибуты» и приношения в ритуальной практике сельского населения античного Боспора специально до сих пор не ставились. Вместе с тем, есть исследования, посвященные толкованию сакрального смысла экофактов и бытовых вещей, обнаруженных в боспорских городских святилищах и некрополях.² При всей интерпретационной сложности материалы такого рода весьма информативны и отражают не только содержание ритуальной практики, нерасторжимо связанной с повседневной и хозяйственной жизнью, но и отдельные трудноуловимые аспекты сакрального мировоззрения рядового боспорского населения. Разработка и толкование материалов, происходящих из сельских святилищ Крымского Приазовья, предполагает их включение в более широкий контекст, а также помогает раскрыть и понять специфику феноменов, имевших распространение в масштабах конкретного региона.

Обращаясь к интерпретации находок из приазовских святилищ, необходимо учитывать некоторые особенности массового религиозного мировоззрения боспорян. Материалы сакральных комплексов (святилищ и некрополей) городов и сельских поселений позволяют характеризовать сознание боспорян как традиционное, практически не менявшееся на протяжении столетий. Изначально на осваиваемых новых землях неизбежно воспроизводились архетипы архаичного мироощущения. Их консервации способствовали и местные варвары, в окружении и при взаимодействии с которыми развивалось боспорское общество, в особенности его сельская часть.³ В соответствии с архаичными воззрениями воспроизводилась и модель мира.

С гомеровских времён деление пространства осуществлялось «в горизонтальной плоскости» на пространство обыденное, освоенное, упорядоченное, подчинённое собственным жизненным ритмам, воспринимаемое как микрокосм, и на противопоставляемое ему пограничное, неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания, уподобляемое Хаосу, царству мёртвых.⁴ В «вертикальном» членении пространство (Космос) делилось на три уровня: верхнее мифологическое, земное и нижнее мифологическое.⁵ Всякий микрокосм включал в себя то, что М. Элиаде называет «Центром», где всё священное проявлялось всеобъемлющим образом. В мифической географии священное пространство – это пространство по преимуществу реальное, где сакральное воплощалось в виде культовых сооружений, атрибутов и проявлялось посредством символов (ось мира и её воплощения). В контексте трёхчленного деления

² Тульпе, Хршановский 2002, 161–167; Тульпе 2017, 13–25; Молева 2017а, 51–61.

³ Тульпе, Хршановский 2002, 167.

⁴ Элиаде 1994, 27–28; 2000, 148–149.

⁵ Элиаде 2000, 149–150; Лебедева 2016, 216–218.

Космоса на Небо, Землю и Преисподнюю, «Центр» находился в точке пересечения этих областей. Здесь происходил разрыв уровней и в то же время становление связи между этими областями. В восприятии человека, наделённого архаическим (мифологическим) сознанием, географическое пространство и конституирующие, заполняющие его объекты, выступали частью этой модели мира. В числе таких «организующих» и «сакрализирующих» пространство объектов, помимо прочего, оказывались и святилища, которые могли выступать в качестве символических проекций условного Центра микрокосма⁶, звеньев, конституирующих связи внутри горизонтального и вертикального членения пространства. Частью этой знаковой системы были и атрибуты, происходящие из святилищ. Очевидно, определённое место в этой знаковой системе занимали предметы и объекты природного происхождения, в частности, связанные с морской стихией.

В воззрениях древних море – амбивалентный символ. С одной стороны, море (водная стихия) олицетворяло порождение, было связано с плодородием и изобилием, рождающим лоном, воплощением женского начала и эквивалентно земле.⁷ С другой стороны, море, являя собой рождение, изобилие, знаменовало и финал, выступая эквивалентом подземного, хтонического мира, хаоса.⁸ Хаос воды, предшествовавший сотворению, символизировал возвращение к аморфному состоянию, наступающему со смертью, возвращение к зачаточному виду существования. Появление на поверхности воды знаменовало собой повторение космогонического акта, в результате которого сущее обретало форму, погружение равнозначно растворению форм.⁹ Поэтому символика вод включала в себя как смерть, так и возрождение.

Перейдём к конкретике. Раковины двусторчатых моллюсков, будучи связанными с морем, как эквивалентом нижнего мира, хаоса, в то же время соотносятся с темой изобилия, плодородия, рождения и возрождения. Раковины ассоциируются с женской символикой, в силу их уподобления женскому детородному органу, оказываются сопричастными магическим свойствам женской матки и выражают творческое рождающее женское начало. Благодаря своей животворной силе этот атрибут выступал в качестве воплощения идеи вселенского лона и был связан с темой рождения.¹⁰ В литературе атрибуты в виде раковин чаще всего соотносятся с культом Афродиты в ипостасях Анадиомены и Понтии¹¹ и трактуются как отражение её культа. Изображения богини в сочетании с этим атрибутом хорошо известны среди различных произведений античного искусства.¹² В сельских святилищах Крымского Приазовья образ Афродиты в основном находит отражение в терракотах, воплощавших богиню полуобнаженной, в широко распахнутом гиматии.¹³ В городских сакральных комплексах (например, в Китее¹⁴) и некоторых сельских святилищах (например, в заполнении ларей-жертвенников восточного комплекса теменоса вблизи поселения Генеральское-Восточное) раковины входили в набор приношений, уверенно ассоциируемых с культом Афродиты. Вместе с тем, значительное

⁶ Элиаде 1994, 31–32; 2000, 148–149.

⁷ Аверинцев 1994, 240.

⁸ Маковский 1996, 78, 251.

⁹ Элиаде 2000, 229.

¹⁰ Там же, 209–216.

¹¹ Молева 2017а, 55–56; Молев, Молева 2018, 184–186; Грейвс 1992, 34.

¹² Русяева 2005, 295.

¹³ Масленников 2007, 114, 171, 226, 272.

¹⁴ Молева 2002, 95–107.

количество раковин морского гребешка, парные статуэтки Афродиты и Геракла (или Эрота), светильник, монета, флаконы-унгвентарии, чаши были обнаружены в грунте, заполнявшем ларь-алтарь в помещении № 2 строения 1 восточного комплекса этого теменоса. Предметы из заполнения ларя позволяют датировать этот комплекс приношений второй половиной 2–1 вв. до н.э.¹⁵ Морские раковины и песок в сочетании с изображением полуобнаженной Афродиты и всадника образуют единый комплекс в заполнении другого ларя-алтаря из того же помещения.¹⁶ Однако отметим, что далеко не всегда Афродита выступает в качестве центрального культового персонажа, вокруг которого складывается ритуальный комплекс приношений с присутствием морских атрибутов. Как уже упоминалось, подсыпки из раковин двустворчатых моллюсков присутствуют на полах практически во всех приазовских святилищах, даже если «адресат» совершавшихся там обрядов не всегда чётко обозначен или же изображения этого божества отсутствуют, либо не поддаются однозначной интерпретации. В этом, собственно, нет ничего удивительного или необычного. Аналогичная практика, как известно, была весьма характерна для помещений с сакральными функциями и в самой Греции. В качестве примера сошлёмся только на святилище Деметры и Коры в Коринфе.¹⁷

Очевидно, что находки раковин морских моллюсков в разных сакральных локусах были связаны не только с ритуальной практикой культа конкретного божества (в данном случае Афродиты). Особый смысл, вероятно, имело и присутствие единичных створок раковин мидий в строительных жертвоприношениях, в святилищах и в заполнении ям с ритуальными захоронениями собак. Раковины морских моллюсков широко использовались не только в ритуалах жертвоприношений, но и в погребальной обрядности. В качестве погребального инвентаря применялись раковины морских и пресноводных моллюсков: каури, мидий, перловицы.¹⁸ Непосредственная задача погребально-поминального обряда – обеспечение перехода умершего из одного мира в другой, и ритуальные действия, сопутствующие этому процессу, имели целью восстановление нарушенного смертью миропорядка. С символикой этого перехода был связан и круг артефактов и экофактов, задействованных в погребально-поминальном обряде. Прижизненные функции предметов утилитарного назначения и объектов природы, делали их медиаторами между земным и хтоническим мирами, звеньями в непрекращающемся цикле смертей и возрождения.¹⁹ Особо отметим факт подсыпок дна могил всё теми же раковинами *cardium*. Эта традиция засвидетельствована практически на всех известных сельских некрополях Крымского Приазовья (Золотое, Сиреневая бухта, Сююрташ), а также и Черноморского побережья (Кыз-Аул, Китей²⁰). Соответствующий анализ показывает, что подсыпка из упомянутых раковин присутствовала примерно в четверти всех раскопанных гробниц 1 в. до н.э.–3 в. н.э. и даже немного более поздних. Причем, чаще всего в детских захоронениях.²¹ Имело ли данное обстоятельство исключительно утилитарное назначение, вызванное к тому же локальной спецификой

¹⁵ Масленников 2007, 113–118.

¹⁶ Там же, 124–125.

¹⁷ Stoud 1968, 299–300.

¹⁸ Например, см.: Винокуров 2014, 33–34, 54, 62, 89, 111, гробн. 14/2000, 55/200, 70/2002, 135/2003, 201/2005; Грач 1999, 38, 46, 71, 78, П. А7, П. 149, П. А188, П. А55; Сорокина, Сударев 2001, 138.

¹⁹ Тульпе, Хршановский 2002, 161–167.

²⁰ Тульпе, Хршановский 2001, 147.

²¹ Масленников 2000, 161.

(близость морского побережья, изобиловавшего данным видом раковин), или же и тут просматривается нечто сакральное – уверенно утверждать трудно. Однако отметим, что в предшествовавшую эпоху (5–2 вв. до н. э.) в достаточно многочисленных, явно варварских гробницах того же Приазовья (каменные ящики с кольцевыми оградками) такого рода подсыпки не встречены ни разу.

Как морской обитатель, моллюск, как уже отмечалось, сохранял свою символическую принадлежность нижнему миру, миру хаоса, с которым ассоциировались водная стихия, море. Раковины морских моллюсков как в погребально-поминальной обрядности, так и в ритуальной практике святилищ были связаны с хтоническими идеями. Будучи сокрытыми в грунт, они воплощали переход между земным и нижним (хтоническим) миром. В этом контексте показательны находки морских раковин в грунтовом заполнении ларей-алтарей, открытых в сельских святилищах Крымского Приазовья. Один из таких примечательных алтарей-эсхар (?) был обнаружен и в святилище на поселении Полянка (раскопки 2012–2013 гг.).²² Он состоял из вертикально установленных плит и заключал в себе лепной конический сосуд, перекрытый сверху плоским известняковым камнем, с запечатанным известью основанием. Вместилище сосуда было заполнено рыхлым суглинком с золой и комочками мела. Среди находок в «алтаре» – несколько раковин мидий и тёрочник (или пест) со сработанной поверхностью из ножки коричневоглиняной амфоры. Тёрочки, как и жернова (зернотёрки), в бытовой сфере связанные с переработкой зерна и получением муки, в сакральном контексте (в святилищах и на некрополях) могли выступать в качестве символов перехода и преобразования.²³ Перечисленные предметы неоднократно фиксировались в святилищах Крымского Приазовья в составе ритуальных комплексов, связанных с жертвоприношениями.

Упомянутые выше раковины морских моллюсков в сочетании с тёрочником (пестом), вероятно, также были частью хтонического жертвоприношения, воплощая звенья-переходники между мирами. В аналогичном контексте могут рассматриваться и находки морских раковин в комплексе с вотивами в грунтовых заполнениях специфических, но весьма характерных для сельских святилищ Приазовья ларей-алтарей. Эти атрибуты подчеркивали и усиливали мотив преобразования, перехода в процессе жертвоприношения.

С темой перехода между мирами можно связывать и присутствие раковин в преднамеренных захоронениях собак, которые в античном религиозном мировоззрении принадлежали одновременно двум мирам – упорядоченному, символизирующему жизнь, и нижнему, хтоническому – и считались проводниками в подземный мир.²⁵ В этом отношении примечательно захоронение собаки в прибрежной части зольника у поселения Генеральское Западное.²⁶ Останки животного покоились в яме на подсыпке из раковин двустворчатых моллюсков. В заполнении ямы найдены: свистильник, боспорская монета и глазчатая бусина. Этот «набор» имеет ярко

²² Кузина, Масленников 2015, 213–226.

²³ Тульпе, Хршановский 1994, 108–109; Молева 2017а, 57; Худяк 1962, 24; Зубарев, Крайнева 2006, 150–151.

²⁴ Масленников 2006, 23–24; Масленников, Кузина 2011, 231.

²⁵ Молева 2002, 113–116; 2017б, 87.

²⁶ Масленников 2007, 419, 442.

выраженный хтонический характер. Глазчатым бусинам, по-видимому, придавалось апотропеическое значение²⁷; светильники, как символы огня и атрибуты хтонических культов, а также монеты, обычны среди находок в святилищах и погребениях и также связывались с идеей перехода. Раковины моллюсков как символы нижнего мира усиливали хтоническую составляющую комплекса.

Идею символической маркировки границ отражает и использование морских раковин при совершении строительных жертвоприношений. Так, в теменосе на северном плато урочища Сююрташ, в основании стены здания № 2 в специальной ямке был обнаружен красноглиняный плоскодонный горшок, внутри которого находился обколотый фрагмент нижней части закрытого сосуда, заключающий частицу белого вещества (гипс, известь?) и две-три створки мидий.²⁸ Можно предположить, что и подсыпки из раковин двустворчатых моллюсков на уровне полов в святилищах также наделялись смыслом, связанным с нижним миром, например, обозначали границу между земной и хтонической сферой в рамках воплощенной в сакральном пространстве святилища трёхуровневой картины мироздания. Этот аспект усиливало и расположение святилищ на прибрежных возвышенностях и мысах. Упомянутые сакральные объекты, служившие своего рода приморскими географическими ориентирами (высоты), а также сопутствующие гроты, расщелины, ущелья – все это своего рода элементы модели обряда перехода и взаимосвязанности миров (неба, земли и хтонической сферы), а также освоенного и неосвоенного пространства, выходящего за пределы человеческого обитания.

Круг морских экофактов, обнаруженных в сельских святилищах, дополняют находки клешней крабов, которые по смыслу синонимичны раковинам. И как символы изобилия, плодородия сопутствуют не только Афродите Анадиомене, но и Деметре. Так, в святилище около поселения Генеральское Западное терракотовая протома Деметры, чернолаковый закрытый светильник второй половины 4–начала 3 вв. до н. э. были обнаружены вместе с клешней краба, видимо, попавшей сюда, как приношение богам плодородия.²⁹ В погребальной обрядности клешни крабов, как и раковины, символизировали водную стихию и наделялись значением медиаторов, связующих земной и хтонической миры.³⁰ Так, в жертвенной яме – ритуально-поминальном комплексе эллинистического времени, открытом на некрополе Китея, кроме разнообразных артефактов присутствовали специфические «морские находки»: галька, керамические окатыши, раковины мидий, морского гребешка и клешня краба³¹. Видимо, синонимично морским приношениям и изображение дельфина из набора приношений в святилище вблизи поселения Сиреневая бухта.³² С меньшей уверенностью с «морскими» вотивами можно связать находки предметов, вылепленных из глины, по форме напоминающих изображение хвоста рыбы. Эти вещи происходят из сакральных комплексов, открытых вблизи поселения Сиреневая бухта и в урочище Сююрташ.³³

²⁷ Столба 2009, 114.

²⁸ Масленников 2007, 388.

²⁹ Там же, 493.

³⁰ Тульпе, Хршановский 2002, 166.

³¹ Тульпе, Хршановский 2001, 148–153.

³² Масленников 2007, 251, 261.

³³ Там же, 392.

С темой моря связаны и орудия рыболовного промысла – рыболовные крючки, костяные иглы для ремонта сетей, рыболовные грузила, а также фрагменты рыбных блюд, обнаруженные в культурных напластованиях святилищ Крымского Приазовья.³⁴ Рыболовный промысел на Боспоре был чрезвычайно значим и распространён во все времена, а рыбные богатства Меотиды ещё относительно недавно считались эталонными. Греческий поэт Архестрат (4 в. до н. э.), как известно, составил «Записки о боспорской соленой рыбе» (Athen.VII. 21). О ловле и вывозе из припонтийских стран, в том числе с Боспора, соленой рыбы и иных рыбных «деликатесов» писали Полибий (Polyb. IV. 38, 4), Страбон (Strabo VII. 3, 18; 4, 6; 6, 2; XI. 2, 4) и некоторые другие античные авторы.³⁵

Возможно, орудия рыболовного промысла из сакральных комплексов были связаны с обращениями к богам с просьбами об удаче в рыбацком деле, и приносили их в святилища мужчины, исконно занимавшиеся этим промыслом. Н. В. Молева, анализируя контекст находок рыболовецких орудий в городском святилище Китея, допускает их интерпретацию как подношения Афродите в морских ипостасях, поскольку оно (святилище) примыкало к ритуальному комплексу, служившему местом отправления культа Афродиты и «фависсам» с приношениями Деметре, Коре и Афродите.³⁶ Обстоятельства находок этих предметов в сельских святилищах не всегда однозначно свидетельствуют об этой связи, хотя и не исключают её. Учитывая культуuroобразующий аспект любой хозяйственной деятельности, направленной на освоение чужого, природного, стихийного, орудия рыболовного промысла могли восприниматься не только как вотивы Афродите, но и заключать в себе идею преобразования, освоения. Присутствие среди приношений в святилищах рыболовных грузил, рыболовных крючков, костяных игл для ремонта сетей, а также фрагментов рыбных блюд, с одной стороны, соотносится с идеей изобилия, богатства, с другой – ассоциируется с хозяйственной деятельностью человека. Так или иначе, но они могли заключать в себе идею преобразования, освоения опасной, неупорядоченной морской стихии. Орудия рыболовного промысла в ритуальных реалиях святилищ могли восприниматься и как символы-медиаторы, связанные как с земным миром, так и миром хтоническим. Кухонная и столовая посуда, как атрибут ритуальных трапез, также несла идею преобразования: превращение «сырого» в «вареное», вещества природы в продукт питания.

Подводя итог, можно предположить, что в сакральной практике сельского населения Крымского Приазовья артефакты и экофакты, ассоциируемые с морем, были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных распространёнными среди него архаичными представлениями о модели мира. Упомянутые морские атрибуты выражали идеи космического и хаотического, взаимосвязи миров и принадлежали кругу символов хтонических богов, воплощавших силы природы.

³⁴ Там же, 79–493 *passim*; Кузина, Масленников 2015, 220.

³⁵ Подробнее см.: Кругликова 1975, 208–214; Одрин 2010, 332–336; Куманцов 2011, 10–59.

³⁶ Молева 2017а, 56.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С. 1994. Вода // Мифы народов мира 1. Москва, 240.
- Винокуров Н. И. 2014. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) (БИ Suppl. 12). Симферополь–Керчь.
- Грач Н. Л. 1999. Некрополь Нимфея. Санкт-Петербург.
- Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. Москва.
- Зубарев В. Г., Крайнева А. А. 2006. Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos (Боспорские чтения VII). Керчь, 150–151.
- Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. Москва.
- Кузина Н. В., Масленников А. А. 2015. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // ДБ 19, 213–226.
- Куманцов М. И. 2011. Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья. Ч. 1. Москва.
- Лебедева Ю. И. 2016. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник 4, 216–218.
- Маковский М. М. 1996. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Москва.
- Масленников А. А. 2000. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ 3, 136–200.
- Масленников А. А. 2006. Святилище на Меотиде. Москва–Тула.
- Масленников А. А. 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. Москва–Тула.
- Масленников А. А., Кузина Н. В. 2011. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // ДБ 15, 228–247.
- Молев Е. А., Молева Н. В. 2018. Морские ипостаси Афродиты // Древний Восток и античный мир 9, 180–196.
- Молева Н. В. 2002. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород.
- Молева Н. В. 2017а. Орудия труда как votivные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород, 51–61.
- Молева Н. В. 2017б. Тандем «заяц–собака» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород, 79–92.
- Одрин А. В. 2010. Рыболовный промысел Боспора в доримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы (Боспорские чтения XI). Керчь, 332–336.
- Русяева А. С. 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.
- Сорокина Н. П., Сударев Н. И. 2001. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя 6–2 вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Санкт-Петербург, 133–139.

- Столба В. Ф. 2009. Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ 2, 109–129.
- Тульпе И. А. 2017. Артефакты и сакральное (некоторые проблемы интерпретации) // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород, 13–25.
- Тульпе И. А., Хршановский В. А. 1994. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. Санкт-Петербург, 108–109.
- Тульпе И. А., Хршановский В. А. 2001. Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Санкт-Петербург, 146–154.
- Тульпе И. А., Хршановский В. А. 2002. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Санкт-Петербург, 161–167.
- Худяк М. М. 1962. Из истории Нимфея 6–3 вв. до н. э. Ленинград.
- Элиаде М. 1994. Священное и мирское. Москва.
- Элиаде М. 2000. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. Москва.
- Stoud R. 1968. The sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth: Preliminary report II: 1964–1965 // Hesperia 37/3, 299–330.

А. Б. Никитин, В. А. Гаилов

СЕЛЕВКИДСКИЕ БУЛЛЫ В ЭРМИТАЖЕ*

Аннотация. Селевкидские буллы – это небольшие куски глины или битума, крепившиеся к документам, обычно контрактам или налоговым счетам. Многие из булл несут на себе следы веревок (шнуров) или отпечатки папирусных свитков. Их поверхность покрыта оттисками печатей магистратов и свидетелей. Оттиски печатей на селевкидских буллах разнообразны. Изредка встречаются царские печати с изображениями правителей. Официальные печати содержат надписи: обозначение должности, административной единицы (например, название города), дату по эре Селевка (начиная с 312 г. до н. э.). Печати частных лиц, выступавших свидетелями, чаще всего анепиграфны. На них изображались божества греческого пантеона, животные, реальные и фантастические, мужские и женские портреты, различные предметы. Селевкидские буллы происходят с территорий, в прошлом принадлежавших империи Селевкидов – это Месопотамия и Сирия. Многочисленные буллы из разных музейных коллекций и найденные при раскопках месопотамских городов уже опубликованы. В Эрмитаже хранятся пятнадцать селевкидских булл, предположительно привезенных И. М. Дьяконовым из Кембриджа в 1954 году с 23-го Международного конгресса востоковедов. Точных сведений о происхождении эрмитажных булл нет. Особый интерес среди них представляют два оттиска печатей, принадлежащие магистратам города Урук, ответственным за налоги, а также оттиск с указанием даты по эре Селевка (булла ДВ-19114). Сюжеты, представленные на публикуемых буллах, весьма разнообразны, но в целом они не выходят за пределы обычных для печатей эллинистического времени изображений. Примечателен тот факт, что на парфянских буллах из Старой Нисы и из раскопок Гёбеклы-депе в Маргиане мы встречаем оттиски печатей с аналогичными сюжетами, что иллюстрирует преемственность традиций парфянской сфрагистики.

Ключевые слова. Селевкиды, буллы, музейная коллекция, Эрмитаж, эллинизм, сфрагистика, глиптика, административное устройство.

Abstract. Seleucid bullae are small lumps of clay or bitumen attached to documents, usually contracts or tax accounts. Many of them bear traces of cords or impressions from rolls of papyrus. They also bear impressions of seals belonging to officials or witnesses. The impressions are various. There are rare royal sealings with portraits of monarchs. Official seals often bear inscriptions indicating the owner's office, administrative unit (the name of the city, for example) and date according to the Seleucid era (from 312 B.C.). Seals of private persons acting as witnesses most often have no inscriptions. They represent deities of the Greek Pantheon, animals, real and fantastic male and female portraits, different other objects. Seleucid bullae originate mainly from territories belonging in the past to the Seleucid kingdom - Mesopotamia and Syria. Numerous bullae from museum collections and from archaeological excavations have been already published. In the Hermitage Museum there are fifteen Seleucid bullae presumably brought by I.M. Diakonoff from Cambridge from the 23rd International Congress of Orientologists. Most interesting among these are two sealings of the magistrates of the city of Uruq responsible for taxes and one dated sealing (DV-19114). The images represented on the Hermitage bullae are various, however they all belong to the traditional circle of Hellenistic images. It is noteworthy that on Parthian bullae from Old Nisa and Goebekly-depe in Margiana there are many sealings with similar images illustrating the continuity of the Hellenistic-Parthian sphragistic tradition.

Key-words. Seleucids, bullae, museum collection, Hermitage, Hellenistic, sphragistics, glyptic, administration.

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (грант № 18-09-00381)

Селевкидские буллы – небольшие (3–5 см) комки глины или битума, чаще всего круглые, с оттисками печатей, которых на одной булле может быть до полутора десятков, следами шнура, которым некогда был прошит скрепленный буллой документ, или самого документа, к которому крепилась булла. Буллы с оттисками печатей магистратов и свидетелей гарантировали неприкосновенность документа, хранившегося в архиве. Если возникали подозрения, что в текст того экземпляра, который оставался на руках у одного из участников сделки, внесены изменения, всегда можно было обратиться к архивной копии, вскрыть ее в присутствии свидетелей и сравнить текст. Существовала и практика создания текста в двух экземплярах на одном листе. При этом контрольная половина листа сворачивалась, прошивалась и опечатывалась, а дубликат текста оставался доступным для чтения. При необходимости контрольная часть вскрывалась для сравнения текста.

Буллы крепились к документу посредством шнура, которым прошивался свиток. Концы его выводились наружу и залеплялись глиной. Глиняная булла опечатывалась и подсыхала. Иногда документ (папирус или пергамен) сворачивался в узкую трубочку, прошивался, концы шнура обматывались вокруг свитка и облеплялись глиной. Это исключало возможность извлечь свиток из подсохшей буллы и внести в текст изменения. Отпечатки таких свитков, некогда вставленных в буллу, и обвязывавших их шнуров сохранились.

Некоторые буллы несут следы огня. Архивы, особенно связанные с финансами, иногда горели. Документы сгорали, но огонь пропекал глину, способствуя сохранности булл. Можно предположить, что при замешивании глины для булл иногда использовались органические вещества (например, молоко), что также делало их более стойкими к воздействию влаги.

Оттиски печатей на селевкидских буллах разнообразны. Изредка встречаются царские печати и изображения правителей.¹ Официальные печати содержат надписи: обозначение должности, административной единицы (например, название города), дату по эре Селевка (начиная с 312 г. до н.э.). Печати частных лиц, выступавших свидетелями, чаще всего анэпиграфны. На них изображались божества греческого пантеона, животные, реальные и фантастические, мужские и женские портреты, различные предметы. Хранящиеся в разных музейных собраниях резные камни (инталии) дают представления о самих печатях. Это небольшие овальные, реже круглые, полудрагоценные поделочные камни (халцедон, сердолик, гранат, аметист, яшма), иногда вставленные в металлические перстни. Следы некоторых таких оправ видны на оттисках на буллах.

Селевкидские буллы происходят с территорий, в прошлом принадлежавших империи Селевкидов – это Месопотамия и Сирия. Многие из них найдены при раскопках в Селевкии-на-Тигре², Уруке и в других городах. Начало их систематическому изучению положил М. И. Ростовцев.³ Многочисленные буллы хранятся в собраниях разных музеев. В настоящее время многие из них опубликованы.⁴

В собрании Государственного Эрмитажа хранится 15 селевкидских глиняных булл (инвентарные номера ДВ-19111–19124). Они были приняты

¹ Doty 1979, 195–197.

² McDowell 1935; Seleucia al Tigri 2004.

³ Rostovtzeff 1932.

⁴ Библиографию см.: Wallenfels 2015, 55–89.

на хранение в 1955 году сотрудником Отдела Востока Нинель Болеславовой Янковской. На машинописной копии акта приемки (акт 182 от 26 марта 1955 г.) сделана пометка от руки о том, что ранее эти предметы никем на хранение не принимались. Сама Н. Б. Янковская об их происхождении ничего определенного не сообщала, за исключением того, что в Эрмитаж буллы передал Игорь Михайлович Дьяконов, в то время также сотрудник Отдела Востока.

Точных сведений о происхождении эрмитажных булл, таким образом, нет. Советские археологические экспедиции до 1969 г. в Ираке не работали, находки селевкидских булл в Закавказье и Средней Азии зафиксированы не были. Однако можно с большой долей вероятности предположить, что И. М. Дьяконов привез эти буллы из своей поездки в Англию в 1954 г.

В августе 1954 г. в Кембридже проходил 23-й Международный Конгресс ориенталистов. Он примечателен тем, что на нем впервые после Второй Мировой войны присутствовала делегация советских востоковедов (20 человек), в их числе и И. М. Дьяконов. Сам Игорь Михайлович в своих воспоминаниях очень коротко и со свойственной ему иронией упоминает об этом событии: «В 1954 г. я был в составе делегации наших ученых за рубежом – на Международном Конгрессе востоковедов в Кембридже. В этой делегации – в которой, по тогдашнему обыкновению, участвовал представитель ЦК партии и обязательный стукач – я был поставлен в привилегированное положение: если остальным вменялось в обязанность ходить только по-двое и ни в коем случае не оставаться наедине с каким-либо иностранцем, то я – чуть ли не единственный беспартийный в делегации – мог ездить один куда хотел».⁵ Естественно, что ни о каких буллах и прочих подарках от иностранных ученых Дьяконов не упоминает.

К словам Игоря Михайловича следует добавить, что 23-й Конгресс ориенталистов действительно стал историческим событием. Советских ученых принимали очень тепло. Ни о каких провокациях, которых опасалось советское руководство, не могло быть и речи. Западные ученые воспринимали прибытие советской делегации как возвращение русских ученых в мировое научное сообщество. Британская пресса отмечала активное участие советских специалистов в дискуссиях, благодарила их за подаренные университетской библиотеке книги – 66 томов. Некоторое удивление вызвал, правда, состав делегации, в которой было много молодых специалистов, но отсутствовали такие корифеи как С. П. Толстов или В. В. Струве. И. М. Дьяконов, которому в то время еще не было 40 лет, вызывал особый интерес, как исследователь социально-экономических отношений на Древнем Востоке, с точки зрения западных ученых отошедший от ортодоксального марксизма, с его «рабовладением» и невнятным «азиатским способом производства».⁶ Вполне вероятно, что один из его почитателей мог подарить ему на память полтора десятка булл, привезенных из Ирака. К сожалению, вычислить этого дарителя мы не можем – в конгрессе участвовало более 1000 ученых, 350 из них выступали с докладами, среди них было несколько десятков британских,

⁵ Дьяконов 1999, 235.

⁶ Dandekar 1954, i–xxviii.

американских и германских специалистов принимали участие в работе археологических экспедиций на территории Ирака в 1920-е – 1950-е гг.

Ни И. М. Дьяконов, ни Н. Б. Янковская не занимались изучением артефактов эллинистического времени, их интересовали более ранние эпохи. На необходимость публикации булл из Эрмитажа указывал Е. В. Зеймаль, который начал собирать литературу по этому вопросу, но к изучению самих булл приступить не успел. В этой публикации мы попытались осуществить его замысел.

Буллы эллинистического времени являются важным источником для изучения административной структуры и экономики империи Селевкидов. Селевкидская глиптика оказала влияние на развитие парфянского искусства. На парфянских буллах из Старой Нисы и из раскопок Гёбеклы-депе в Маргиане мы встречаем оттиски печатей с аналогичными сюжетами.

СЕЛЕВКИДСКИЕ БУЛЛЫ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Каталог

ДВ-19111 глиняная булла, 25×25×24 мм, овальное отверстие 15×8 мм, шесть оттисков печатей:

1. 9×12 мм, стоящая женская фигура вправо с каким-то предметом в вытянутой руке (Тихе с рогом изобилия?). Изображение плохо различимо;
2. 14×9 мм, крылатый сфинкс вправо, перед ним звезда;
3. 12×8 мм, животное вправо, изображение плохо различимо;
4. 15×9 мм, крылатый грифон, бегущий вправо;
5. 12×8 мм, козерог вправо, справа звезда, слева полумесяц;
6. 15×10 мм, сфинкс вправо, голова повернута назад.

ДВ-19112, глиняная булла, 28×27×27 мм, овальное отверстие 14×6 мм, девять оттисков печатей:

- 1–2. 20×11 мм, птица, летящая вправо, перед ней бегущая собака, голова собаки повернута назад, между птицей и собакой пшеничный колос, справа внизу полумесяц;
3. 16×9 мм, олень (?) вправо;
4. 15×9 мм, животное, бегущее вправо;
5. 13 мм, голова мужчины вправо;
6. 14 мм, стоящая женская фигура влево;
- 7, 8. 10 мм, алтарь (?), над ним звезда;
9. 16 мм, летящий грифон вправо.

ДВ-19113 глиняная булла 30×28×29, овальное отверстие 12×6 мм, восемь оттисков печатей:

1. 15×12 мм, крылатый сфинкс, идущий вправо, с задранном вверх хвостом;

2. 16×10 мм, крылатый сфинкс, идущий вправо, перед ним полумесяц, за ним звезда;
3. 15×8 мм, сфинкс, стоящий вправо;
4. 16×11 мм, голова юноши вправо;
5. 17×14 мм, голова мужчины вправо, овальный ободок, изображение повреждено;
6. 15×14 мм, голова вправо, изображение повреждено;
7. 17×14 мм, голова мужчины вправо;
8. 15 мм, стоящая женская фигура влево.

ДВ-19114 глиняная булла 38×36×35 мм, овальное отверстие 19×7 мм, восемь оттисков печатей:

1. 16×14 мм, прямоугольный оттиск, греческая надпись в три строки:
ΕΠΩΝΙΟΝ – налог на продажу
ΘΙΡ Ω – дата по эре Селевка, 119 год = 194 год до н.э.
ΟΡΧΩΝ – жители Урука (Варки), гражданская община города Урука;
2. 14×13 мм, прямоугольный оттиск, остатки греческой надписи:
Α[...]
]ΚΗ[.] Θ
ΟΡΧΩ[Ν] – гражданская община города Урука;
3. 17×9 мм, животное, идущее вправо;
- 4, 5. 18×13 мм, олень, лежащий влево, перед ним полумесяц и звезда;
- 6, 7. 14×9 мм, козерог влево, перед ним звезда;
8. 15×10 мм, крылатый конь, бегущий вправо, перед ним звезда.

Судя по дате на первом оттиске, булла датируется временем правления Антиоха III, 222–187 до н.э. Аналогичные печати из Урука, связанные с налогом на продажу, описаны М.И. Ростовцевым.⁷ Налог ἐπίωνιον – распространенный в Древней Греции и в эллинистических государствах общий налог с продаж. Надписи на буллах ἐν Ὀρχοῖς или Ὀρχῶν указывают на город Урук (Варку) в Месопотамии, где при Селевкидах имелось значительное греческое население.⁸ Страбон упоминает жителей Урука, Ὀρχηνοί, как племя халдейских астрономов (Strabo XVI. 1, 6).

ДВ-19115 глиняная булла 36×25×25 мм, овальное отверстие 17 мм, девять оттисков печатей:

1. 15×10 мм, лев, бегущий вправо;
2. 18×11 мм, женщина, стоящая вправо с посохом в руке;
3. 18×10 мм, мужчина в длинном хитоне влево, опирающийся на посох;
4. 14×10 мм, крылатый грифон вправо;
5. 14×9 мм, крылатое животное вправо, в штриховой манере;
6. 10×15 мм, Зевс, сидящий на троне влево;
7. 12×9 мм, Эрот, летящий вправо;
- 8, 9. изображения неразличимы.

⁷ Rostovtzeff 1932, 65.

⁸ Кошеленко 1979, 108.

ДВ-19116, глиняная булла 30×31 мм, овальное отверстие 15×8 мм, семь оттисков печатей:

1. 17×13 мм, человек в высокой шапке, стоящий вправо;
2. 16×14 мм, женская голова вправо;
3. 10×7 мм, крылатое существо, летящее вправо;
- 4–6. изображения не сохранились;
7. 12×17 мм, голова быка в фас.

ДВ-19117, глиняная булла 44×44×42 мм, овальное отверстие 16×8 мм, десять оттисков печатей:

- 1–3. 18×10 мм, грифон вправо;
- 4–10. изображения неразличимы.

ДВ-19118, глиняная булла, 32×25×24 мм, овальное отверстие 13 мм, десять оттисков печатей:

1. 15×12 мм, антилопа вправо, склонившая голову, вылизывает заднюю правую ногу;
2. то же, но изображение плохой сохранности;
3. 10×15 мм, Тихе с рогом изобилия в руках, стоящая вправо;
4. 15×18 см, Афина в шлеме, стоящая влево;
5. 16×10 мм, крылатое животное, бегущее вправо;
6. 15×9 мм, крылатый сфинкс с человеческой головой, бегущий вправо, перед ним полумесяц;
- 7–10. изображения неразличимы.

ДВ-19119, глиняная булла, 26×26×22 мм, овальное отверстие 10 мм, семь оттисков печатей:

- 1–2. 16×10 мм, сфинкс вправо, над ним полумесяц, перед ним звезда;
3. 15×8 мм, два льва, стоящие друг против друга;
4. 16×10 мм, козерог вправо;
- 5, 6. 14×9 мм, бык зебу вправо;
7. 14×7 мм, антилопа вправо, перед ней куст.

ДВ-19120, глиняная булла 30×27×28 мм, овальное отверстие 14×5 мм, девять оттисков печатей:

1. 13 мм, человек с посохом вправо;
2. 15×10 мм, грифон влево;
3. 17 мм, неясное изображение;
4. 14×12, голова сатира в фас;
5. 10×13, человеческая фигура, стоящая влево;
6. 10×15, алтарь в храме;
7. 13 мм, сидящая фигура влево;
8. 15×10 мм, крылатый грифон вправо, перед ним полумесяц.

ДВ-19121, глиняная булла, 31×28×26, овальное отверстие 16×5 мм, шесть оттисков печатей:

1. 17×13 мм, летящий крылатый грифон влево;
2. 10×15 мм, Тихе влево с рогом изобилия в руках;
3. 15×10 мм, собака слева, перед ней сфинкс, справа; над собакой полумесяц;
4. 15×10 мм, крылатый грифон, летящий влево;
5. 10×16 мм, стоящая фигура влево;
6. 14×11 мм, бюст Афины вправо.

ДВ-19122 мм, фрагменты глиняной буллы, 28×26×25 мм две половинки, отверстия от двух шнуров, четыре оттиска печатей:

1. 16×9 мм, крылатый грифон вправо;
2. 16×9 мм, козерог влево;
- 3, 4. изображения неразличимы.

ДВ-19123, глиняная булла, 30×29×28 мм, овальное отверстие 14×7 мм, девять оттисков печатей:

1. 18×10 мм, лев вправо, кусающий за шею стоящее перед ним животное с раздвоенными копытами, внизу слева полумесяц, под львом ряд черточек;
2. 13×9 мм, крылатый сфинкс вправо с загнутым вверх хвостом, перед ним звезда, сзади над ним полумесяц;
3. 18×10 мм, крылатый сфинкс вправо с загнутым вверх хвостом, перед ним полумесяц;
4. 9 мм, Афина с копьем, стоящая влево;
5. 10 мм, крылатый Эрот вправо;
6. 10 мм, крылатый Эрот вправо;
- 7–9. изображения неразличимы.

ДВ-19124, фрагмент буллы, 28×27×17мм, овальное отверстие, следы четырех витков шнура, которым был обмотан документ, четыре оттиска печатей:

1. 10×17 мм, мужчина, стоящий вправо;
2. 9×12 мм, мужчина, стоящий вправо;
3. 9×12 мм, мужчина, стоящий вправо, оттиск той же печати;
4. 13×10 мм, козерог вправо.

Без номера, фрагмент глиняной буллы, 33×32×20 мм, овальное отверстие 17 мм, шесть оттисков печатей:

1. 14 мм, арфистка, стоящая вправо, с арфой в руках;
2. 8×12 мм, женский бюст вправо, изображение плохо различимо;
3. 10×13 мм, голова женщины вправо;
4. 7×13 мм, стоящая фигура, изображение плохо различимо;
5. 7×13 мм, изображение не сохранилось;
6. 10 мм, выпуклый круг, изображение не сохранилось.

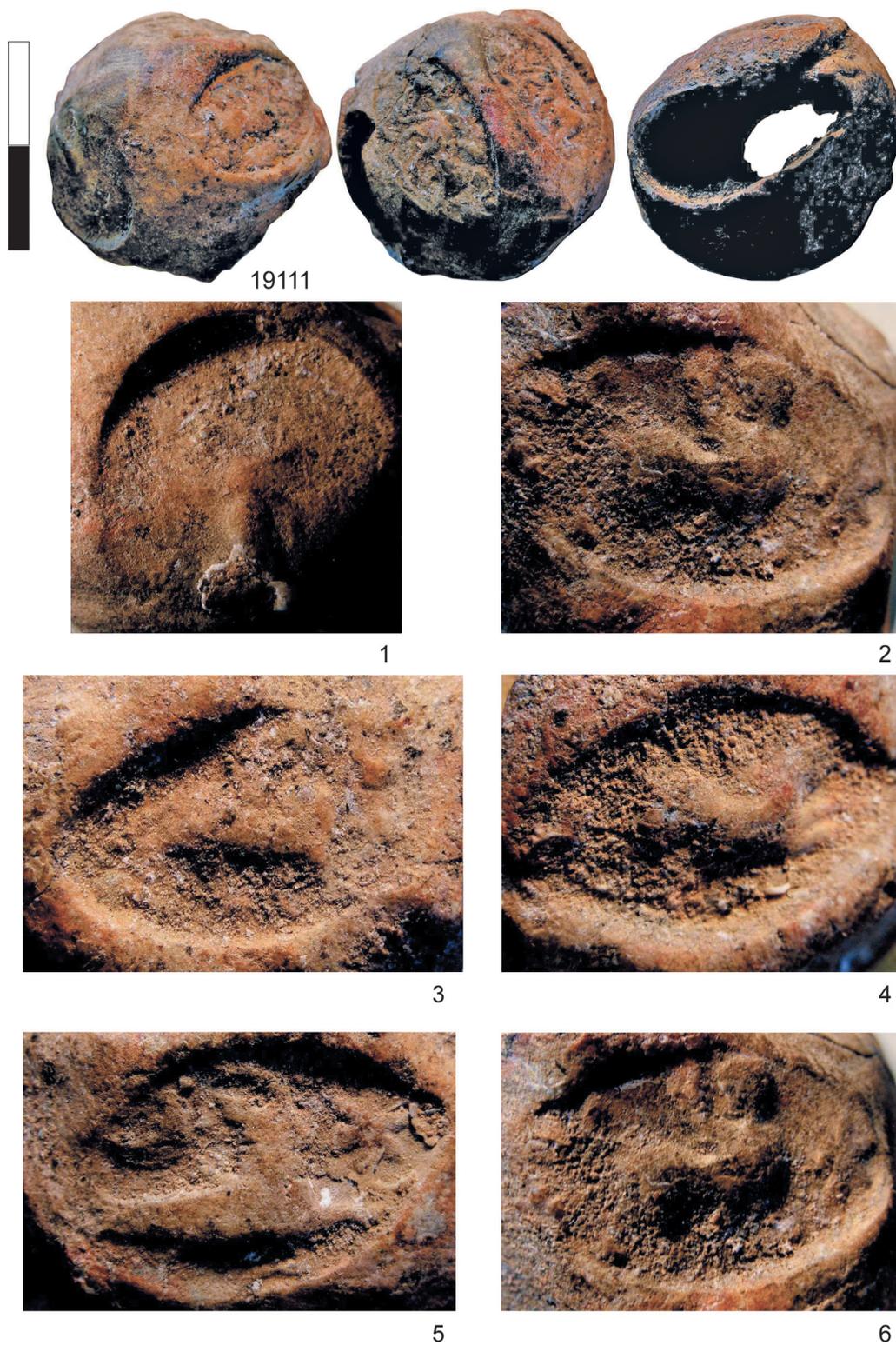

Таблица 1. Булла ДВ-19111, оттиски 1–6

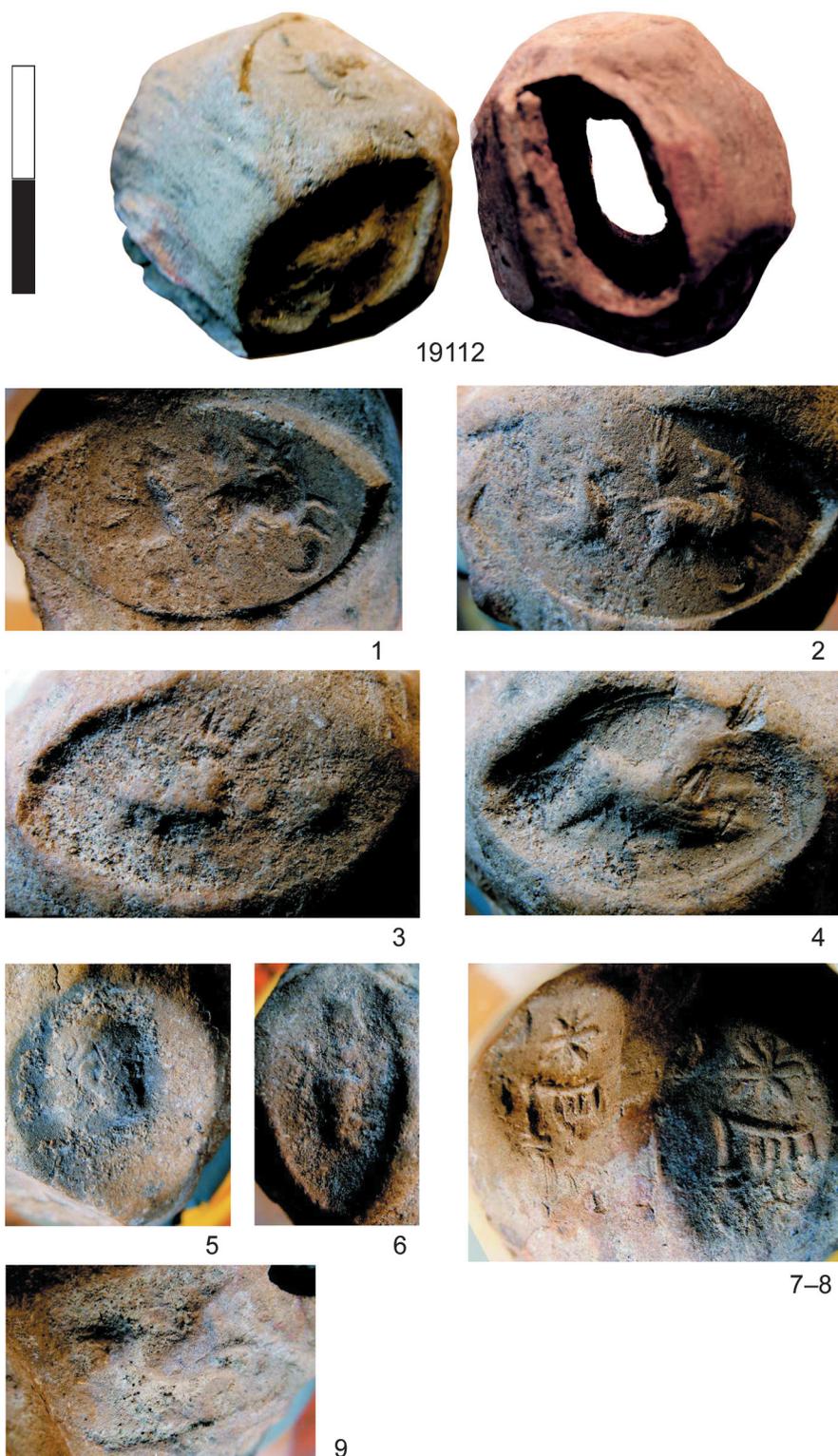

Таблица 2. Булла ДВ-19112, оттиски 1–9

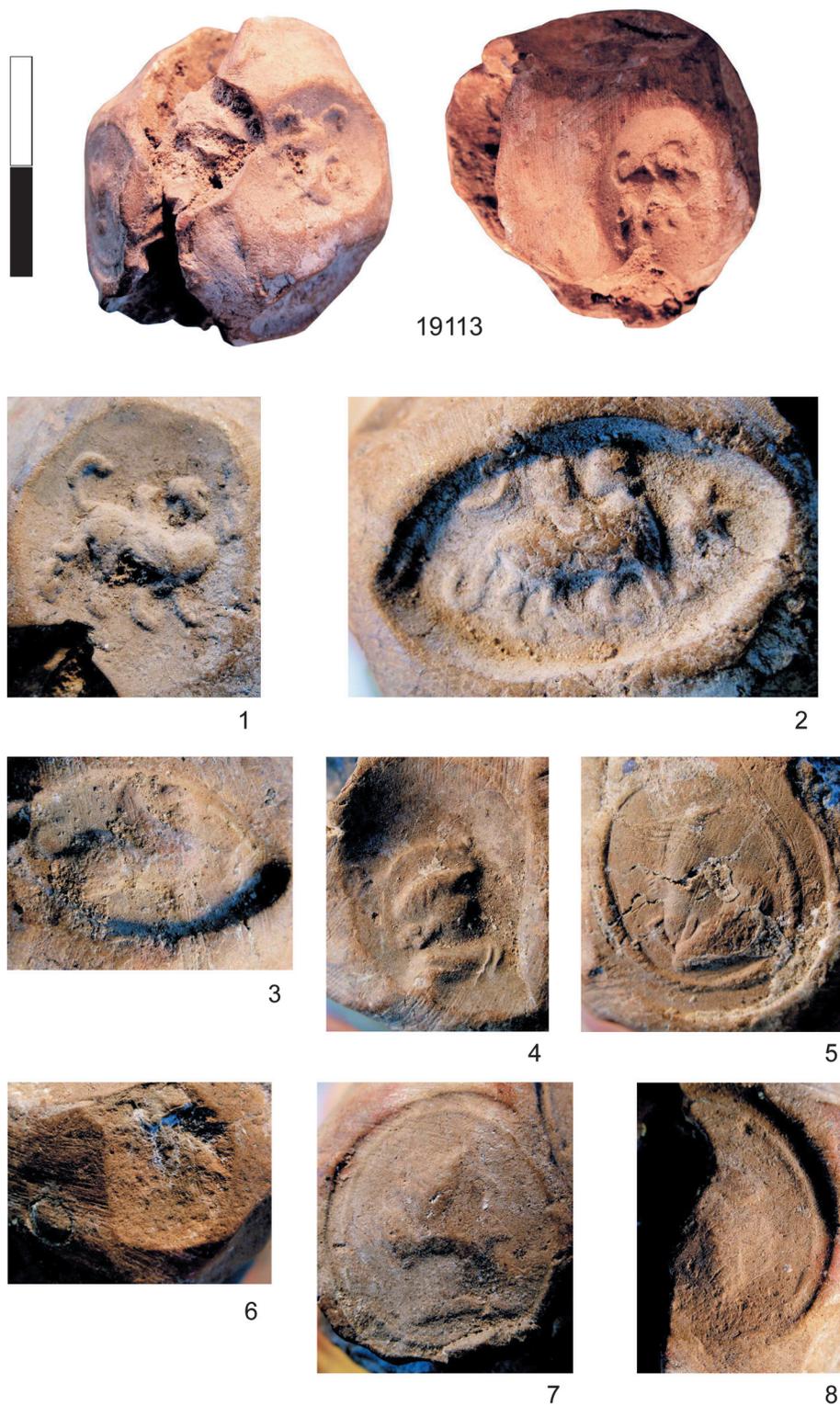

Таблица 3. Булла ДВ-19113, оттиски 1–8

Таблица 4. Булла ДВ-19114, оттиски 1–8

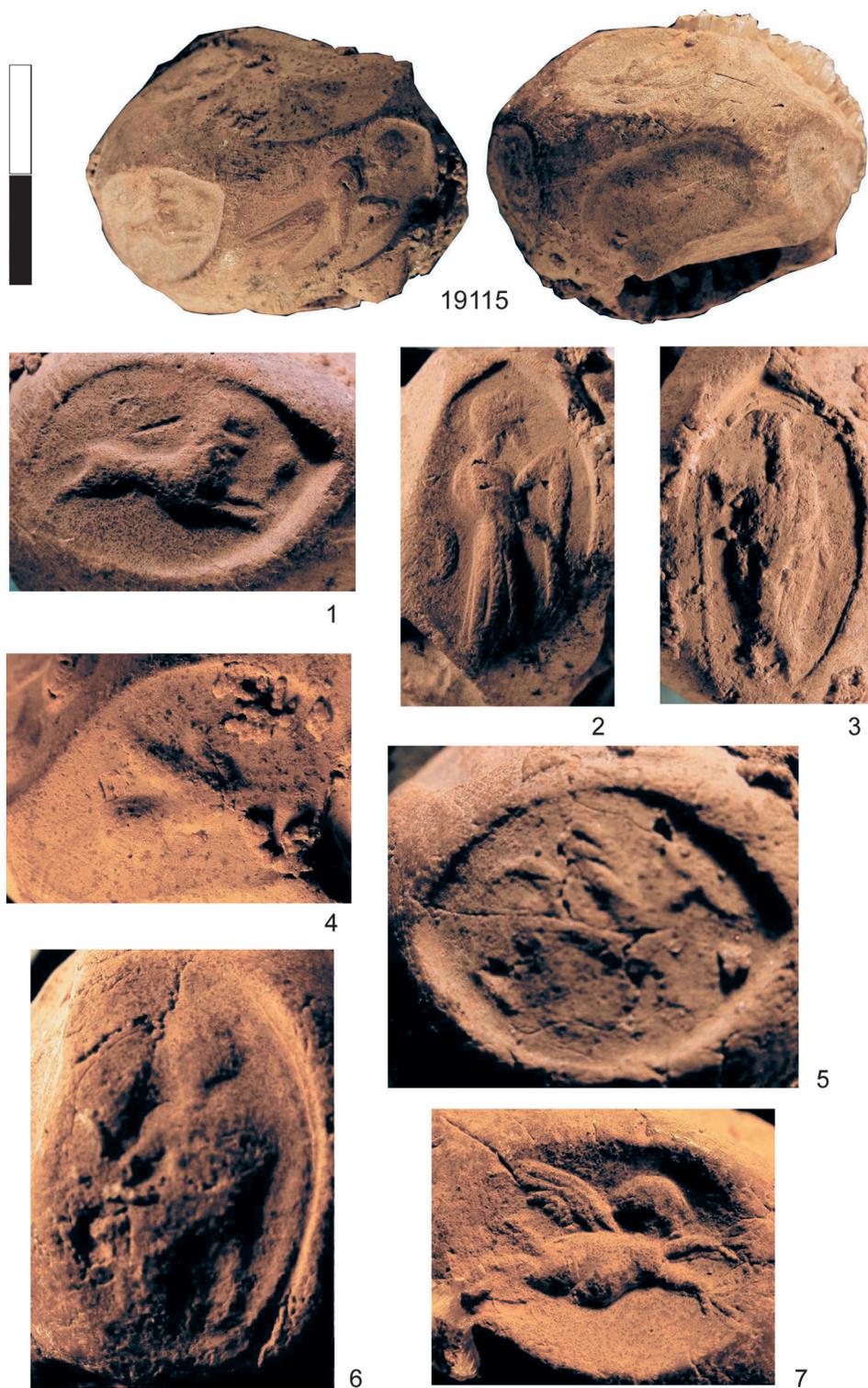

Таблица 5. Булла ДВ-19115, оттиски 1–7

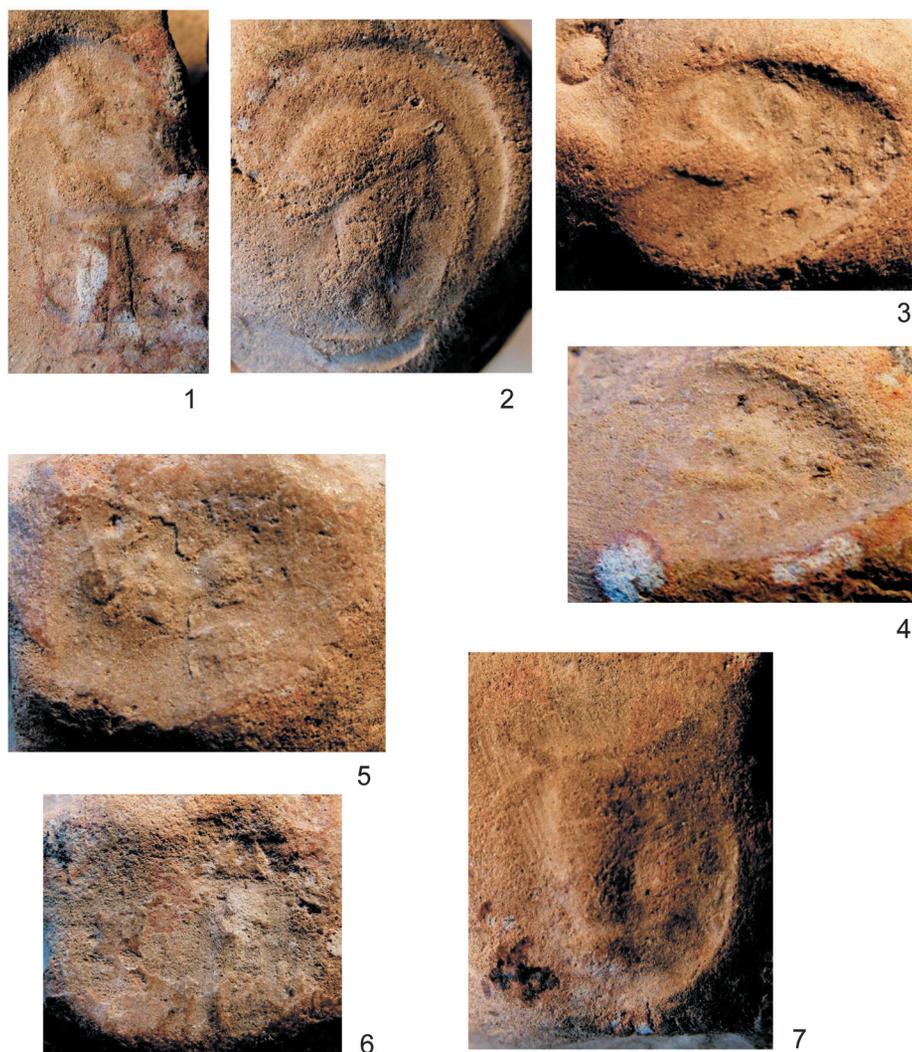

Таблица 6. Булла ДВ-19116, оттиски 1–7

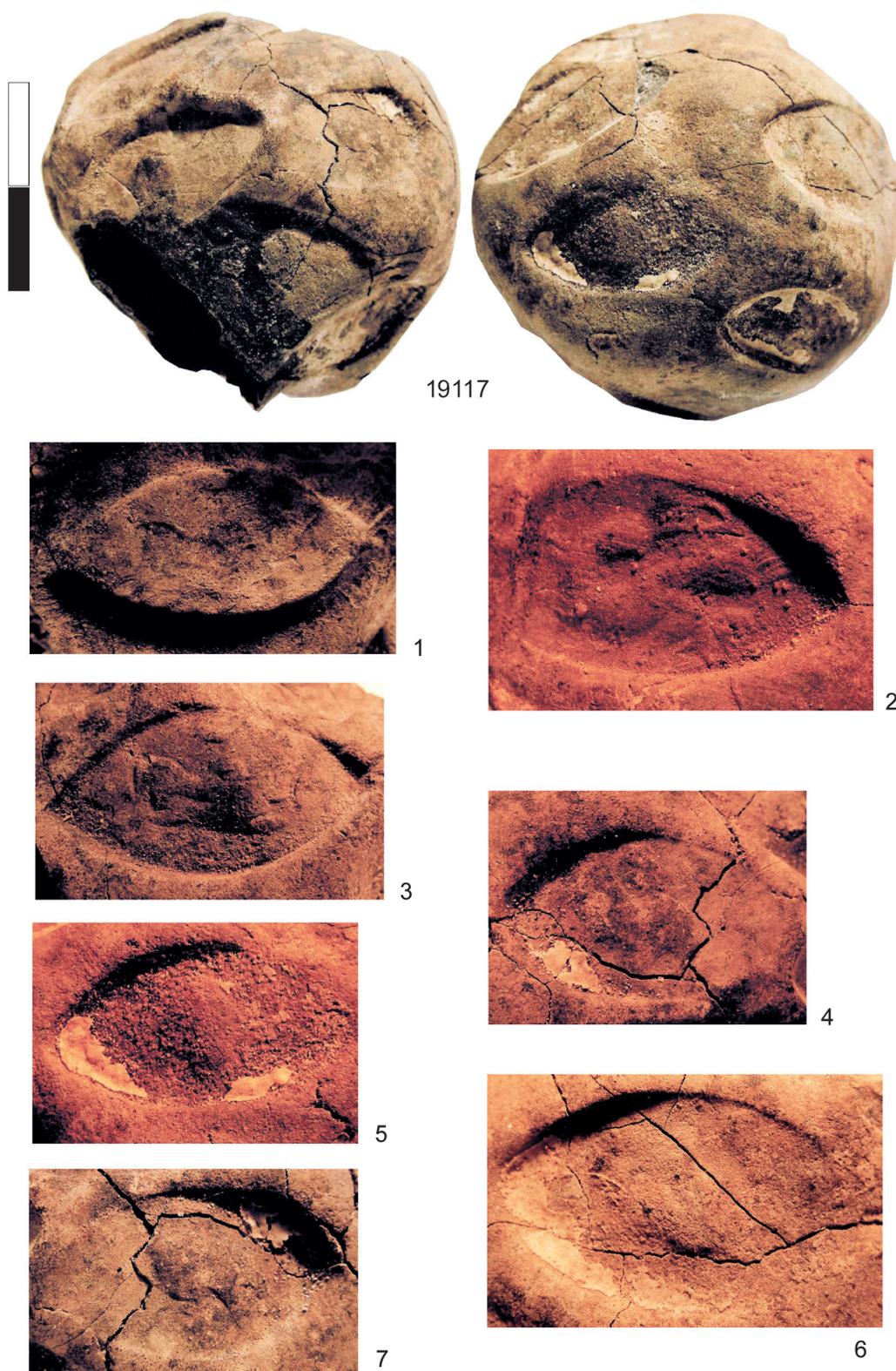

Таблица 7. Булла ДВ-19117, оттиски 1–6

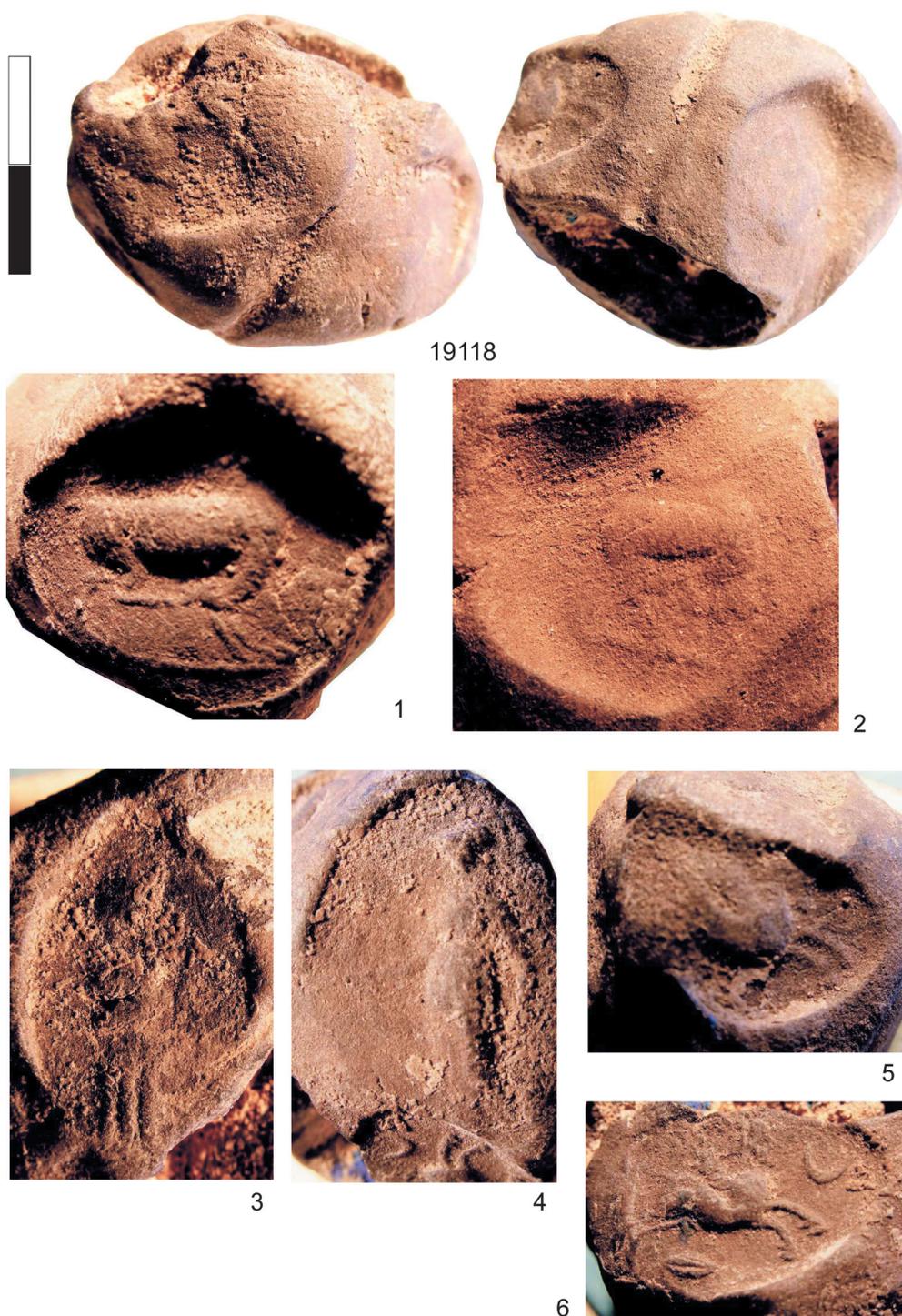

Таблица 8. Булла ДВ-19118, оттиски 1–6

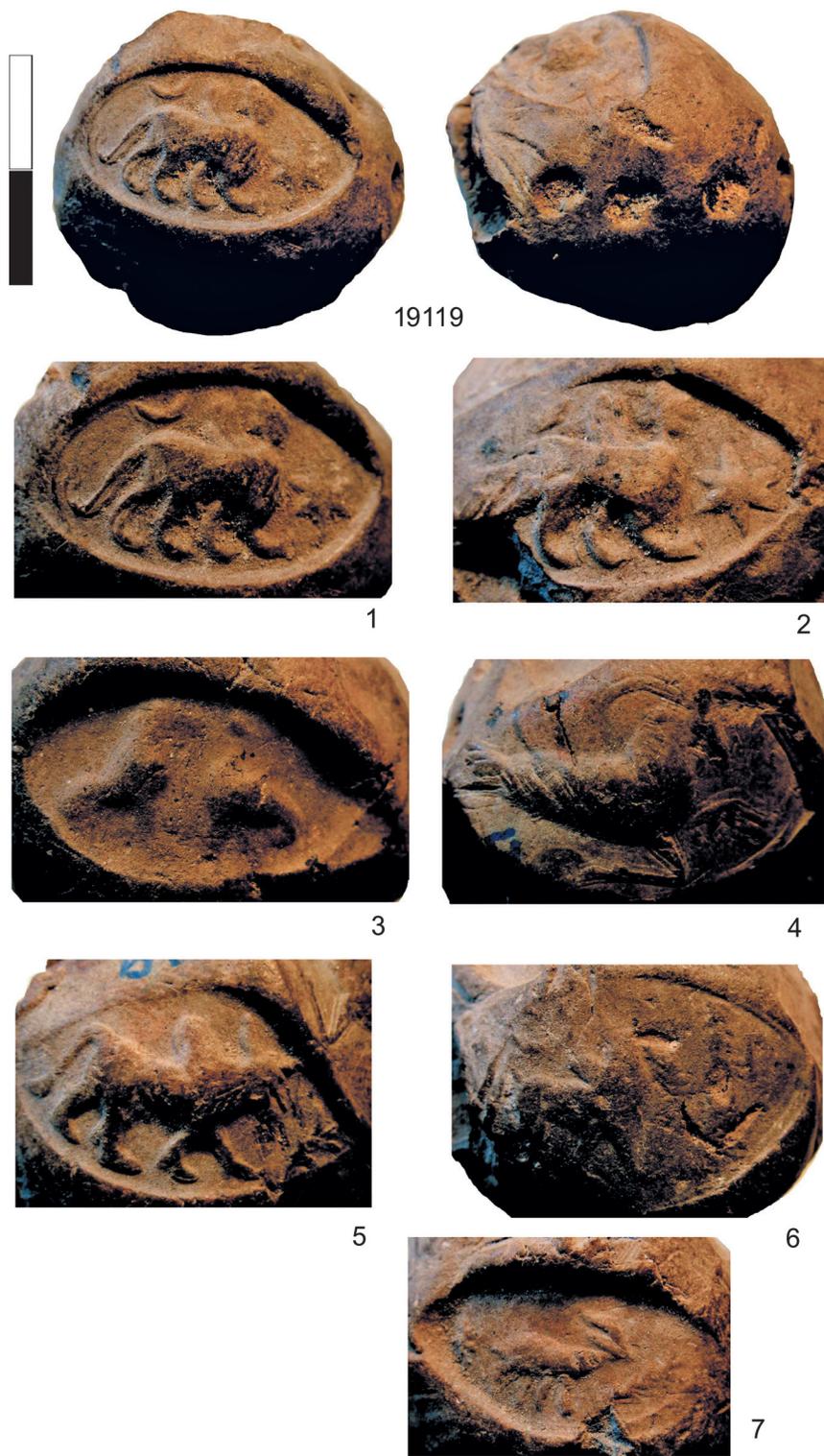

Таблица 9. Булла ДВ-19119, оттиски 1–7

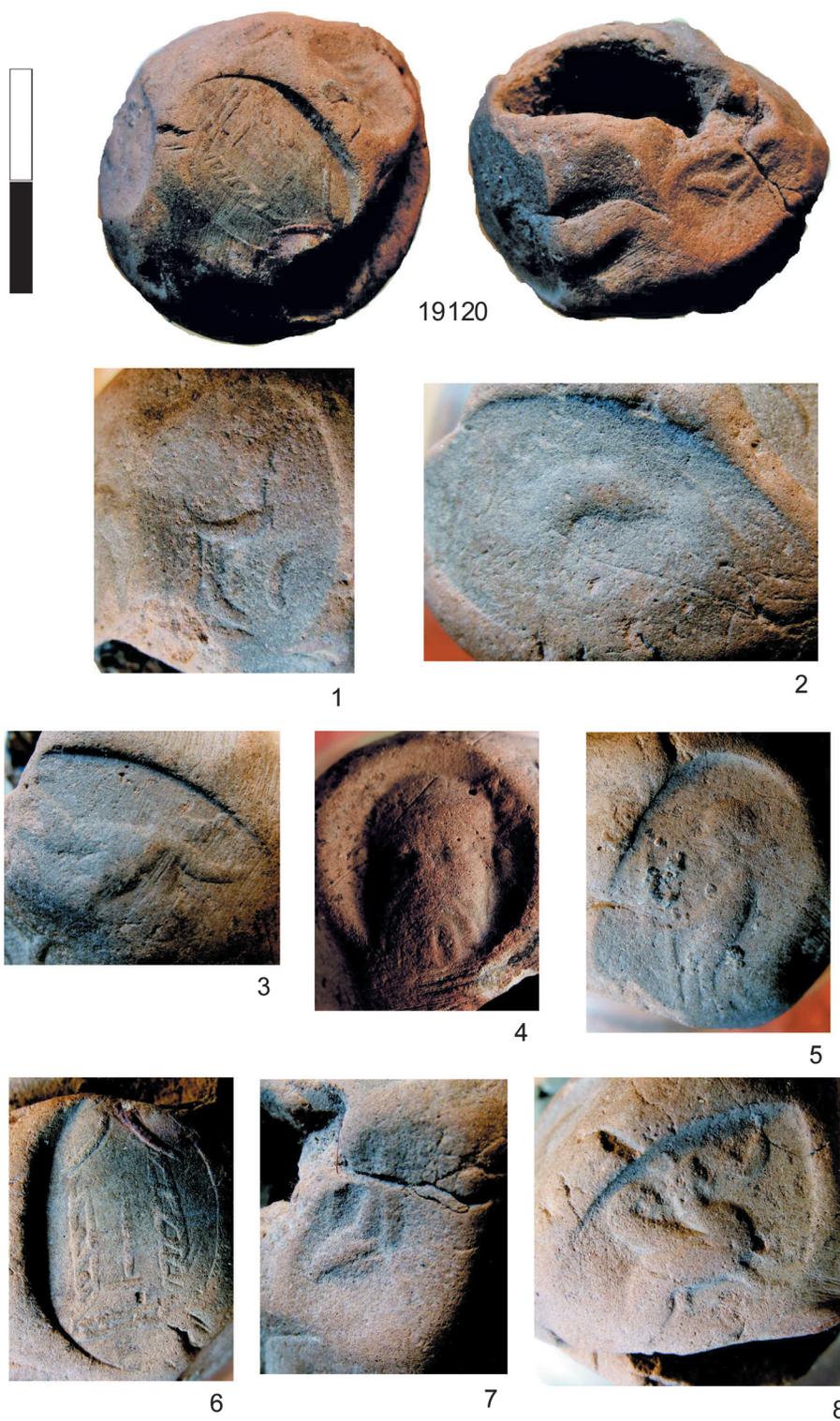

Таблица 10. Булла ДВ-19120, оттиски 1–8

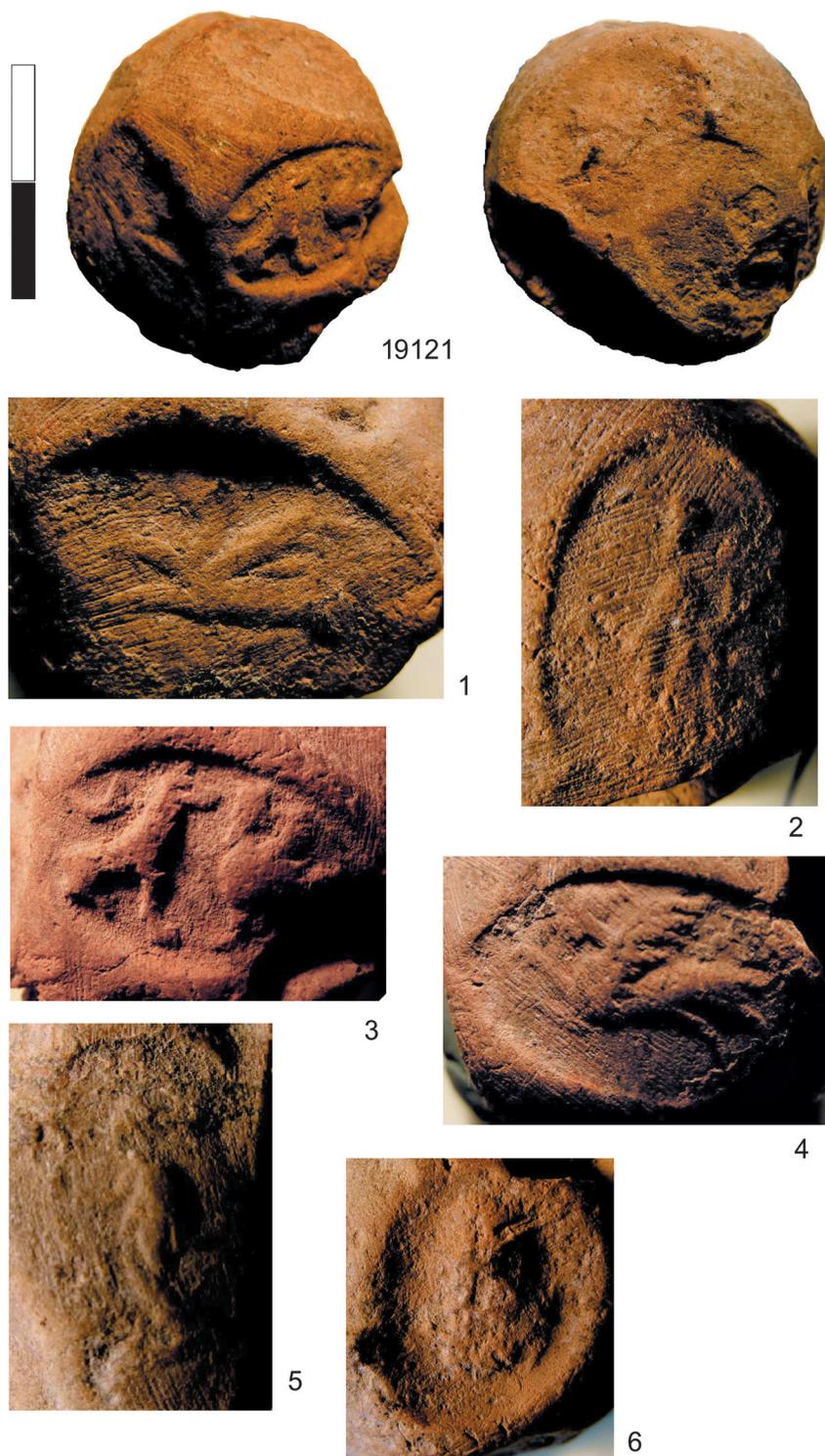

Таблица 11. Булла ДВ-19121, оттиски 1–6

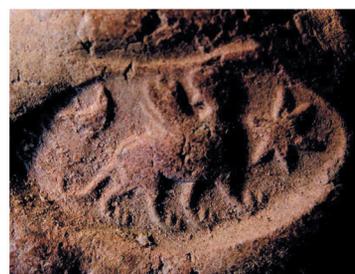
Таблица 12. Булла ДВ-19122, оттиски 1–2

19123

1

2

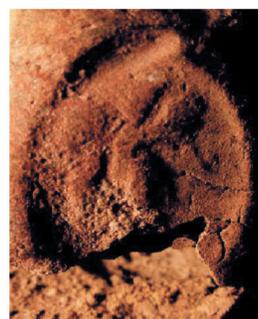
3

4

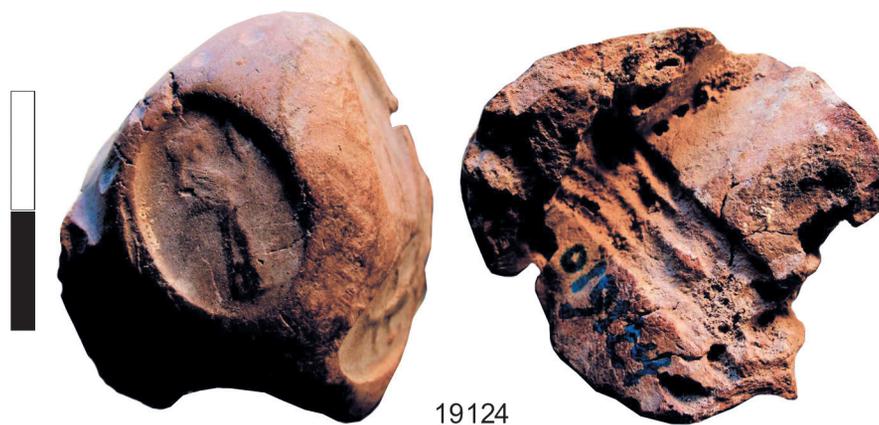

5

6

Таблица 13. Булла ДВ-19123, оттиски 1–6

19124

1

2

4

3

Таблица 14. Булла ДВ-19124, оттиски 1–4

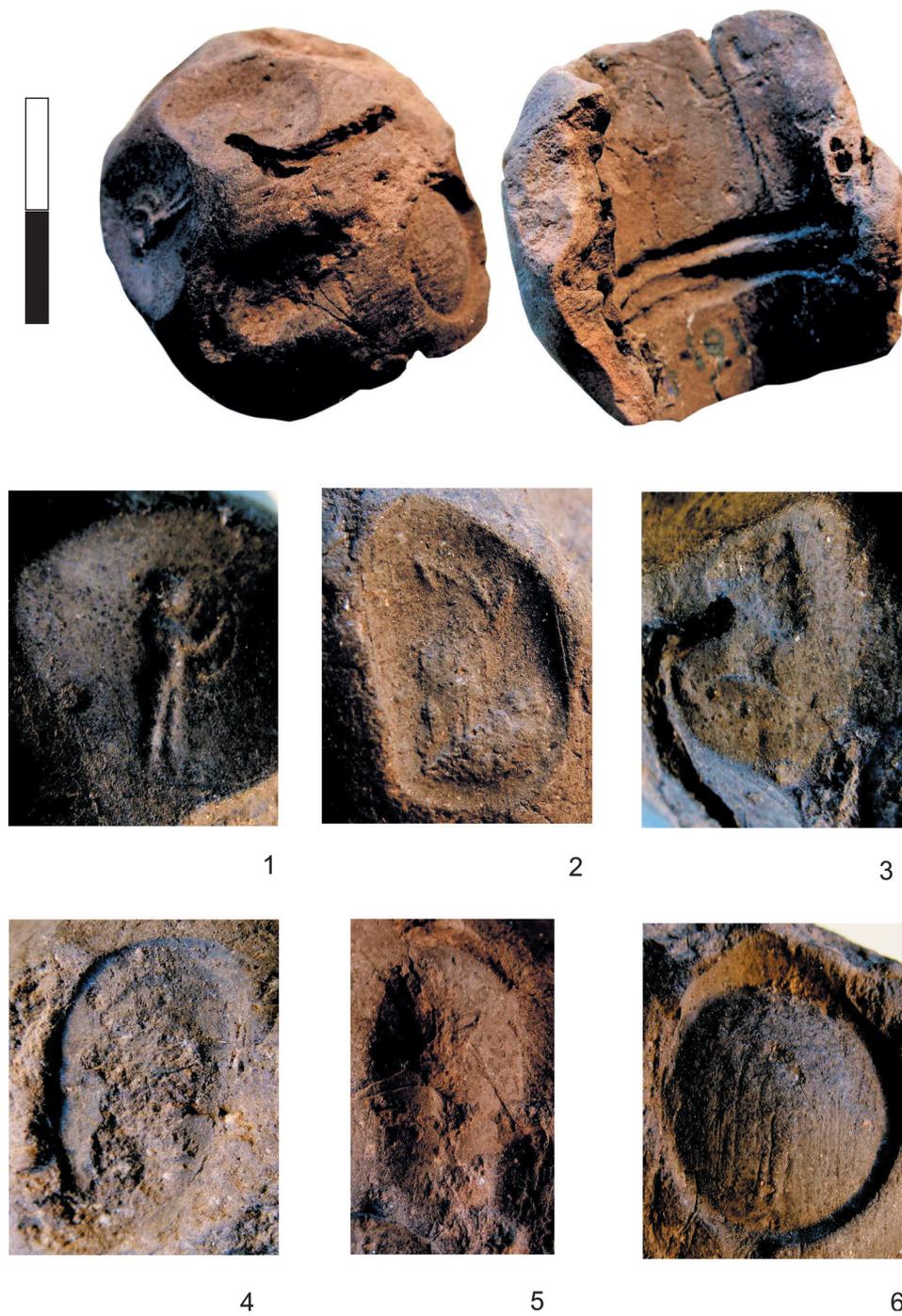

Таблица 15. Булла без номера, оттиски 1–6

ЛИТЕРАТУРА

- Дьяконов И. М. 1999. Книга воспоминаний. Санкт-Петербург.
- Кошеленко Г. А. 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. Москва.
- Dandekar R. N. 1954. The Twenty-third International Congress of Orientalists, Cambridge // *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute* 35/1–4, i-xxviii.
- Doty L. T. 1979. An Official Seal of the Seleucid Period // *Journal of Near Eastern Studies* 38/3, 195–197.
- Seleucia al Tigris. Le impronte di sigillo dagli Archivi. 2004. Ed. by A. Invernizzi. I–III. Alessandria.
- McDowell R. H. 1935. Stamped and Inscribed Object from Seleucia on the Tigris. *Ann Arbor*.
- Rostovtzeff M. 1932. Seleucid Babylonia. Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions // *Yale Classical Series* 3, 33–114.
- Wallenfels R. 2015. Seleucid Babylonian “Official” and “Private” Seals Reconsidered: A Seleucid Archival Tablet in the Collection of the Mackenzie Art Gallery, Regina // *Journal of Ancient Near Eastern History* 2 (1), 55–89.

Л. О. Смирнова

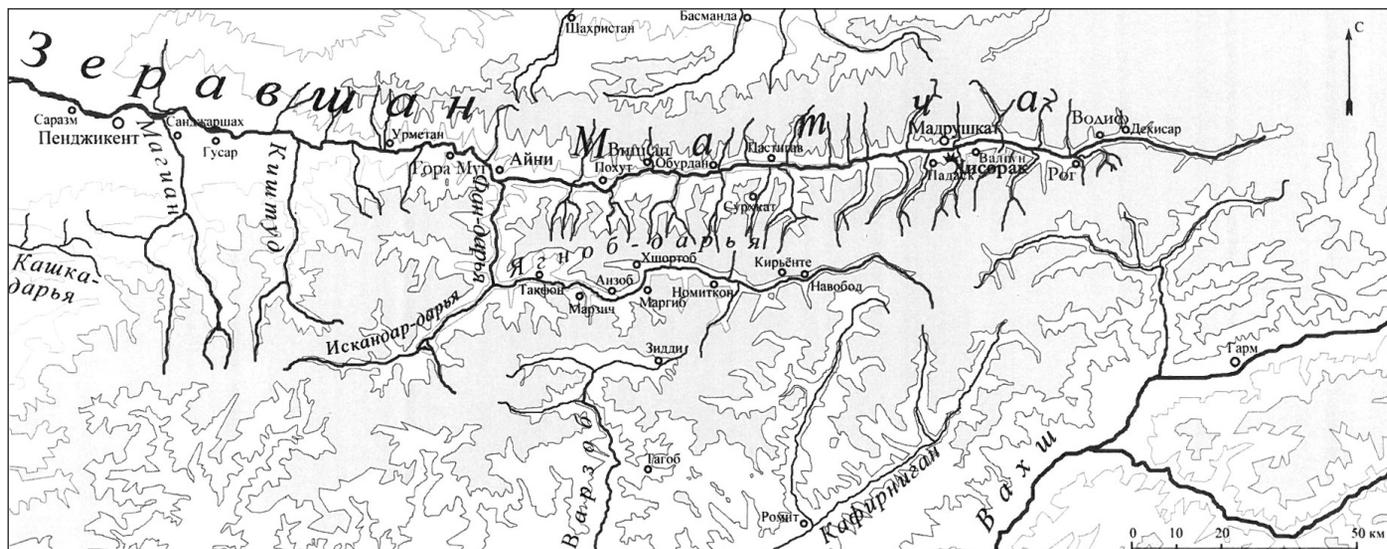
ДАТИРОВКА УСАДЬБЫ НА ГОРОДИЩЕ ХИСОРАК В ТАДЖИКИСТАНЕ

Аннотация. Городище Хисорак известно уже давно, и последние 10 лет его активно исследует Пенджикентская археологическая экспедиция. Однако несмотря на это, датировка городища не установлена. В статье описана история изучения городища Хисорак, сделано общее описание памятника, прослежен порядок возведения исследуемых на городище объектов. Самым поздним из видимых на поверхности объектов казался Замок коридорно-гребенчатой планировки (Цитадель II), для его строительства были частично разобраны стены Дворца, украшенного живописью и резными панелями (Цитадель I). Основным материалом для настоящей работы стали раскопки объекта Усадьба 1 на шахристане, при исследовании которого было выделено три строительных периода. Для датировки Усадьбы 1 автор проанализировал как формировались слои на объекте, выделил строительные периоды и максимально чистые комплексы керамики. Особенность Усадьбы в том, что лишь в одном из девяти помещений на полу была найдена керамика – почти целый котел. Так как основной керамический материал – это фрагменты из строительных конструкций (кирпичей и строительного раствора), то мы можем говорить только о строительных периодах Хисорака и лишь предполагать периоды обживания. Поиск аналогий формам и, в основном, венчикам сосудов осуществлялся как в памятниках верховьев Зеравшана (Холикназар, Мустафотепа, Тали Хамтуда), так и за пределами этого региона: на Афрасиабе, в Топрак-кале, Мерве, Зар-тепе, Термезе, Дальверзин-тепе, Кампыртепа и др. памятниках. Результатом исследования стало два вывода: 1. Два первых строительных периода Усадьбы можно датировать 4 и рубежом 5–6 вв. соответственно, третий – 10–11 в.; 2. На самом городище в целом можно выделить три независимых периода обживания – 3–5 вв. (Усадьба 1 и Дворец (Цитадель I)), 7–8 вв. – замок (Цитадель II) и период обживания развалин – 10–11 вв.

Ключевые слова. Хисорак, Согдиана, Средняя Азия, Зерафшан, археология, античный период, Пенджикентская экспедиция, керамика

Abstract. In the course of the last ten years the site of Hisorak has been actively explored by the Penjikent archaeological expedition of the State Hermitage. However, the date of the foundation of the site is still unknown. The present article surveys the results of archaeological works at the site, presents its general description and traces the sequence of the principal structures built there. The latest of these buildings is the Castle with corridors (Citadel 2). Materials for the Castle were obtained from the partly dismantled Palace (Citadel 1), its walls decorated with paintings and carved panels. The principal interest for our study presents the object conventionally indicated as Manor 1 within the Shahrستان. Three building periods have been distinguished there. To date them it was necessary to distinguish sets of pottery obtained from each strata. Only one of the nine excavated rooms revealed a whole ceramic form, a cattle. The major part of ceramic materials are small fragments found within walls and other constructions, so one can talk only of the building periods but not of the time when the structures were used as dwellings. Parallels to the forms discovered, most of them rims of vessels, come from the sites of the Upper Zerafshan (Kholiknazar, Mustafotepe, Tali Hamtuda) as well as beyond this area (from Aftasiab, Topraq Qala, Merv, Zar-tepe, Dalverzin, Kampyr-tepe and other sites). The results of our investigations allow us to make two statements: 1) The first two building periods of Manor 1 can be dated to the turn of the 5th and 6th centuries ad, and the third – to the 10th–11th centuries. 2) there were three distinct periods of dwelling traceable for the whole site: the 3rd–5th centuries (Manor 1 and the Palace – Citadel 1), 7th–8th centuries (the Castle – Citadel 2) and the period of its inhabitants living among ruins – 10th–11th centuries.

Key-words. Hisorak, Sogdiana, Central Asia, Zerafshan, archaeology, Antique period, Penjikent expedition, pottery.

Городище Хисорак находится в современном Горноматчинском районе Согдийской области Таджикистана. Координаты места $39^{\circ}44'20''$ с. ш., $69^{\circ}68'50''$ в. д., высота над уровнем моря 2260 м. Памятник расположен у впадения горной реки Волгунд в реку Матча – основной исток реки Зеравшан. На противоположном правом берегу Матчи находится современное поселение Мадрушкат. Реки окружают городище с севера и востока, а вдоль южной его стороны идет тропа, по которой местные жители спускаются к месту, где переправляются через Волгунд (рис. 1, 2).

Рис. 1. Карта верховьев Зеравшана

Статья посвящена описанию раскопок и датировке одного из исследуемых на памятнике объектов – Усадьбе 1. В работе был проанализировано, как формировались слои на объекте, выделены строительные периоды и максимально чистые комплексы керамики в разрушенных конструкциях помещений.

Рис. 2. Вид и план Хисорака

До включения горных территорий верховьев Зеравшана в Российскую империю в 1870 г. информация о районах к востоку от Пенджикента, в Фанских горах, в Матче и Фальгаре редко попадала письменные источники. Однако именно здесь в замке на горе Муг в 1932 г. были найдены согдийские документы, датируемые рубежом 7–8 вв., давшие толчок к историко-археологическому изучению согдийской цивилизации.

В конце 40-х – начале 50-х годов 20 в. Верхнезеравшанский археологический отряд исследовал памятники Паргара, Матчи, Ягноба, Магиана, Кштута, правого берега реки Зеравшан и окрестностей современного города Пенджикента.¹ Результатом разведок в 1947–50-х гг. и сопоставления О. И. Смирновой археологических памятников с письменными источниками стало создание археологической и исторической карты первой четверти 8 в.²

Разведочные и раскопочные работы продолжались и позже. В верховьях Зеравшана возглавляли археологические отряды А. М. Мандельштам³, Б. Я. Ставиский.⁴ В 1974 г. для обследования зоны канала им. XXV партсъезда КПСС А. Исаков возглавил хозрасчетный Косаторошский отряд.⁵ В 70-х гг. в Куме и Гардани-Хисоре вел раскопки Ю. Я. Якубов.⁶

Памятники верховьев Зеравшана интересны в рамках самых разных проблем, ставившихся в свое время советской наукой. Б. Я. Ставиский формулировал задачу широко и в своей статье «Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов Зеравшана (Кухистан)» выделил три основных этапа заселения Верховьев Зеравшана оседлыми земледельцами: кушанский (2–1 вв. до н.э. – 1–4 вв. н.э.), домусульманский раннесредневековый (5–8 вв.) и, наконец, 10–12 вв.⁷

Ю. Я. Якубов на материалах Гардани-Хисора и Кума изучал вопросы типологии и динамики развития сельских поселений, их структуры, экономического потенциала и населения, социального строя.⁸ Его публикации активно привлекают для сравнения согдийских городских и сельских поселений.

У. Эшонкулов в рамках работы Косаторошского отряда и позже проводил археологические и этнографические разведки в Верховьях Зеравшана с целью исследования развития многоотраслевой земледельческой культуры таджиков.⁹

Археологическое исследование Хисорака. Хисорак, помимо общих вопросов, интересен еще и как один из самых крупных, после Пенджикента, археологических памятников в верховьях Зеравшана. По мнению Ю. Я. Якубова, «исследование этого городища чрезвычайно важно для решения многих политических, экономических и социальных вопросов совсем еще не изученного района».¹⁰

Ввела городище Хисорак в научный оборот О. И. Смирнова. Она опубликовала описание и глазомерный план памятника, выполненный В. Л. Ворониной.¹¹ Она же предложила идентифицировать Хисорак с *mrtšt-* согдийских документов с горы Муг и предположила, что дата начала его существования относится к кушанскому времени.¹² В 1965 г. Б. Я. Ставиский, А. П. Кусургашева и Б. И. Вайнберг предприняли неудав-

¹ Смирнова 1953.

² Смирнова 1961.

³ Мандельштам 1965.

⁴ Ставиский 1958; 1959.

⁵ Исаков 1980, 210.

⁶ Якубов 1976; 1988.

⁷ Ставиский 1988, 4–5.

⁸ Якубов 1976; 1988; Ставиский 1988, 5.

⁹ Эшонкулов 2007, 3.

¹⁰ Якубов 1988, 56.

¹¹ Смирнова 1953, 183.

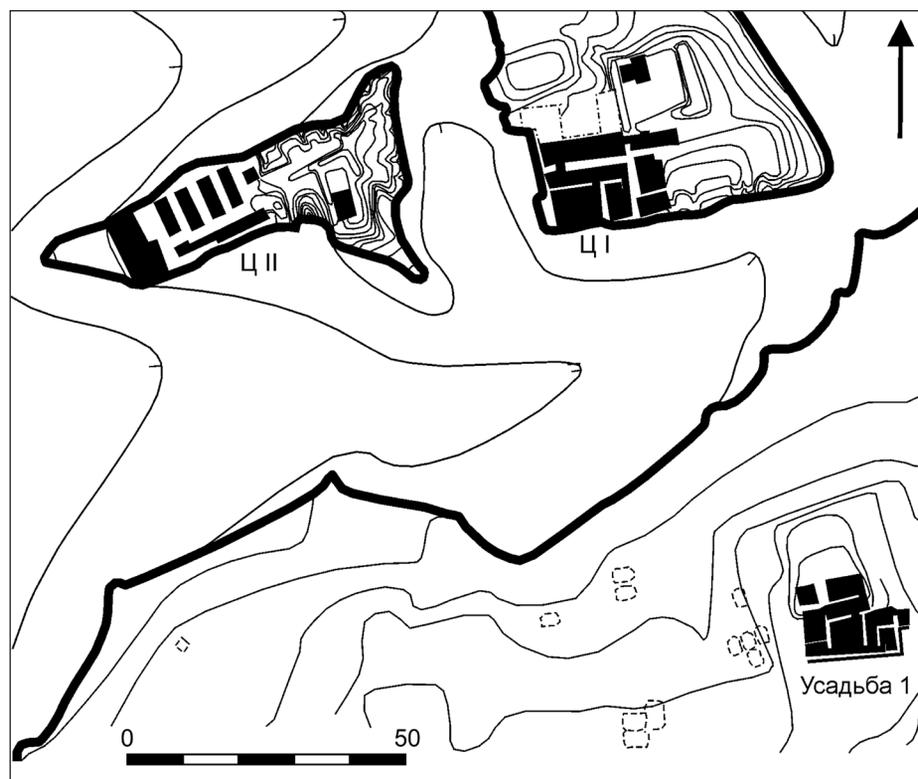

Рис. 3. Расположение объектов на 2013 г.

шую попытку добраться до памятника со стороны кишлака Волгунд. В 1981 г. Ю.Я. Якубов добрался до Хисорака со стороны кишлака Падаск и заложил разведывательный раскоп, расчистив одно помещение и собрав керамику 5–8 вв. В 1998 г. на Хисораке работала небольшая совместная экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. Дониша АН Таджикистана, Российского Государственного гуманитарного университета и Государственного научно-исследовательского института реставрации (РТАЭ 1998), которая исследовала четыре помещения на Цитадели I.¹³

С 2010 г. Хисорак исследует Пенджикентская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством П.Б. Лурье. Работы велись и ведутся на трех объектах городища: Замок (Цитадель II, руководитель работ на объекте П.Б. Лурье), Дворец (Цитадель I, руководитель работ на объекте Н.В. Семенов) и Усадьба 1, раскопки которой в 2011–2013 гг. вела автор настоящей статьи (рис. 3). Подробные отчеты о работах в каждом сезоне можно найти в сборниках «Материалы Пенджикентской археологической экспедиции».

Хисорак в научный оборот вошел под названием «городище».¹⁴ Формально планировка Хисорака соответствует схеме города¹⁵: шахристан, примыкающая к шахристану цитадель (Цитадель I – Дворец с наиболее монументальными зданиями, украшенными живописью и резными деревянными панелями, и обслуживавшие его постройки), отдельно стоящий замок (Цитадель II – коридорно-гребенчатой планировки замок). Есть еще

¹² Смирнова 1961, 229.

¹³ Ставиский, Якубов, Гарифуллина, Давутов 2000, 59–68; 2000а, 240.

¹⁴ Смирнова 1953, 181; 1961, 224.

¹⁵ Бартольд 1963, 120–121; 1966, 172–195; Воронина 1959, 87–88.

Цитадель III – остатки построек на отдельном труднодоступном горном останце¹⁶ (рис. 2). Так же раскопано несколько погребений в стороне.¹⁷ Общая площадь памятника более 7 га.¹⁸

В научной литературе нет четких различий между городскими и сельскими поселениями Средней Азии. Основной критерий – лишь размер поселения. Нет и общей для всей Средней Азии типологии археологических памятников. Для каждого региона она своя. В некоторых случаях происходит даже смешение понятий «городское/сельское поселение» и «тип археологического памятника».¹⁹

Ю. Я. Якубов выделяет четыре типа памятников в горном Согде: 1. Укрепленные замки типа замка на горе Муг (замки небольшого размера, являющиеся отдельно стоящим зданием, в котором не более 10–12 помещений); 2. Двухъярусные памятники, типа Ботур-тепе (замок и поселение). Ни один памятник этого типа не раскопан полностью; 3. Памятники типа Гардани-Хисор (замок на платформе с входной постройкой и на склоне поселения, окруженное оборонительной стеной). По своей структуре он напоминает двухчастный город; 4. Двух-трехчастные памятники, размер которых, более 3 га, позволяет называть их городищами (Санджаршош, Наврузшош и Хисорак). Все эти типы памятников Ю. Я. Якубов определяет как сельские поселения.²⁰

П. Б. Лурье считает Хисорак городом и описывает его как город, выделяя шахристан, цитадели и следы пригорода на террасе ближе к воде к северу от шахристана. Дополнительным аргументом для него служат упоминаемые в документах с горы Муг развитые в Мартшкате ремесла, что должно соответствовать городскому характеру поселения.²¹ Однако следов ремесленного производства мы пока не обнаружили. Терраса со следами упомянутого П. Б. Лурье *пригорода* пока не исследована и следы стены, отделяющей *шахристан* от пригорода, на поверхности не заметны.

Частично сохранилась окаймлявшая шахристан южная стена. К сожалению, стена, прослеживающаяся в виде вала, тоже пока не исследована. Под ней практически вертикальный обрыв. Стена, по-видимому, построена из кирпича. Кое-где под ней сохранились остатки крупных камней, укрепляющих вертикали горного останца, на котором стоит шахристан. Эти камни сдерживают от обвалов края дневной поверхности при выходе грунтовых вод. Стены городов обычно были толщиной в среднем около 10 м (от 2,5 м – в Беркуткале до 16 м – в Пенджикенте).²² Л. В. Воронина отмечает характерное для ранней согдийской фортификации возведение оборонительных стен из кирпича, но позже стены делали из пахсы и по несколько раз укрепляли ею же.²³ А. И. Тереножкин писал, что, хотя пахса была известна давно, в первые века нашей эры все жилые и нежилые постройки, ограды и даже стены больших укреплений возводили из кирпича. Лишь в 5–8 вв. возрастает удельный вес пахсы в строительстве.²⁴ Здесь, на Хисораке, стена не была укреплена пахсой и скорее похожа ограду поселения по краям обрыва. Ее оборонительные функции требуют дополнительного исследования. Вполне вероятно, когда возник-

¹⁶ Лурье, Семенов, Степанов 2017, 61.

¹⁷ МПАЭ XXI, 53.

¹⁸ МПАЭ XIII, 34.

¹⁹ Якубов 1988, 25–29.

²⁰ Якубов 1988, 29–56.

²¹ Лурье, Семенов, Степанов 2017, 61–62.

²² Исаков 1973, 40–41.

²³ Воронина 1950, 195.

²⁴ Тереножкин 1940, 70.

ла потребность в настоящей обороне, то на самом недоступном горном останце был возведен замок (Цитадель II). Планировка и уличная сеть шахристана тоже пока не исследованы. Судя по расположению объекта Усадьба 1, планировка, скорее, усадебная.

Замок (Цитадель II) – самый поздний из исследуемых объектов. Появление замков коридорно-гребенчатого типа в Согде исследователь согдийской фортификации Г. Л. Семенов и другие исследователи, датировали рубежом 7–8 вв.²⁵ Замок, в который можно попасть, пройдя через Дворец (Цитадель I), очевидно, построен позже последнего, так как строительная яма для него находится тут же на территории Дворца: пом. 6 на Цитадели I – большой провал в поверхности на западном краю горного останца, напротив «входа» в Замок (Цитадель II) (рис. 3–4). Ю. Я. Якубов считал, что эту яму хаусом – водоемом. Однако в качестве водоема это место не могли использовать, так как вода уходит в материк и стекает вниз по стенкам обрыва. Строительные ямы, где делали кирпич и раствор, как правило, располагались недалеко от самих построек. Материковый грунт и культурный слой из них использовали для создания новых сырцовых кирпичей; для горизонтальной заливки швов между кирпичами; грунт мог использоваться в качестве заполнения помещений при очередном повышении уровня полов.²⁶

Для постройки Замка, возможно, частично были разобраны некоторые помещения Дворца. В частности, само помещение 6. В Замке найдены мелкие фрагменты живописи²⁷, в которой П. Б. Лурье отмечал «то же изящество линий, те же цвета, что и в росписи пом. 2 Цитадели I». Размеры найденных в Замке фрагментов – от 3,5 см и мельче – позволяют рассматривать их в качестве строительного мусора. Так же в помещении 5 Дворца найдены аккуратно сложенными большие камни, такие же, как те, которыми укреплены края склонов горных останцов под стенами построек.

Цитадель I, где находится Дворец, – это комплекс помещений, который расположен на отдельном удлиненном в плане горном останце. Остатки построек одной части возвышаются над поверхностью у северного края останца. Другая часть построек группируется в южной его части вокруг пом. 1, стены которого, словно стены донжона, возвышаются над Цитаделью I. Здесь, в южной части, и проходят основные раскопки (рис. 2).

Помещение 1 – квадратный зал, площадью 10×10 м было частично раскопано в 1998 г. Б. Я. Стависким, Ю. Я. Якубовым, З. А. Гарифуллиной, Д. Д. Давутовым. Сверху снято заполнение помещения, а в нижних слоях заполнения в северо-западном углу был заложен шурф. По описанию авторов раскопок 1981 г. стены этого помещения (пом.1) внизу сделаны из камня, а выше – из сырцового кирпича. В завале нашли лишь фрагменты хумов, а на полу обломки кувшина 7–8 вв.²⁸ Проход в пом. 1 найден в 2013 г. и исследован в 2016 г. Ширина щеки прохода и стен помещения около 3 м. Высота сохранности западной стены пом. 1 более 4 м. Нижняя часть стен выполнена из камня на высоту 0,3 м от уровня пола. В помещении зафиксировано два уровня полов, между которыми сделана

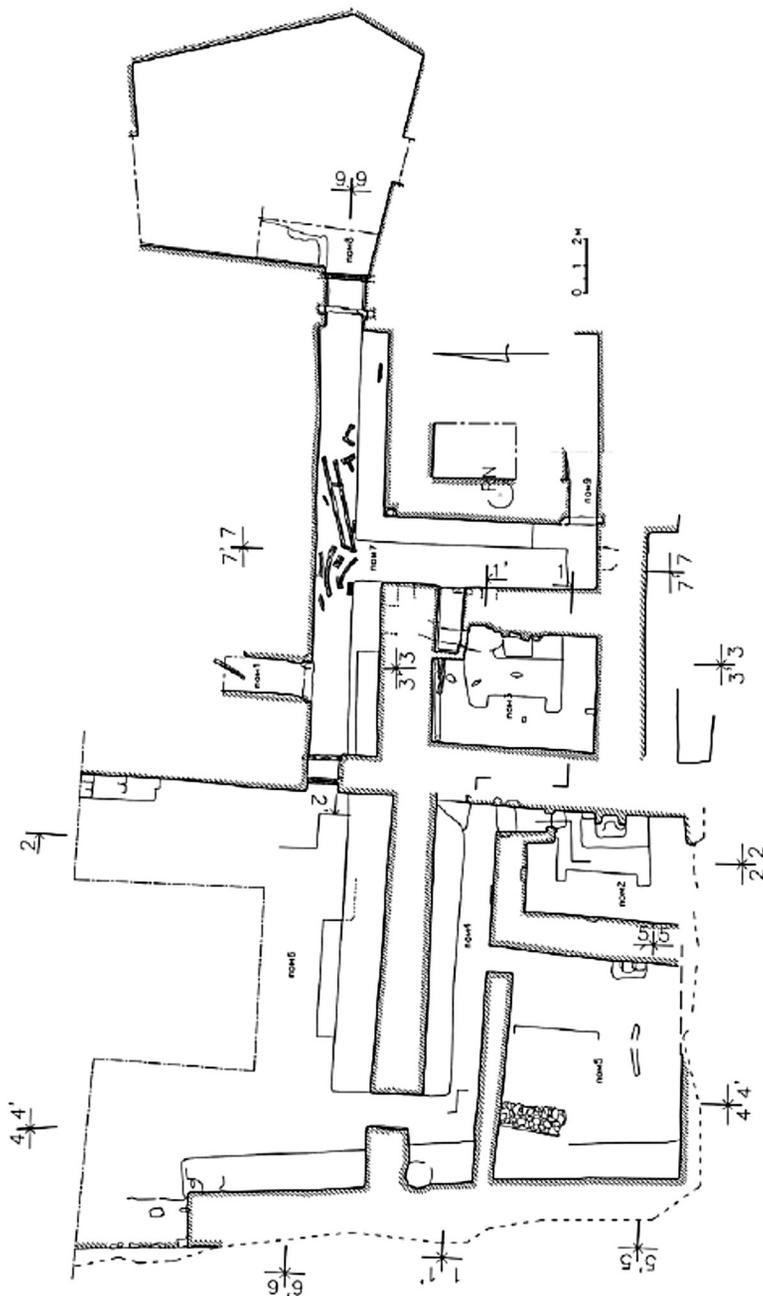
²⁵ Семенов 1996, 170–171; Якубов 1976, 96–116.

²⁶ Завьялов, 2008, 81–82.

²⁷ МПАЭ XV, 45; XVII, 43, 241, илл.151. 6–7.

²⁸ Ставиский, Якубов, Гарифуллина, Давутов 2000, 62–63.

Рис. 4. План раскопанной части Дворца (Цитадель I), 2017 г.

забутовка из гальки. Так же в помещении на высоте 2,8 м зафиксированы следы более позднего периода обживания.²⁹ В отчете за 2017 г. второй пол в новом описании исследованной части пом. 1 был интерпретирован как «слой натека со щебнем», а первый пол назван конструктивным.³⁰

Среди остальных восьми помещений три – помещения типа «капелла» (пом. 2 и 3); жилые коридоры (пом. 4 и 7). Пом. 5 и 6, как было сказано выше, изменили в процессе строительства замка, поэтому назначение их не совсем ясно (в помещении 5 зафиксирован порог дома от более ранних построек). Пом. 8 и 9 еще не исследованы до конца. Руководитель работ на объекте Н. В. Семенов предполагает хронологическую разницу между

²⁹ МПАЭ XXI, 43.

³⁰ МПАЭ XXII, 54, 262, илл. 272.

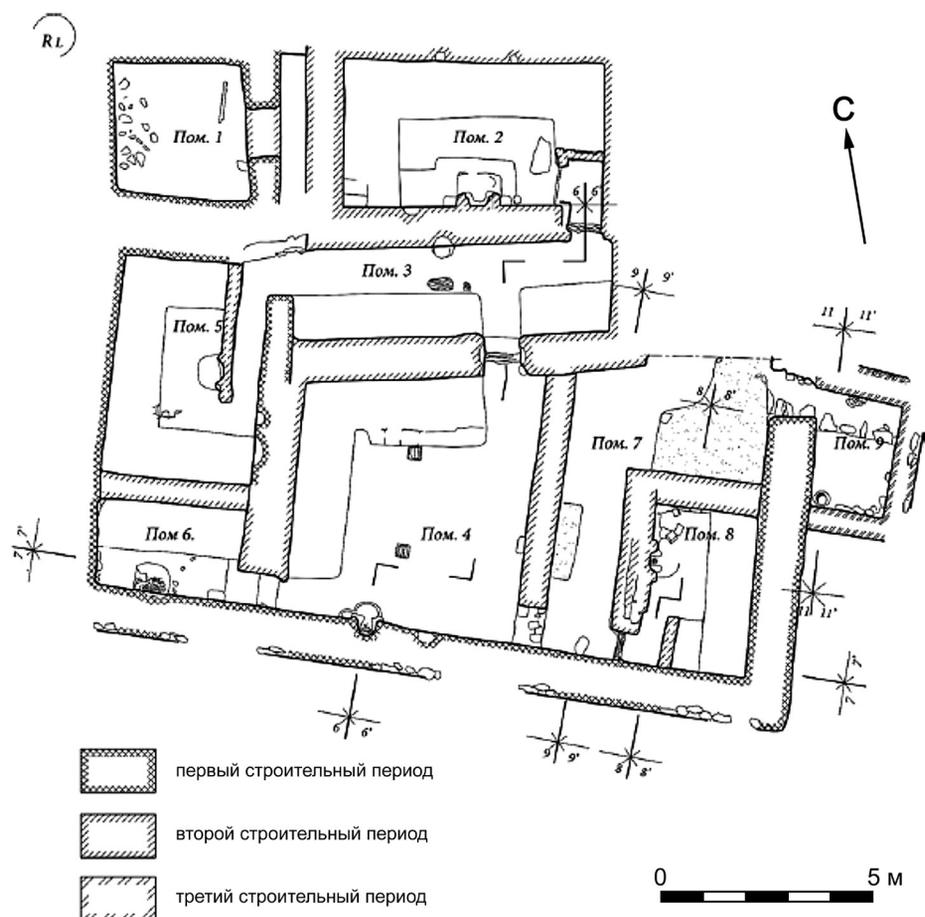

Рис. 5. План Усадьбы 1

пом. 1 и остальными, но более точно порядок их строительства не исследовал. Выявление того, что было на месте Цитадели I до ее преобразования – замок или ряд жилищ, и их датировка стали бы дополнительными аргументами в понимании путей формирования памятника (рис. 4).

Каменный цоколь пом. 1 обращает внимание на одну особенность городища Хисорак. На поверхности шахристана вокруг Усадьбы 1 остатки построек в большинстве своем сделаны из камня. Лишь Дворец, Замок, южная стена шахристана и конструкции II строительного периода Усадьбы 1 сделаны из сырцового кирпича. Современные матчинцы в ближайших к памятнику кишлаках строят из камня. То есть, на начальных этапах существования памятника и после упадка городища местное население использовало и использует камень, и огромные сырцовые постройки выглядят здесь совершенно необычно.

Описание Усадьбы. Усадьба 1 – это отдельно стоящий дом на шахристане. Объект выделялся на поверхности большим сырцовым холмом, в котором кто-то вырыл небольшую грабительскую яму (рис. 5). В настоящее время можно предположить, что Усадьба 1 – это дом, в котором была отдельная закрытая группа жилых помещений со своим внутренним двором и общим хозяйственным помещением. Возможно, что это дом большой семьи, в которой произошел процесс выделения, но не отделения

малых семей («отдельный котел»)³¹. О семейной структуре и отношениях можно будет уверенно судить только после завершения раскопок Усадьбы 1 и сравнительного археологического исследования остатков других крупных построек, находящихся рядом.

На Усадьбе 1 выделено три строительных периода³² (рис. 5).

От I строительного периода остались стены, окаймляющие Усадьбу с запада, юга и востока, и полностью пом. 1. Отличительная особенность этого строительного периода – каменная кладка, сложенная елочкой, из крупной гальки. Возможно, верхняя часть этих стен была выложена сырцовым кирпичом, так как в завалах почти нет камней. В Гардани-Хисор, в котором мы искали ближайшие аналогии Хисораку, по мнению Ю. Я. Якубова, каменная кладка служила для защиты стен от влаги, так как в большинстве построек, где использовался камень, кладка не превышает одного метра. Помимо этого, судя по иллюстрациям, для строительства в Гардани-Хисор использовались рваные куски камня, которые выкладывали горизонтально вперевязку.³³

II строительный период отличают стены, выложенные из прямоугольного сырцового кирпича, которые выделяют нашу Усадьбу среди всех остатков построек на шахристане. Сырцовые стены занимают внутреннюю и северную (еще не раскопанную) часть усадьбы. Из них выстроены основные жилые помещения. Усадьба 1 во II строительном периоде по планировке и архитектуре напоминает планировку и архитектуру хисоракского Дворца в миниатюре. Кирпич в стенах Усадьбы размером 50×24×10 см. Вместо соломы в нем использовали мелкие камешки. Во Дворце кирпич – 50–52×24–25×9–10 см³⁴ и 48–50×24–25×10 см³⁵; в Замке – 50–55×25–28×8–9 см. Прямоугольный сырцовый кирпич представляется исследователям более прогрессивным с точки зрения перевязки швов, ее разнообразия и возможности варьировать толщину стен. Толщина его может быть от 8 до 15 см, ширина от 20 до 35 см, длина – от 30 до 65 см. Преобладающим в 5–8 вв. был формат кирпича с пропорцией 1:2.³⁶ Е. А. Давидович датирует бытование кирпича пропорции 1:2 (26×52×8–10 см) периодом 6–8 вв.³⁷ В. А. Нильсен, исследуя строительные материалы в архитектуре Средней Азии, собрал сведения о датировке размеров прямоугольного (1:2) согдийского кирпича на разных памятниках. В частности, в Фергане в Кала-и Боло, начиная с 6 в., он отмечает размеры кирпича, указанные Е. А. Давидович, а для 4 в. – 48×32×8 см (1:1,5). В Мунчактепа в 4–5 вв. – 48×24×8–10 см. В Северном Тохаристане на Хайрабадтепа с 6–7 вв. – 50×25×8 см; в Джумалактепа с 6–7 вв. – 52–54×26×10 см. В Согде на Афрасиабе с 6 в. – 50×25×10 см. В Пенджикенте в 6–7 вв. использовали кирпич от 42–60×21–30×9–10 см.³⁸ Наиболее характерный размер кирпича в Пенджикенте 48–50×24–25×9 см.³⁹ Г. А. Брыкина отмечает в Фергане появление кирпича, характерного для Пенджикента и Хисорака размера 50×24×10 см, начиная с первых веков I тыс. н.э., но ссылки на конкретные памятники рядом с этим утверждением не дает.⁴⁰

³¹ Воронина 1950, 190–191; Неразик 1966, 112–120; Якубов 1988, 210–215.

³² Под «строительными периодами» автор статьи понимает возведение новых помещений и перестройку стен; поднятие полов, расширение или уменьшение суф внутри помещения, новая штукатурка и т.п. – это «период обживания»

³³ Якубов 1988, 98, рис. 22.

³⁴ МПАЭ XIV, 40 (пом. 3).

³⁵ По обмерам: Ставиский, Якубов, Гарифуллина, Давутов 2000а, 239 (пом. 1).

³⁶ Воронина 1950, 196.

³⁷ Давидович, Литвинский 1955, 73–75.

³⁸ Нильсен, 1966, 204–212.

³⁹ Семенов 1996, 33.

⁴⁰ Брыкина 1982, 50.

III строительный период – это относительно небрежные каменные стены, пристроенные к уже разрушенным стенам и на их завалах. Датировка III строительного периода не вызывает сомнений, так как материал, найденный в забутовке под верхним полом пом. 9, принадлежащего описываемому строительному периоду, относится к 10–11 вв.⁴¹

Есть еще остатки постройки, не относящейся к нашей Усадьбе, от которой осталось основание стены в пом. 7 и 9. Эту стену перекрывает стена нашего I строительного периода.⁴²

Планировка Усадьбы и функции помещений. В период с 2011 по 2013 гг. расчищено девять помещений, из них четыре жилых помещения (три так называемых «капеллы» и жилой коридор) – пом. 2, 5, 8 и 3; закрытый внутренний двор – пом. 4; хлев – пом. 1; хозяйственное пом. 6; коридор, ведущий в основную часть Усадьбы, – пом. 7; пом. 9, пристроенное уже к давним развалинам Усадьбы. Снова отметим, что планировка и архитектура исследованной части Усадьбы 1 напоминает планировку и архитектуру расчищенной части хисоракского Дворца в миниатюре. В обеих постройках мы наблюдаем структуру «коридор + «капелла»». На Усадьбе это пом. 3 и 2, 3 и 5, 8 и 7. Во Дворце это пом. 4 и 2; 7 и 3.⁴³

«Капеллы» на Усадьбе 1 хисоракского шахристана расположены компактно вокруг внутреннего двора, в части дома, отделенной от остальных помещений. Во всех «капеллах» выявлены следы хозяйственной деятельности (в очагах-алтарях помещений 2 и 8, без сомнения, много и часто готовили). «Капеллы» – это небольшие прямоугольные помещения (обычно около 5–6×3–4 м) с очажной нишей у одной длинной стены, суфами у трех других и входом, оформленным тамбурной стенкой у угла стены с нишей.⁴⁴ Полностью соответствуют типу «капелл» только пом. 2. Пом. 8, по-видимому, является самым поздним во II строительном периоде и отличается наличием в углу еще одного очага вместо суфы у торцевой стены. А пом. 5, кажется самым ранним из «капелл», западная стена его относится к I строительному периоду, его восточная стена относится также к двум хронологическим периодам, что отмечено на плане. Границы в этой стене проследить без ее разрушения не удалось, а разбор стены тогда не представлялся целесообразным. Отличает это помещение то, что тамбурную стену достроили и к ней приставили очаг. Сам очаг с навесом, но без боковых колон.

П.Б. Лурье посвятил «капеллам» отдельную статью, где изложил историю изучения этого типа помещений, две точки зрения на их функцию – жилая или религиозная, перечислил находки подобных помещений после 90-го года, когда была издана книга В.И. Распоповой «Жилища Пенджикента», как в Пенджикенте, так и на других памятниках. Этот тип помещения встречается в Пенджикенте (13 из 800 помещений – около 1,5%), в Гардани-Хисоре (3 из 70 помещений – 4%), Кум (четыре), Наврузшах (2 из 19 помещений – более 10%) и на Хисораке. Очевидно, что в Верховьях Зеравшана они наиболее распространены. По мнению П.Б. Лурье, в Пенджикенте «капеллы» были атрибутом семейств, связанных

⁴¹ МПАЭ XVII, 263, илл.178.

⁴² МПАЭ XVII, 51–52.

⁴³ МПАЭ, XVIII, 238, илл. 205.

⁴⁴ Лурье 2014, 88.

с Верховьями Зеравшана или даже переселившихся оттуда.⁴⁵ Значительная часть «капелл» в Пенджикенте раскопаны в слоях основного хронологического среза города – второй половины 7–8 вв.⁴⁶

Около источника Кайнар, за пределами городских стен Пенджикента, во дворце 6 в. также была раскопана «капелла» с некоторыми не очень характерными деталями⁴⁷, но доисследование помещения в 2010–2011 гг. показало, что она почти соответствует своему типу.⁴⁸ Комплекс помещений, в который входила «капелла», был заложен кирпичами для создания фундамента под последующие постройки. Кирпичи были положены прямо на пол, на котором не было никаких следов запустения. В закладе в незначительном количестве керамика 5 – первой половины 6 в., однако авторы раскопок датируют время функционирования дворца 6 в., так как он был поставлен на остатках стен 5 в., а массивные стены на шахристане, который находится через овраг от Кайнара начали строить в 7 в.⁴⁹ Г. Л. Семенов отнес время функционирования дворца к III строительному периоду крепостных стен.⁵⁰ II строительный период крепостной стены он датировал по аналогии с внутренними укреплениями цитадели 5 в., отметив, что керамика в закладах относится к I комплексу Пенджикента (5 в. и ранее). IV строительный период, который перекрыл «капеллу», Г. Л. Семенов датирует 6 в.⁵¹ Таким образом, у нас есть некоторые основания удревнить появление помещений типа «капелла» до 5 в.

Датирующие возможности комплексов керамики и формирование слоев. О. И. Смирнова возводила начало существования поселения к кушанскому времени, но не приводила никакой аргументации в подтверждение своего предположения.⁵² Как уже было сказано выше, в 1981 г. Ю. Я. Якубов нашел керамику 5–8 вв., в 1998 г. исследователи из РТАЭ датировали раскопанные ими объекты на Цитадели I – 7–8 вв.⁵³ П. Б. Лурье, опираясь на «подъемный керамический материал (равно как и другие находки)», осторожно называет периодом «наиболее активной жизнедеятельности на городище» – 5–9 вв.⁵⁴ А в своей работе, посвященной бактрийским (тохаристанским) связям Хисорака, П. Б. Лурье, к сожалению, вообще не упоминает ни датировку всего городища, ни отдельных его объектов.⁵⁵

У нас практически нет монетного материала. На поверхности городища была найдена одна монета со стертым изображением. Еще одну арабскую монету 714–715 гг. обнаружили в мусульманском погребении рядом с городищем.⁵⁶ В 2018 г. во Дворце в помещении 9 в припольном (?) слое была найдена бухархудатская драхма с именем халифа ал-Махди, которую авторы раскопок датируют, опираясь на находки таких монет в Пенджикенте, начиная с 760-х гг.⁵⁷ Таким образом, основной датирующий материал на Хисораке – керамика.

В 2012 г. мною была проведена специальная работа по описанию и анализу керамики Хисорака для решения вопроса о верхней дате активной жизни на поселении. Тогда был сделан вывод, что верхняя дата основного керамического комплекса Хисорака не может выходить за пределы начала 9 в. На меня повлиял наш подход к Хисораку как к памятни-

⁴⁵ Лурье 2014, 97.

⁴⁶ Там же, 88–99.

⁴⁷ Маршак, Распопова, Шкода 2010, 376–377.

⁴⁸ Лурье 2014, 92.

⁴⁹ Маршак, Распопова, 2010, 16–17.

⁵⁰ Семенов 1996, 72.

⁵¹ Там же, 77–78.

⁵² Смирнова 1961, 229.

⁵³ Ставиский, Якубов, Гарифуллина, Давутов 2000, 59–68; 2000а, 240.

⁵⁴ Лурье, Семенов, Степанов 2017, 61.

⁵⁵ Lurje 2019, 333–348.

⁵⁶ Якубов 2012, 67.

⁵⁷ МПАЭ XXIII, 59.

ку 7–8 вв.⁵⁸ В работе я опиралась на общий контекст находок и аналогии в максимально раскопанных памятниках – Гардани-Хисор и Кум 7–8 вв. и более поздней керамике Средней Азии. Анализ керамики Кума и Гардани-Хисора сделал Ю.Я. Якубов.⁵⁹ В его описании керамики есть ряд особенностей, которые не позволяют нам полностью опираться на его систематизацию. Прежде всего, он дал общее описание керамики из двух памятников – из Гардани-Хисора, и из Кума. Однако он не публикует некоторые формы гончарной керамики, которая там встречается, хотя упоминает о них. Кроме того, учитывая специфику формирования слоев на Хисораке, о которой ниже, необходимо внимательно отнестись к его утверждению о сохранении форм 5–6 вв. в 8 в.⁶⁰, так как для Кума сам Ю.Я. Якубов предполагает более ранний слой, упоминая большой фрагмент кубковидной красноангобированной чаши.⁶¹

В моем обзоре керамики в 2012 г. были выявлены противоречия подхода к датировке городища: у нас не получилось отнести к 7–8 вв. большую часть керамики ввиду значительных отличий от памятников, датированных 7–8 вв. (Гардани-Хисор и Кум); отмечено отсутствие форм 5–6 вв., характерных для Пенджикента, и было обращено внимание на раннюю керамику на городище.⁶²

История и современное состояние изучения темы керамики античного времени и первых веков нашей эры рассмотрены в работе В.А. Завьялова.⁶³ Существуют различные хронологические колонки: афрасиабская (А.И. Тереножкин, С.К. Кабанов, Г.В. Шишкина), тали-барзинская (Г.В. Григорьев, А.И. Тереножкин), кобадианская (М.М. Дьяконов, Б.А. Ливинский, А.В. Седов), халчаянская, дальверзинская (Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе), яванская (Т.И. Зеймаль), кампыртепинская (С.Б. Болелов), пайкендская (А.В. Омельченко, Ш.Т. Адылов) и т.д. Состояние керамики хисоракской Усадьбы – переработанный для строительства культурный слой предыдущих периодов обживания – пока не позволяет нашему материалу полноценно участвовать в этих дискуссиях. Поэтому в датировке строительных периодов Усадьбы по керамическому материалу на данном этапе я ограничилась простыми поисками аналогий.

Отсутствие посуды для еды и питья (чаши, чашечки, вазы, кубки/бокалы, миски и т.п.) – основных датирующих форм – еще больше усложняет датировку постройки Усадьбы 1. В раскопках Дворца (Цитадель I) столовая посуда лучше представлена. Там найдены венчики чаш или чашевидных кубков (?) закрытого типа, покрытых белым или красным ангобом, диаметр 10–16 см по венчику. Чаши и чашечки с плоским дном были распространены с греко-бактрийского времени до кушано-сасанидского.⁶⁴ Чашевидные кубки с красным или серым ангобом и с венчиком закрытого типа появляются в 4–5 вв.⁶⁵ Так же во Дворце найдены три фрагмента кубков/бокалов (?) с черным и красным ангобом и лощением.⁶⁶ Бокалы дают датировку от 3 до н.э. – 4 в.⁶⁷ В настоящее время у нас практически нет целых форм, найденных на Усадьбе, за исключением пары котлов. О формах сосудов мы можем судить лишь по фрагментам. Относить их ко времени до 5 в.

⁵⁸ МПАЭ XVII, 60–114.

⁵⁹ Якубов 1988, 169–191.

⁶⁰ Там же, 178.

⁶¹ Там же, 183.

⁶² МПАЭ XVII, 65.

⁶³ Завьялов 2008, 154–156.

⁶⁴ Пилипко 1985, 136, 159; Завьялов 2008, 182, рис. 95. 17.

⁶⁵ Кабанов 1964, 87.

⁶⁶ МПАЭ XXII, 268, рис. 283, 12, 14, 22.

⁶⁷ Кабанов 1964, 85.

позволяют различного цвета ангобы (коричневый, черный, белый/серый, красный), лощение, шамот и дресва не только в котлах.⁶⁸ Поиски аналогий формам и, в основном, венчикам сосудов осуществлялись как в памятниках верховьев Зеравшана (Холикназар, Мустафотепа, Тали Хамтуда), так и за пределами этого региона: на Афрасиабе, в Топрак-кале, Мерве, Зартепе, Термезе, Дальверзин-тепе, Кампыртепа и других памятниках.

Строительство Усадьбы. Для отдельно стоящих сооружений в доарабское время одним из основных элементов были платформы, на которых эти сооружения возводили.⁶⁹ В районе верховьев Зеравшана распространено также строительство на материке (замок на горе Муг) или частично на материке, частично на стилобате, если здание возводят на склоне.⁷⁰ Для большинства городищ Средней Азии в целом широко распространена практика частичного сноса обветшавших домов и возведение на их забутованных остатках новых построек.⁷¹ Шахристан Хисорака расположен на практически горизонтальной поверхности большого горного останца. Это отличает его, в частности, от Гардани-Хисора, где стены домов ставили на склоне горы.⁷² Стены I и II строительного периодов Усадьбы в основном стоят прямо на материке, хотя пом. 5 несколько углублено. Пол внутреннего двора (пом. 4) тоже лежит на материке.⁷³ Кое-где, например, в пом. 7 около стены общей с двором (пом. 4) и у стены общей с пом. 3 в полу прослежены пятна от предыдущих построек.⁷⁴ В пом. 9 III строительного периода яма в юго-западном углу показывает, что под первым полом с внешней стороны усадьбы тоже находится материк.⁷⁵ То есть, в I и II строительные периоды старые конструкции были разобраны до или почти до материка и сверху были поставлены новые. Практически аналогичную картину можно увидеть и во Дворце, и в Замке. Постройки стоят на материке. Поэтому при исследовании построек на Хисораке очень важна пенджикенская методика тщательного наблюдения за перестройками помещений, разработанная предшественниками.⁷⁶

Стены I строительного периода выполнены из камня, поэтому глину для кирпичей II строительного периода могли взять со стороны, а для раствора и прочего – использовать культурный слой в непосредственной близости от дома. Ближайший к поселению пласт глины находится в месте, где в 2011 г. работал Ю. Я. Якубов (с юго-западной стороны от памятника, координаты 39°26'21.4"с.ш., 69°40'59.0"в.д.).⁷⁷ Раскапываемый там объект находился на выровненной (?) площадке, которая с запада оканчивалась вертикальной «стенкой» этого глиняного пласта. Сам глиняный пласт сверху был покрыт дерном. По цвету глина подходит к цвету кирпичей как Усадьбы, так и дворца, и это ближайший к памятнику источник такого большого количества глины. Из керамических фрагментов там найден только котел, который Ю. Я. Якубов датировал 6–7 вв. Рисунок фрагмента в публикации не представлен.

Разрушение Усадьбы. Усадьба не была разрушена в результате пожара или неожиданного набега. Ее просто покинули, вынеся из нее все – посуду, вещи. А затем уже из заброшенного дома постепенно вы-

⁶⁸ Сайко 1975.

⁶⁹ Нильсен 1966, 215; Седов, 1987, 49.

⁷⁰ Якубов 1988, 100–101.

⁷¹ Завьялов 2008, 81.

⁷² Якубов 1988, 98.

⁷³ МПАЭ XVII, 48.

⁷⁴ Там же, 50.

⁷⁵ Там же, 51.

⁷⁶ Распопова 1990, 14–18.

⁷⁷ МПАЭ XIV, 65–67.

носили и части строительных конструкций. В частности, во дворе (пом. 4) были вынесены два деревянных столба, от которых остались небольшие когда-то обмазанные штукатуркой квадратные базы. На суфах во дворе сохранились досочки от навеса и глина обмазки с их отпечатками. По-видимому, из пом. 2 были вынесены крупные деревянные балки, от которых сохранились большие прямоугольные отверстия в стенах. Дерево на Усадьбе сохраняется хотя и хуже, чем на других объектах, но не исчезает бесследно. Аналогичную картину можно видеть и во Дворце (Цитадель I)⁷⁸, и в Замке (Цитадель II)⁷⁹, где сохранились лежащими на полу или в завалах отдельные длинные балки или деревянные панели. Их сохранность и малое количество делают совершенно очевидным вывод, что остальные деревянные конструкции были просто разобраны, а это случайно ставшиеся части.

Заполнение помещений. Помещение 1 полностью состоит из стен, в нижней части сделанных из камня (на высоту 1,1 м). В заполнении у южной стены от пола завал камней, у северной – рыхлая земля. Все это почти полностью перекрыто глиняным натеком из размытых кирпичей, по-видимому, с западной стены пом. 2, не связанной с первым помещением. Натек утрамбован/утоптан и почти полностью распространяется на площадь всего помещения. Его уровень 1,1 м от уровня пола. На нем расчищена костровая яма шириной 80 см, глубиной 28 см. Сверху кирпичный завал толщиной около 15 см. Выше находится дерн.

Все стены пом. 1 принадлежат I строительному периоду Усадьбы. Поэтому здесь мы можем увидеть относительно чистый комплекс (комплекс I строительного периода и предшествующих ему построек, зафиксированных под пом.9). Из наиболее характерных форм в его состав входят:

– Кувшин с черным ангобом по венчику (рис. 6. 2). Максимально точная аналогия сечению венчика найдена в Топрак-кале в материале нижнего горизонта, датируемый исследователями 1–3 вв.⁸⁰ На мой взгляд, это вариант кувшинов с выступом под венчиком, образцом которых может быть позднепарфянский кувшин 2–3 вв. из Эрмитажа (ГЭ–19098) или кувшины, представленные в керамике раннесасанидского времени из Новой Нисы⁸¹, на Зар-тепе⁸² и Айртаме.⁸³

– Кувшин с квадратным в сечении венчиком (рис. 6. 3). Такие венчики хорошо представлены в керамике Кобадияна кушано-сасанидского времени⁸⁴ и на Зар-тепе.⁸⁵

– Тулово кувшина (рис. 6. 4). Аналогии форме можно увидеть в подражаниях позднеаримским кувшинам с Зар-тепе.⁸⁶

– Тонкостенная ступка с толстым дном (рис. 6. 4), появление которых Л. М. Рутковская датирует 1 в. до н.э. – 1 в. н.э.⁸⁷

– Массивная уплощенная ручка сосуда (рис. 6. 5), аналогии которой можно встретить в нижнем и втором горизонте Мустафотепа. Автор раскопок датирует эти два горизонта в пределах между 5–1 вв. до н.э.⁸⁸

Пом. 2 и 3, стены которых полностью относятся ко II строительному периоду, практически до верха их сохранности заполнены кирпичами

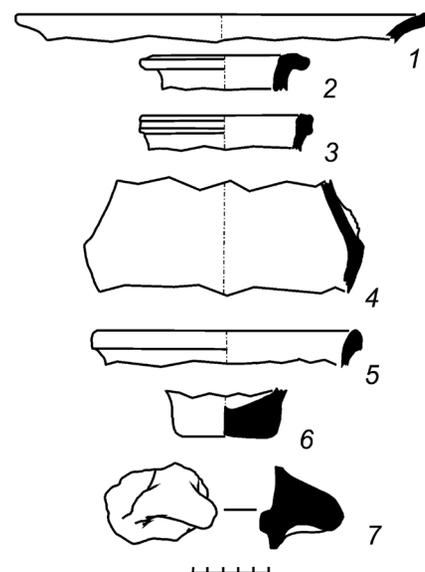

Рис. 6. Керамика из помещения 1 (2 – черный ангоб; 5 – белый ангоб)

⁷⁸ МПАЭ XIII, 39; XVII, 36.

⁷⁹ МПАЭ XV, 45.

⁸⁰ Труды ХАЭЭ XII, 76, рис. 40, 10; 81.

⁸¹ Пилипко 2015, 318, рис. 308. 9.

⁸² Завьялов 2008, 175, рис. 88. 6–7.

⁸³ Вязьмитина 1945, 59, табл. IV. 17.

⁸⁴ Литвинский, Седов 1983, 142; Седов 1987, 55, табл. XIII. 26, XVI. 17, 19.

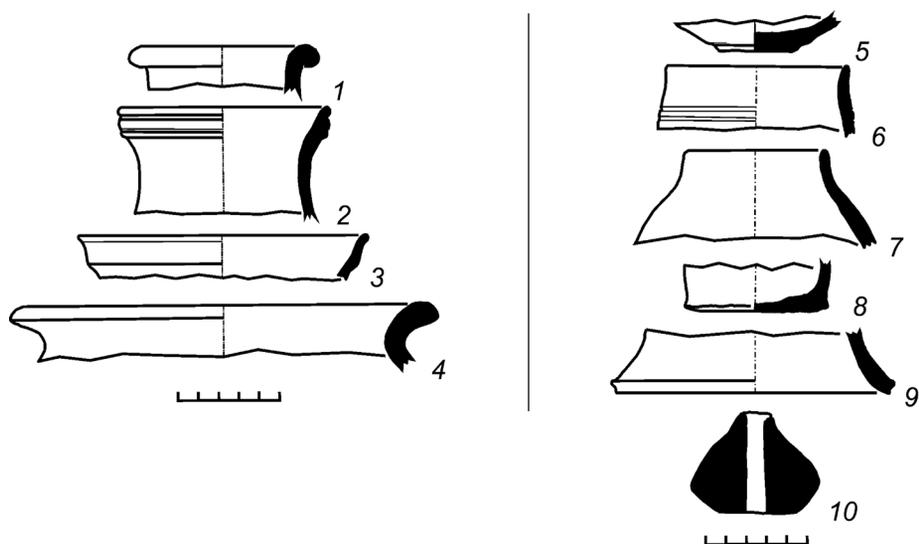
⁸⁵ Завьялов 2008, 162, табл. 74.

⁸⁶ Там же, 219, рис. 104.

⁸⁷ Рутковская 1962, 65, рис. 8, 11.

⁸⁸ Курбанов 2014, 134, рис. 10. 3, 4; 138, рис. 14. 1–4.

Рис. 7. Керамика из помещений II строительного периода. 1–4 – помещение 2; 5–9 – помещение 3 (5 – белый ангоб; 9 – черный ангоб); 10 – с сифы помещения 3

разрушенных конструкций и штукатуркой.⁸⁹ Керамика из заполнения – это чистый комплекс керамики из разрушенных конструкций II строительного периода. Соответственно, в ее составе мы вправе ожидать как керамику из ранних построек, так и керамику, относящуюся только к периоду постройки стен.

Среди наиболее ярких форм из заполнения помещений 2 и 3 мы видим:

– Кувшин (рис. 7. 2) с характерной для Зар-тепе профилировкой/украшением венчика.⁹⁰

– Тонкостенный кувшин (рис. 7. 3), аналогии которому можно увидеть на Зар-тепе⁹¹; в нижнем слое Тали Хамтуда.⁹²

– Широкогорлый сосуд (рис. 7. 4) с характерным изгибом горла и венчика, который встречается на широкой территории от Топрак-калы⁹³ до Зар-тепе⁹⁴, в том числе и в Холикназаре⁹⁵ с первых веков нашей эры до первой половины 5 в.

– Сосуд закрытого типа (рис. 7. 7), аналогия которому находится в керамике Дальверзин-тепе.⁹⁶ Дата комплекса керамики с аналогией 1 – первая половина 2 вв.

– Стакановидный сосуд (рис. 7. 8), сходный с сосудами из комплекса II по Б. И. Маршаку.⁹⁷ Комплекс II датируется концом 5 – началом 6 вв.⁹⁸

– Фрагмент сосуда (рис. 7. 9), которые вызывает некоторые затруднения при рисовании. Аналогии ему встречаются в южном Туркменистане⁹⁹ и датируются очень ранним временем. Сходные формы встречаются в Кашкадарье в комплексах ЕК-11-14.¹⁰⁰

Во всех остальных помещениях, кроме пом. 9, заполнения представляют собой разрушенные конструкции I и II строительных периодов, и керамика в них так же находит аналогии в керамике первых веков нашей эры и раньше.

Помещение 4 – большое по площади, поэтому развал конструкций (кирпичных и каменных) в основном сосредоточен вдоль стен и сходит на нет в центре. Здесь было обнаружено большое кострище, с вертикаль-

⁸⁹ МПАЭ XIV, 61–62, илл. 143; XV, 52, илл. 142.

⁹⁰ Завьялов 2008, 163, рис. 76. 22–24, 32–33.

⁹¹ Там же, 161, рис. 73 (узкогорлые кувшины), 186, рис. 99. 4.

⁹² Курбанов 2014, 181, рис. 60. 9.

⁹³ Труды ХАЭЭ XII, 75, рис. 39. 6.

⁹⁴ Абдуллаев, Аннаев 1990, 16, рис. 3. 7.

⁹⁵ Курбанов 2014, 162, рис. 41. 1–6, 17.

⁹⁶ Дальверзинтепе... 1978, 43, рис. 23.

⁹⁷ Маршак, 2012, 319, рис. 99.

⁹⁸ Семенов 1996, 34.

⁹⁹ Пилипко 2015, 143, рис. 131. 10, 11; 153, рис. 153. 36; 161, рис. 148. 20(?).

¹⁰⁰ Сулейманов 2000, рис. 114. 3; 117. 18; 122. 18; 126. 14.

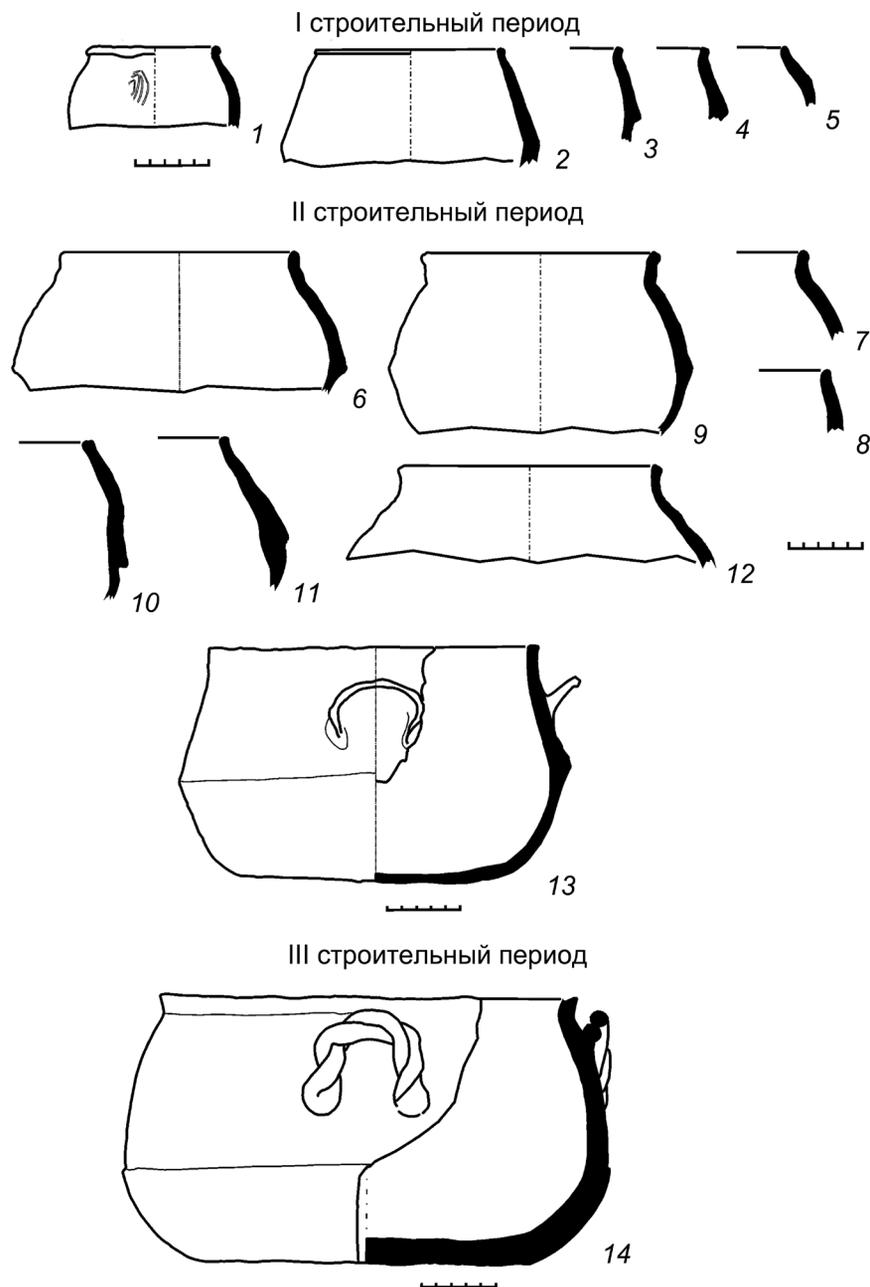

Рис. 8. Типы котлов.

1–5 – из помещения 1; 6–11 – из помещения 2; 12 – из помещения 3; 13 – с пола помещения 6; 14 – из ямы со второго пола помещения 9

но поставленными горевшими кирпичами. Оно было перекрыто относительно тонким слоем разбитых кирпичей¹⁰¹. Однако керамика даже в нем не находит аналогий позднее 4–5 вв.

На Усадьбе во всех помещениях найдены выполненные в форме котлы – всего 59 фрагментов. Они отличаются от пенджикентских. Нет таких котлов ни в Гардани-Хисор, ни в Куме. Можно выделить несколько типов котлов:

– Маленький красноглиняный шарообразный котелок из заполнения пом. 1, аналогии которому встречены на городище Тепаи-шах, датированный 2 – началом 4 вв.¹⁰² (рис. 8. 1).

¹⁰¹ МПАЭ XVII, 48, илл. 163.

¹⁰² Литвинский, Седов 1983, 38, 143, табл. XVII. 7; Седов 1987, 56.

– Котлы с прямым плечиком. Один такой котел найден в заполнении пом. 1 (рис. 8. 2), другой – в заполнении пом. 2 (рис. 8. 11), третий – это развал на полу пом. 6 (рис. 8. 13). Аналогия этим котлам найдена в керамике 3–5 вв. на поселении Кош-тепе 2 в Кашкадарьинском оазисе¹⁰³ и в керамике на цитадели городища Зар-тепе в слоях, которые авторы раскопок датируют по керамике концом 4–5 вв., а по анэпиграфной монете с лицом в фас и самаркандским знаком до первой половины 6 в.¹⁰⁴ Сходные котлы приведены Р. Х. Сулеймановым в комплексе ЕК-16, который датирован им 6 в.¹⁰⁵

– Котлы открытой и закрытой формы с округлым плечиком (рис. 8. 3–10, 12). Они имеют сходство как с шарообразным котелком, так и с котлами с прямым плечиком.

– Котел из ямы, впущенной со второго пола пом. 9, относящемуся к III строительному периоду (рис. 8. 14).

Датировка Усадьбы 1. В обоих ранних строительных периодах мы видим керамику, которой найдены аналогии 3–4 вв., а может, и более древнюю. Один фрагмент красноглиняного котла дает нам предположительную дату 2–4 в., а остальные котлы (в том числе и с пола пом. 6) – 3–5 вв. Кухонная керамика, как правило, более консервативная, чем столовая посуда и может сохранять формы дольше столовой. Поэтому, ориентируясь на красноглиняный котел, чья дата не выходит за пределы 4 в., мы можем назвать датой I строительного периода – время не позднее 4 в.

Наличие в разрушенных конструкциях II строительного периода керамики 3–4 вв. дает нам дату *post quem*. Основанием для датировки II строительного периода в пределах 5 в. в керамическом материале становится стакановидный сосуды – 5–первая половина 6 вв. (рис. 7. 8). В качестве дополнительных аргументов можно привести планировку «капелл» и отсутствие форм и венчиков 5–6 вв., характерных для Пенджикента (чаши с крестом, чашевидные кубки, характерные венчики широкогорлых кувшинов). Хотя размер кирпича не является достаточным основанием для абсолютной даты¹⁰⁶, в ситуации, когда ранние стены выполнены из камня, наличие и размер кирпича также могут указывать на перестройку усадьбы на рубеже 5–6 вв. На то, что в 6 в. усадьба, по-видимому, была заброшена, указывает котел с пола пом. 6, форма которого датируется в пределах с 3 и до первой половины 6 вв.

Стены III строительного периода Усадьбы 1 – периода обживания развалин – по материалу датируются 10–11 вв. У Усадьбы 1 и Дворца (Цитадель I, пом. 2–9) прослеживается большое сходство в планировке и керамических находках, и есть некоторые основания датировать строительство дворца в пределах 3–5 вв., но обоснование его датировки выходит за рамки поставленной в настоящей работе задачи.

Как было сказано выше, Ю. Я. Якубов включил Хисорак в группу самых крупных поселений горного Согда, наряду с Наврузшохом и Санджаршохом. К сожалению, выделив в Наврузшохе на двух объектах две группы керамики соответственно и датировав их 5–6 вв. и 7–8 вв., Ю. Я. Якубов не представил в публикации ее рисунков.¹⁰⁷ В Санджаршохе можно увидеть керамику двух хронологических периодов. Одна группа – это кера-

¹⁰³ Кабанов 1978, 185, рис. 9. 1.

¹⁰⁴ Абдуллаев, Аннаев 1990, 19, рис. 4. 1; 21.

¹⁰⁵ Сулейманов 2000, 185, рис. 133. 1, 6.

¹⁰⁶ Семенов 1996, 33.

¹⁰⁷ Якубов 1993, 296–301.

мика второй половины 7–8 вв.¹⁰⁸ В этой группе встречены шаровидные котлы с подтреугольным венчиком характерным для котлов Афрасиаба, бытовавших до конца 8 в. По мнению Л. Ф. Соколовской, такие котлы послужили модулем для котлов 9–10 вв.¹⁰⁹ Кружки также указывают на довольно развитые формы 8 в.¹¹⁰ Это подтверждают и монетные находки.¹¹¹

Другая группа – керамика 5 – первой половины 6 вв.¹¹². Это красноангобированные чаши, чаши с крестом и даже чаша на ножке, дающая аллюзию на керамику 1–4 вв.¹¹³ По мнению Ш. Курбанова, чаши с крестом сохраняют свою форму с 5 по 8 вв. и встречаются как в ранних, так и поздних слоях¹¹⁴, что противоречит датировке Б. И. Маршака, относящего их к комплексу 5–6 вв. Б. И. Маршак отмечал, что красноангобированные чаши не выходят за пределы 6 в., а представленные в публикации Ш. Курбанова тип *глубокой чаши с крестом* можно отнести к I–II комплексам и датировать 5 – первой половиной 6 вв.¹¹⁵ Факт того, что глубокие чаши с крестом и в Пенджикенте, и на Санджаршохе встречаются как в ранних, так и в поздних слоях, можно объяснить тем, что строительным материалом для стен позднего периода мог послужить культурный слой раннего периода. Предположение, что в восточной части городища Санджаршох существовало поселение 4–5 вв. было сделано еще в 2003 г.¹¹⁶ Вполне возможно, что на городище Санджаршох, так же как и в Наврузшохе, и в рассматриваемом в настоящей статье Хисораке, тоже наблюдается разрыв в обживании. Запустение многих поселений к концу 5 – началу 6 вв. отметил, в частности, С. К. Кабанов в Нахшебе, где были найдены аналогии некоторым формам керамики Хисорака, особенно котлам.¹¹⁷

Таким образом, в настоящее время можно сказать, что, по-видимому, на Хисораке у нас есть три независимых строительных периода: 3–5 вв. (ранние слои Усадьбы 1 и Дворец), 7–8 вв. (Замок) и 10–11 вв. (период обживания развалин). Интерес людей к этому месту может быть связан с тем, что здесь, на южном берегу Зеравшана, находится переправа местного значения через Волгунд.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев К., Аннаев Т. 1990. Раскопки на городище Зар-тепа в 1979–1981 гг. // История материальной культуры Узбекистана 23. Ташкент, 12–25.
- Бартольд В. В. 1963. История Туркестана. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Москва.
- Бартольд В. В. 1966. К истории Мерва. Сочинения. Т. IV. Москва.
- Брыкина Г. А. 1982. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. Москва.
- Воронина В. Л. 1950. Изучение архитектуры древнего Пенджикента (по материалам раскопок 1947 г.) // А. Ю. Якубовский (ред.), Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. (МИА 15). Москва-Ленинград, 189–198.

¹⁰⁸ Kurbanov 2019, 327–328, fig. 5, 6.

¹⁰⁹ Соколовская 2015, 69, 77, рис. 74. 16, 27, 41–43.

¹¹⁰ Маршак 2012, 345, илл.142; Соколовская 2015, 161, рис. 9. 164; 12. 168; 16. 174; 21 и др.

¹¹¹ Санджаршох 2009–2018.

¹¹² Kurbanov 2019, 330, fig. 8.

¹¹³ Тереножкин 1959, 154, рис. VI. 4; рис. VII. 1.

¹¹⁴ Kurbanov 2019, 328.

¹¹⁵ Маршак 2012, 84–85; Семенов 1996, 33–34.

¹¹⁶ Shenkar, Kurbanov 2019, 318.

¹¹⁷ Кабанов 1956, 163, 173; 1977, 94–95.

- Воронина В. Л. 1959. Раннесредневековый город Средней Азии // СА 1, 84–104.
- Вязьмитина И. М. 1945. Керамика Айртама времени Кушанов // Труды АН УзССР. Серия 1. Т. II. Ташкент, 35–65.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А. 1955. Археологический очерк Исфаринского района (Труды АН ТаджССР 35.) Сталинабад.
- Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Завьялов В. А. 2008. Кушаншахр при Сасанидах. Санкт-Петербург.
- Исаков А. И. 1973. Цитадель Древнего Пенджикента. Душанбе.
- Исаков А. И. 1980. Работы Косаторошского отряда в 1975 г. // АРТ 15, 246–264.
- Кабанов С. К. 1956. Археологические данные по истории Нахшеба в III–V вв. // ВДИ 2, 163–174.
- Кабанов С. К. 1964. Ареал и эволюция двух древних керамических форм // СА 3, 79–87.
- Кабанов С. К. 1977. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент.
- Кабанов С. К. 1978. Раскопки сельского поселения III–V вв. близ Карши // СА 1, 178–191.
- Курбанов Ш. 2014. Памятники античного периода верховьев Зеравшана. Душанбе.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. 1983. Тепаи-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. Москва.
- Лурье П. Б. 2014. Еще раз о «капеллах» Пенджикента и Верхнего Зеравшана // РА 1, 88–99.
- Лурье П. Б., Семенов Н. В., Степанов А. Ю. 2017. Стенная роспись из Хисорака // Bulletin of the Miho Museum 17, 61–80.
- Мандельштам А. М. 1965. Могильник Зосун // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР 2, 40–44.
- Маршак Б. И. 2012. Керамика Согда V–VII вв. как историко-культурный памятник. Санкт-Петербург.
- Маршак Б. И., Распопова В. И. 2012. Дворец VI века у подножия цитадели древнего Пенджикента. Санкт-Петербург.
- Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. 2010. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 1988 г. // АРТ XXXIV, 369–405.
- Неразик Е. Е. 1966. Сельские поселения Афригидского Хорезма. Москва.
- Нильсен В. А. 1966. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент.
- Пилипко В. Н. 1985. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад.
- Пилипко В. Н. 2015. Становление и развитие парфянской культуры на территории южного Туркменистана. Санкт-Петербург.
- Распопова В. И. 1990. Жилища Пенджикента. Ленинград.
- Рутковская Л. М. 1962. Античная керамика древнего Мерва // Труды ЮТАКЭ XI, 44–116.
- Сайко Э. В. 1975. Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии // Центральная Азия в кушанскую эпоху II. Москва, 301–307.
- Санджаршош, 2009–2018. Sanjar Shah, Tadschikistan [Электронный ресурс] URL: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt/projekt_5.htm?fbclid=IwAR2DGefulywVM0ae5acxvyLornxs-FqKnloR_ActoCJxsChu-pdJy3VT0I (Дата обращения: 30.04.2019)
- Седов А. В. 1987. Кобадиян на пороге раннего средневековья. Москва.

- Семенов Г. Л. 1996. Согдийская фортификация V–VIII вв. Санкт-Петербург.
- Смирнова О. И. 1953. Археологические разведки в верховьях Зеравшана в 1948 г. // А. Ю. Якубовский (ред.), Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж. ССР и ГЭ. Т. II. 1948–1950 гг. (МИА 37), 68–188.
- Смирнова О. И. 1961. Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII в. // Страны и народы Востока. Москва, 220–230.
- Соколовская Л. Ф. 2015. Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII – начала XIII вв.) // Археология стран Центральной Азии: архивные материалы 1. Самарканд.
- Ставиский Б. Я. 1958. Раскопки Кулдор-тепе // СГЭ XIV, 54–56.
- Ставиский Б. Я. 1959. Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. // АРТ V, 65–81.
- Ставиский Б. Я. 1988. [Статья редактора] // Якубов Ю. Я. Раннесредневековые поселения горного Согда. Душанбе, 4–5.
- Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я., Гарифуллина З. А., Давутов Д. Д. 2000. Отчет о работах российско-таджикской археологической экспедиции (РТАЭ) на верхнем Зеравшане в 1998 году // АРТ 27, 59–70.
- Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я., Гарифуллина З. А., Давутов Д. Д. 2000а. Использование глины (лёсса) в убранстве интерьера домусульманского дворца в Хисораке // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Москва, 239–244.
- Сулейманов Р. Х. 2000. Древний Нахшеб. Самарканд–Ташкент.
- Тереножкин А. И. 1940. Жилые постройки XI–XII вв. в Кара-Калпакской АССР // Известия УзФАН 7, 58–73.
- Тереножкин А. И. 1950. Чач и Согд // КСИИМК XXXIII, 152–169.
- Эшонкулов У. 2007. История земледельческой культуры Горного Согда. Душанбе.
- Якубов Ю. Я. 1976. Паргар VII–VIII вв. Душанбе.
- Якубов Ю. Я. 1988. Раннесредневековые поселения горного Согда. Душанбе.
- Якубов Ю. Я. 1993. Работы Верхнезеравшанского археологического отряда на поселении Наврузшах в 1984 г. // АРТ 24, Душанбе, 296–301.
- Kurbanov Sh. 2019. The Study of Ceramics from Sanjar-Shah. Technological, Cultural and Administrative Connections with Panjikent // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids Learnings and Conclusions from New Archaeological Investigations and Discoveries. Wiesbaden, 323–331.
- Lurje P. 2019. The Early Medieval Martshkat (Hisorak) in Upper Matcha and its Bactrian Connections // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids Learnings and Conclusions from New Archaeological Investigations and Discoveries. Wiesbaden, 333–348.
- Shenkar M., Kurbanov Sh. 2019. Sanjar-Shah: A Sogdian Town in the Zeravshan Valley. Some Preliminary Results of the Recent Archaeological Investigations // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids Learnings and Conclusions from New Archaeological Investigations and Discoveries. Wiesbaden, 307–321.

Г. В. Требелева, Т. Ю. Шведчикова

ЗАХОРОНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МАРКУЛЬСКОГО ХРАМА

Аннотация. Исследования на территории Маркульского храма проводились в 2014–2017 годах. В ходе работ были вскрыты захоронения на юге и на западе от храма внутри храмовой территории, а также на север, снаружи, вне храмовой ограды. Большая часть захоронений, безынвентарная и имеет переотложенный характер. Но тем не менее, были найдены бусины, перстни, монета плохой сохранности, сосуд из белой плотной импортной глины, которые в той или иной мере позволяют датировать данные захоронения. Основными датировочными материалами являются бусины и сосуд. Но в целом хронологические рамки остаются пока широкими: верхние, разрушенные более поздними перекопами и захоронениями, погребения датируются «цебельдинским временем», и скорее всего не поднимаются позднее 6 века. Нижние – относятся к периоду средневековья, точнее определить рамки пока не представляется возможным. Общими задачами антропологического исследования стала в основном половозрастная идентификация, определение минимального количества индивидов в коллективных захоронениях и определение наиболее ярких патологических проявлений. Численность захороненных на территории храмового комплекса составила 32 человека со значительным преобладанием доли мужских захоронений и присутствием захоронений детей разных возрастов. С целью определения местного происхождения погребенной группы, был проведен анализ содержания изотопов стронция, а также была сделана попытка реконструкции палеодиеты. Основная масса погребенных оказались представителями местного населения, питавшегося в основном растительной пищей.

Ключевые слова. Абхазия, Маркульское городище, храм, захоронения, цебельдинский период, керамика, бусины, половозрастной деморфизм, изотопный анализ стронция, реконструкция палеодиеты.

Abstract. Investigations of the territory of the Markulas temple in Abkhazia were undertaken in 2014–2017. Burials were found to the South and the West of the temple, both within the temple lands as well as outside. Most of them contain no grave goods. Among the finds there are beads, rings, a badly preserved coin, a vessel of dense white clay, which allow to date the burials. A series of the upper Tsebeldian period burials damaged by later burials can not be dated later than the 6th century. Lower burials are of the Medieval period, their precise dating impossible. The general task of the anthropological investigation was the classification of the burials by age and sex, the identification of pathological features. There were 32 people buried, most of them males and children of different ages. Isotopes of strontium were studied to identify the local origin of the buried, an attempt was made to reconstruct the palaeo-diet. Most of the buried were the natives of the area and their diet was vegetarian.

Key-words. Abkhazia, Markulas temple, ancient settlement, temple, burial places, Tsebeldian period, ceramics, beads, gender and age dimorphism, strontium isotope analysis, paleo-diet reconstruction.

Исследования на территории Маркульского храма (рис. 1) проводились в 2014–2017 годах.¹ За это время была вскрыта территория: самого храма до уровня пола (пол здания не вскрывался), к югу от храма до стены-ограды, к западу – до края обрыва плато (часть бывшей территории храма «ушла» в обрыв – разрушена природной абразией), а также частично территория к северу – до стены-ограды и небольшой участок за ней. Общая исследованная площадь составила 57 м² (17 м² – храм, 30 м² – прихрамовой территории, и 10 м² снаружи (рис. 2).

¹ Требелева и др. 2017; Требелева и др. 2018.

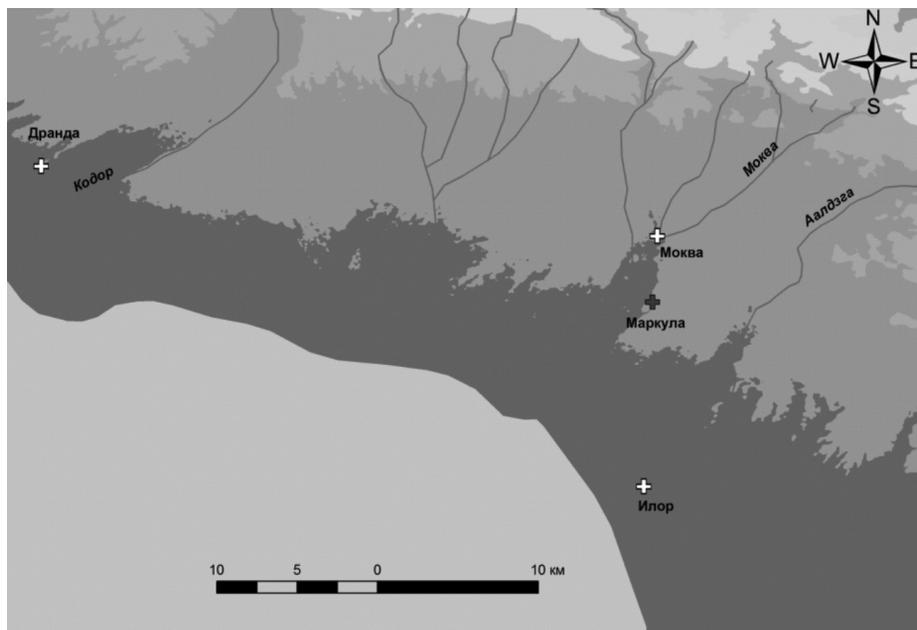

Рис.1. Карта Очамчирского района с указанием месторасположения храма в селе Маркула

В ходе раскопок 2014 г. в самом храме, в алтарной его части, была обнаружена грабительская яма со следами, скорее всего, разрушенного погребения. На ее дне были обнаружены остатки каменной вымостки (булыжник-кругляк), а также небольшой фрагмент черепной кости человека и два фрагмента стенок сосудов, толщиной 0,5 см, с орнаментом в виде волнистых линий.

В 2015 г. в процессе исследования территории на юг от храма были найдены многочисленные фрагменты скелетов людей. Большое количество погребальных сломов подтверждает неоднократное перемещение останков и переотложенный характер их захоронения. Так как большая

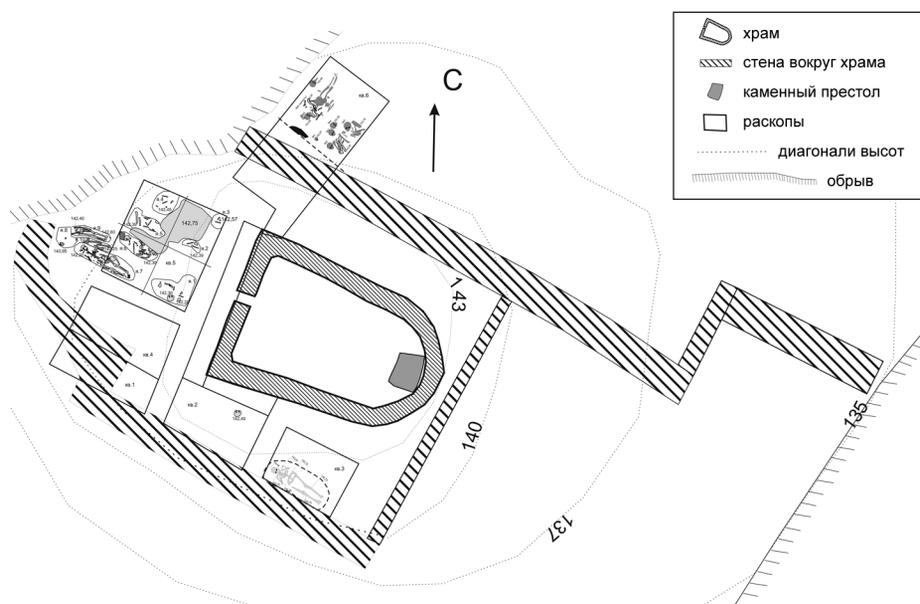
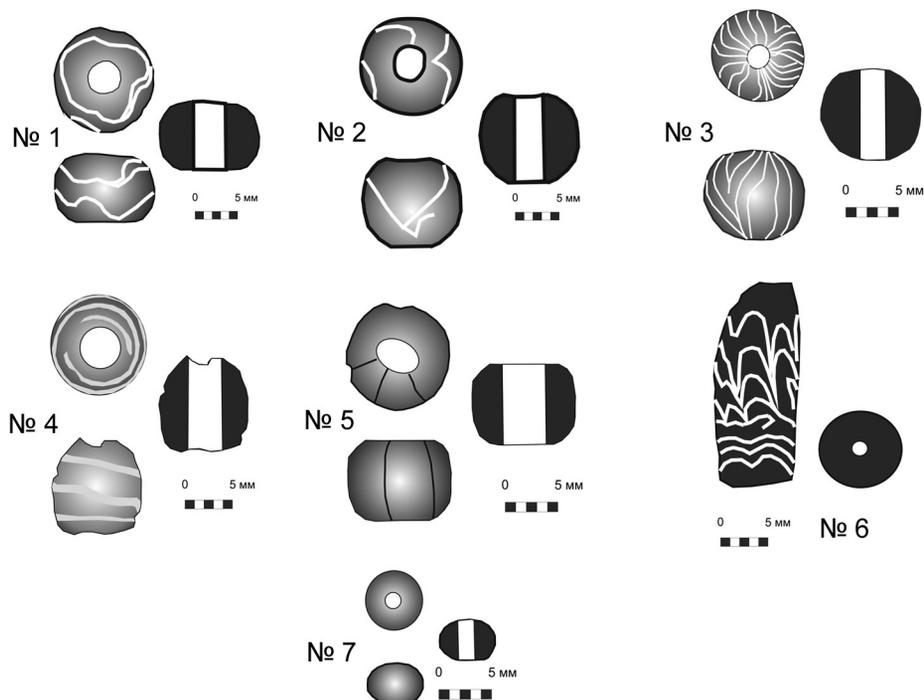

Рис. 2. План храма и территории с раскопами и захоронениями

Рис. 3. Бусины, из захоронений на территории храма

часть человеческих останков находилась в перемешанном слое, то основной задачей исследования на этом этапе стал подсчет минимального количества захороненных индивидов. Их общее число (включая трупоположение в кв. 3) составило не менее 8 человек, среди которых находились как мужчины, так и женщины, а также один подросток и один ребенок. Вместе с этими останками в перемешанном слое также найдены бусины из пасты (рис. 3, № 1–5, 7), которые датируются “цебельдинским временем”. Аналоги подобным бусинам находим в захоронениях исследованных М. М. Трапшем.²

Сохранное погребение, заглубленное в материк, представляло захоронение мужчины 20–24 лет (рис. 4). Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, со скрещенными на груди руками, ориентирован головой на запад. Голова приподнята и прижата подбородком к груди, на уплотненном глинисто-песчаном грунте – «подушке», возможно, естественного происхождения. Сохранность скелета: череп во фрагментах, разрушенная нижняя челюсть, фрагмент правой лопатки, парные ключицы (левая без стернального окончания), парные плечевые (левая с разрушениями в районе нижнего эпифиза), парные лучевые, локтевые (правая без нижнего окончания) с посмертными переломами, правая бедренная с посмертным переломом в середине диафиза, левая бедренная без нижнего эпифиза, парные большеберцовые (левая без верхнего эпифиза), нижний эпифиз левой малоберцовой, кости стоп и кистей рук, парные тазовые и крестец во фрагментах, 7 шейных, 10 грудных, часть из которых находилась во фрагментах, 5 поясничных позвонков. На верхней челюсти отмечены следы прижизненной билатеральной утраты третьих моляров, отсутствие третьего моляра с левой нижней стороны, наличие зубного

² Трапш 1971, Табл., XIII, XIX, XXIV, XXVII, L; 1975, 16–61, Табл. III, IV, VI, VIII.

Рис. 4. Погребение 1. Вид с востока

камня на нижних и верхних резцах. Расширение суставных площадок головок бедренных костей, а также фиксация набора признаков, характерных для так называемого «комплекса всадника» свидетельствуют о том факте, что погребенный был всадником. На шейных позвонках фиксируются признаки остеохондроза. Длина бедренной кости составила 454 мм, большеберцовой – 370 мм. Реконструированная длина тела составила 168,7 см по Ролле³ (рис. 5).

С западной стороны храма в результате работ 2016 г. были обнаружены множественные захоронения (рис. 6). В верхних слоях раскопа (слои 2–6, глубина залегания 10–45 см) находились переотложенные мелкие фрагменты скелетов, могильные ямы отсутствовали. Среди фрагментов скелетов были найдены два перстня (рис. 7, № 3, 4), бусина из пасты

³ См. Пашкова 1963.

Рис. 5. Погребение 1. Сохранность скелета

(рис. 3, № 6), представляющая собой частично обломанный непрозрачный черный цилиндр с волнистыми белыми волокнами в виде двух волн, а так же медная монета (рис. 8, 1) очень плохой сохранности, ее атрибуция в связи с этим крайне затруднена, но с одной из ее сторон достаточно четко просматривается профиль амфоры.

На глубине 7 слоя (–50–55 см) стали прорисовываться очертания ям, оказавшихся заполненными останками погребенных без анатомического порядка (за исключением погребенного в яме 7, костяк которого «уходил» под борт раскопа и в 2016 г. был законсервирован и доследован в 2017 г.). Эти костные останки имели лучшую сохранность, нежели обнаруженные в верхних слоях, но в целом также были сильно поврежденными. Инвен-

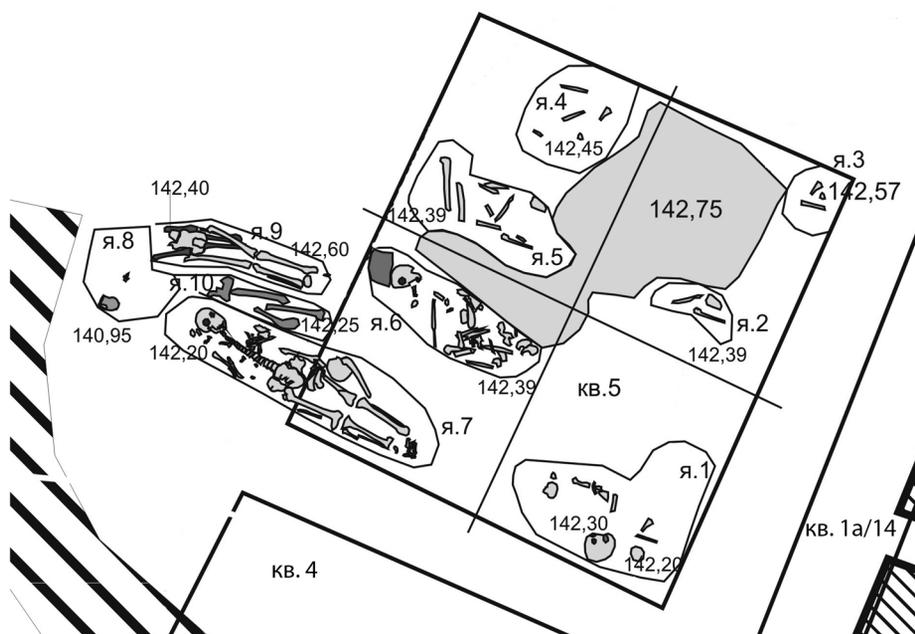

Рис. 6. План захоронений к западу от храма (с указанием глубин в абсолютной высоте по Балтике и номеров могильных ям)

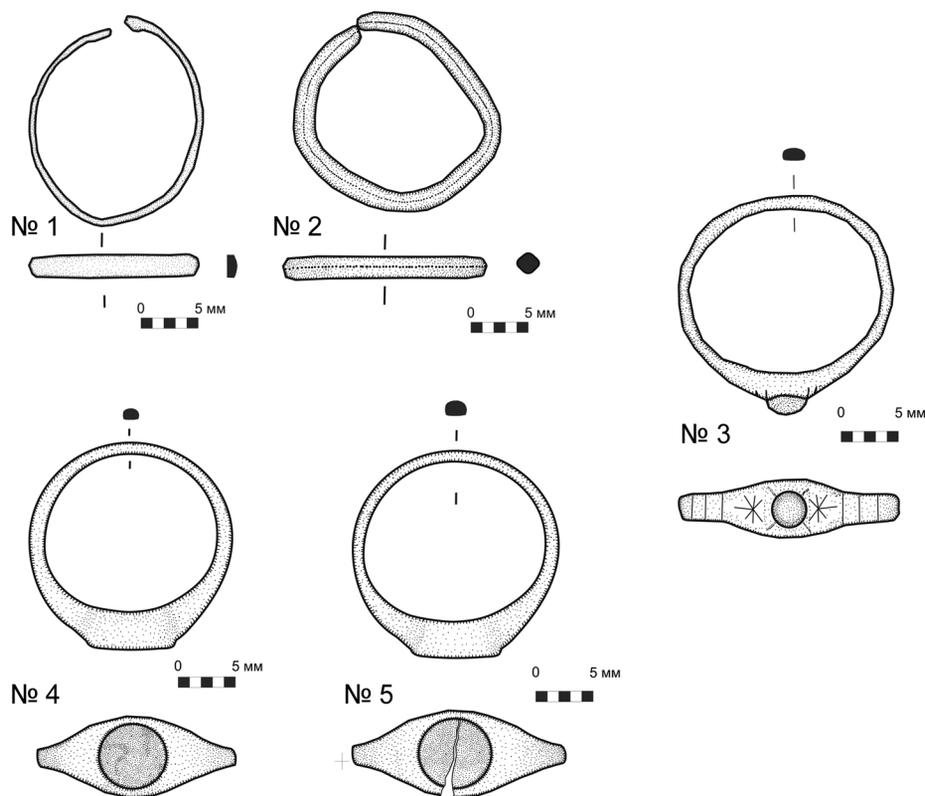
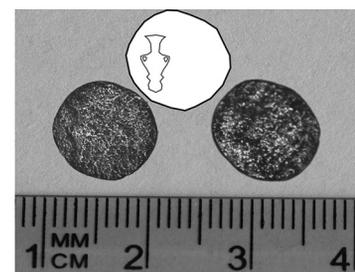

Рис. 7. Кольца из коллективного захоронения в квадрате 5: № 1 – прирезка 2, яма 9, верхний погребенный, № 2 – прирезка 2 (яма 8, на краю обрыва); № 3 – квадрат 5, сектор 4, шт. 2; № 4 – квадрат 5, сектор 1, шт. 4; № 5 – квадрат 5, сектор 3, шт. 8 (яма 4)

таря в захоронениях практически не было. Лишь в яме 3, в борту раскопа был обнаружен сосуд из белой плотной импортной глины (рис. 9, № 2), обнаруженный на глубине 60 см, кости погребенного были открыты на глубине 65 см. В яме 4 был найден перстень (рис. 7, № 5). Но данная яма находится лишь на 20 см ниже исходного уровня под грабительской и, возможно, перстень мог также попасть в нее из верхних слоев при грабительских раскопках. В целом, учитывая переотложенный характер захоронения на участке, практически отсутствие анатомического порядка и фрагментарность, возможным (как и по итогам работ 2015 г.) стало установление лишь минимального количества погребенных, которое составило в общей сложности 9 человек. Подсчет был произведен по наиболее представленному элементу скелета – левой бедренной кости.

В 2017 г. работы велись на двух участках, один из которых содержал погребение в яме № 7 и требовал исследования, а второй, размером 2,5×5 м, располагался на север от храма и представлял собой коллективное захоронение. Погребенный в яме № 7 лежал головой на запад, ногами на восток, вытянутым на спине со скрещенными на груди руками. При его вскрытии были обнаружены останки (кости) второго человека, включая остатки черепа у левого бедра. Часть костей «уходило» в северный борт. Это побудило сделать еще одну прирезку («Прирезка 2») на 50 см к северу от могильной ямы второго погребенного. Вскрытие было начато с самого края обрыва и дало находку остатков погребений «ушедших» в обрыв: фаланга пальца с бронзовым проволочным кольцом на глубине 89 см (рис. 7,

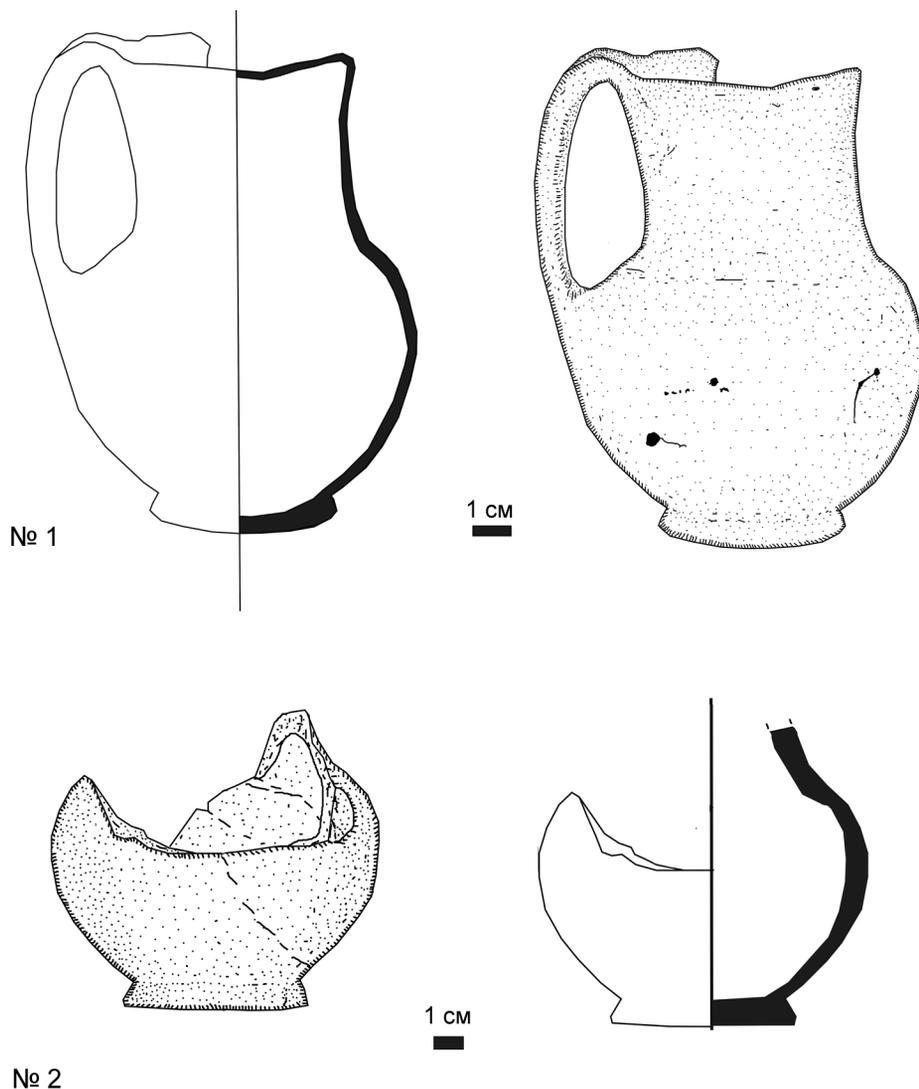
№ 1

№ 2

Рис. 8. Нумизматические находки: № 1 – медная монета, квадрат 5, слой 4; № 2 – серебряная монета или медальон (?), квадрат 6, коллективное захоронение 2

Рис. 9. Сосуды: № 1 – кувшинчик с края обрыва в прирезке 2 квадрата 5; № 2 – сосуд из квадрата 5, погребальной ямы 3

№ 2), и небольшого целого сосуда (рис. 9, № 1) на глубине 100 см. По всей видимости, ранее данный сосуд стоял у ног погребенного, но сами костные останки оказались в обрыве в результате эрозии почв. На глубине ниже 85 см весь участок упирался в скальный плотный песчано-глинистый грунт. Выше были обнаружены три уровня захоронений, большей частью разрушенных (сохранились лишь кости ног и частично таза). Верхний погребенный залегал на глубине 50–57 см и представлен костями ног. Возле левой ноги было обнаружено тонкое проволочное бронзовое кольцо (рис. 7, № 1). Прямо под ним, на глубине 68–71 см был обнаружен еще один погребенный, также представленный костями ног. Оба этих погребенных находились в могильной яме, прорубленной в материке. Третий погребенный, залегал на глубине 79–85 см, он был захоронен в другой могильной яме, прорубленной частично к погребенному, вскрытому нами в этом году ранее. Представлен он так же не полным скелетом, а лишь частью костей ног и таза.

Рис. 10. Фото коллективного захоронения с внешней стороны стены-ограды храма: 1 – верхний слой (–40 глубина залегания захоронения); 2 – нижний слой (–60 глубина залегания захоронения)

На территории к северу от храма, которая оказалась с внешней стороны стены-ограды, было обнаружено коллективное захоронение 2 (рис. 10). Зачистка погребений показала, что погребенные находились на глубине –40, и –60 см, их анатомический порядок был нарушен. Всего здесь было захоронено 9 человек, из которых: 1 младенец, 1 юноша, 3 взрослых женщины и 4 взрослых мужчины. Инвентарь при погребенных отсутствовал, однако среди костных останков был найден серебряный медальон с арабской надписями: с одной стороны написано «Во имя Мухаммеда», с другой – «Во имя Аллаха» (рис. 8, 2). Учитывая переотложенный

Табл.1. Половозрастные определения захороненных в храме Маркулы

№	Год раскопок	Локализация	Пол	Возраст
1	2015	Кв. 2/15	мужчина	Adultus II (30–35)
2	2015	Кв. 2/15	мужчина	Maturus I-II (40–45)
3	2015	Кв. 2/15	женщина	adultus
4	2015	Кв. 2/15	подросток	juvenilis
5	2015	Кв. 3/15	мужчина	senilis
6	2015	Кв. 3/15	ребенок	infantilis
7	2015	Кв.4/15	мужчина	adultus
8	2015	Кв.4/15	женщина	adultus
9	2016	Кв. 5/16	женщина	maturus
10	2016	Кв. 5/16	мужчина	maturus I–II
11	2016	Кв. 5/16	женщина	adultus II – maturus
12	2016	Кв. 5/16	мужчина	35-39
13	2016	Кв. 5/16	мужчина	adultus II – maturus I
14	2016	Кв. 5/16	мужчина	adultus I–II
15	2016	Кв. 5/16	мужчина	adultus I (25–29)
16	2016	Кв. 5/16	подросток	Juvenilis (19–20)
17	2016	Кв. 5/16	ребенок	Infantilis II (12–15)
18	2017	Кв. 5/17	ребенок	Infantilis I
19	2017	Кв. 5/17	мужчина	adultus II
20	2017	Кв. 5/17	женщина	30–35
21	2017	Кв. 5/17	мужчина	40–45
22	2017	Кв. 5/17	мужчина	35–39
23	2017	Кв. 5/17	женщина	maturus I–II
24	2017	Кв.6/17	ребенок	Infantilis 1 (0.5–1)
25	2017	Кв.6/17	женщина	adultus II– maturus I
26	2017	Кв.6/17	женщина	maturus II-senilis
27	2017	Кв.6/17	женщина	adultus II– maturus
28	2017	Кв.6/17	мужчина	maturus II – senilis
29	2017	Кв.6/17	мужчина	35–39
30	2017	Кв.6/17	мужчина	40–45
31	2017	Кв.6/17	мужчина	30–35
32	2017	Кв.6/17	мужчина	Juvenilis 17–19

характер захоронений, однозначно утверждать, что этот медальон относился к погребенным, мы не можем.

Принимая во внимание специфику антропологического материала, полученного в ходе исследований храмового комплекса – фрагментированность и переотложенный характер захоронения большей части скелетов – задачами антропологического исследования стали половозрастная идентификация, определение минимального количества индивидов в коллективных захоронениях и определение наиболее ярких патологических проявлений.

По произведенным подсчетам численность захороненных на территории храмового комплекса составила 32 человека со значительным преобладанием доли мужских захоронений и присутствием захоронений детей разных возрастов.

Если говорить о степени полового диморфизма среди мужского и женского населения, то можно говорить о его высоком проявлении, выраженном в основном массивностью мужских скелетов и плотностью костной ткани. В целом, делая вывод о частоте присутствия патологических проявлений, следует отметить, что процент их встречаемости невелик. Это один случай заросшего прижизненного перелома большеберцовой кости мужчины (индивид № 13), а также увеличение толщины свода черепа индивида № 10. Подобная патология уже наблюдалась на некрополе храма и была зафиксирована при изучении материалов 2015 г. раскопок из квадратов 2/15 и 4/15 на аналогичной сезону 2016 г. глубине. Подобного рода гиперостозы с увеличением губчатого слоя диплоэ вплоть до величин 2–2,5 см зачастую связывают с проявлениями анемий и приспособительной реакцией организма на такое острое паразитарное заболевание как малярия. Свидетельства о схожих палеопатологических проявлениях можно найти на античных памятниках средиземноморского региона, а также в некрополях греческих колоний Причерноморья.⁴ Частота встречаемости патологии на материале Маркульского храма (5 индивидов из 32-х) говорит как о возможном широком распространении малярии, так и родственных связях захороненных, поскольку обнаруженная патология имеет генетический характер. Территория Абхазии и сопредельных прибрежных районов РФ известны очагами распространения малярии с древности вплоть до второй половины XX века, когда она была официально побеждена.⁵ Тем не менее, в исследованной группе велик процент людей доживших до возраста интервала *maturus II – senilis*.

Фрагментированность материала также обусловила использование метода изотопного исследования костной ткани на предмет реконструкции пищевых предпочтений погребенных и степени мобильности группы. Данное сообщение не предполагает подробного обсуждения результатов изотопного исследования и ограничится общими выводами.

С целью определения местного происхождения погребенной группы был проведен анализ содержания изотопов стронция в зубной и костной ткани восьми захороненных из раскопок 2016 г. Изучение соотношения изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ – это активно использующийся в современных палеоантропологических исследованиях инструмент для оценки степени мобильности древних людей. Стронций попадает в костную и зубную ткань человека и животных посредством пищевой цепи и является величиной постоянной при условии обитания в одной местности и незначительной мобильности. Соотношение изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ зависит от возраста геологических пород и их состава.

Изотопные сигналы стронция в исследованной серии колеблются от 0.708527 до 0.710201. Выделяется группа индивидов со значениями

⁴ Keenleyside, Panayotova, 2005.

⁵ Джапаридзе, 1954.

порядка 0.7091. Выделение этой группы из общего контекста может быть объяснено их неместным происхождением. Схожие по значениям показатели характерны и для погребенных из склепа храма у с. Весёлое (район Адлера) 9–11 вв., краниологически определенных как представителей локального населения и одонтологически являющихся предками современного абхазского населения.

Следующим этапом работы с антропологическим материалом стала реализация второго типа изотопных исследований, который заключался в рассмотрении изотопных показателей азота и углерода в костях и зубах человека с целью реконструкции палеодиеты. В основе метода лежит способность растений, животных и людей накапливать в тканях в составе органических соединений стабильные изотопы углерода $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{14}\text{N}/^{15}\text{N}$. Соотношение показателей изотопов азота и углерода у конечного потребителя, то есть человека, говорит о характере его пищевых предпочтений и доли растительного и мясного компонентов в диете. Для анализа были взяты 15 образцов костной и зубной ткани индивидов, обнаруженных в результате археологических исследований Маркульского храма в 2015–2017 гг. и 1 образец от погребенной женщины с юго-западного склона городища (шурф 2), т.е. похороненной далеко за пределами храма.⁶

Средние значения 16 образцов составили $-12,88/8,54$. Самые высокие показатели азота в 10,4 фиксируются у женщины из шурфа 2, минимальные (6,10) – у ребенка возраста *infantilis II*, также как и самый низкий показатель углерода ($-14,23$) (работы 2017 г.). В целом, диету погребенных можно охарактеризовать как основанную преимущественно на растительных компонентах с небольшим участием мясной и молочной пищи. В питании основу составляли растения C4 типа фотосинтеза – для периода существования городища, это скорее всего просо.

В плане исторических реконструкций представляется интересным сравнение с выборкой из раскопок храма у с. Веселое 9–11 вв. (Адлерский район), где изотопному анализу подверглись 124 индивида. В рационе питания этого населения, занимавшего территорию самой западной оконечности Абхазского царства, также преобладала растительная пища и растения C4 типа фотосинтеза, но отличалась большим разнообразием. Обе группы обнаруживают схожие тенденции, но диета населения Маркулы оказалась более специализированной и традиционной. Подобного рода исследования представляются перспективными в плане изучения хозяйственного уклада древних сообществ и изучения динамики изменения традиций питания в регионе в эпохальных масштабах, и становятся возможными с накоплением антропологического материала. Отсутствие сравнительных выборок с территории современной Абхазии и Западной Грузии, немногочисленные серии сопредельных территорий, несомненно, затрудняют переход на уровень исторических обобщений. В этом смысле раскопки Маркульского храма являются крайне актуальными.

⁶ Первичная пробоподготовка (выделение коллагена) осуществлена на базе лаборатории пробоподготовки группы физической антропологии ИА РАН, аналитическая часть исследования (определение изотопного состава коллагена) осуществлялась в Центре коллективного пользования «Масс-спектрометрические исследования» ЦКП (изотопного анализа) Института проблем экологии и эволюции им А. Н. Северцова РАН.

ЛИТЕРАТУРА

- Джапаридзе П. С. 1954. Малярия в Абхазии. Сухуми.
- Пашкова В. И. 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. Москва.
- Трапш М. М. 1971. Культура цебельдинских некрополей (Труды в 4-х томах. Т. III.) Сухуми–Алашара.
- Трапш М. М. 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии (Труды в 4-х томах. Т. IV). Сухуми–Алашара.
- Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю., Хондзия З. Г., Шведчикова Т. Ю. 2018. Маркульское городище: от античности до генуэзского времени. (Результаты исследований 2013–2017 гг.) // У. Ю. Кочкаров (ред.), Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск, 269–271.
- Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю., Хондзия З. Г., Шведчикова Т. Ю. 2017. Маркульское городище // КСИА 249/2, 265–275.
- Keenleyside A., Panayotova K. 2006. Cribra Orbitalia and Porotic Hyperostosis in a Greek Colonial Population (5th to 3rd centuries BC) from the Black Sea // International Journal of Osteoarchaeology 16, 373–384.

СОКРАЩЕНИЯ

АП УРСР	– Археологічні Пам'ятки УРСР
АРТ	– Археологические Работы в Таджикистане
АС	– Археологический Сборник
БИ	– Боспорские Исследования
БС	– Боспорский Сборник
БФ	– Боспорский Феномен. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 1998–
ВДИ	– Вестник Древней Истории
ДБ	– Древности Боспора
ЖМНП	– Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей.
Известия УзФАН	– Известия Узбекского Филиала Академии Наук СССР
ИНМВ	– Известия на Народния Музей Варна
КБН	– Корпус Боспорских Надписей. Москва–Ленинград, 1965
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии
КСИИМК	– Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры
КФУ	– Крымский Федеральный Университет
МАИЭТ	– Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии
МИА	– Материалы и Исследования по Археологии СССР
МПАЭ	– Материалы Пенджикентской Археологической Экспедиции: вып. XIII (2011); XIV (2012); XV (2013); XVII (2014); XXI (2017); XXII (2018) XXIII (2019). Санкт-Петербург
МТЭ	– Материалы Тохаристанской Экспедиции
НЭ	– Нумизматика и Эпиграфика
ПИФК	– Проблемы Истории, Филологии и Культуры
РА	– Российская Археология
СА	– Советская Археология
САИ	– Свод Археологических Источников
СГМИИ	– Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГИМ	– Труды Государственного Исторического Музея
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
Труды АН УзССР	– Труды Академии Наук Узбекской ССР
Труды ХАЭЭ	– Труды Хорезмийской Археолого-Этнографической Экспедиции
Труды ЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции

Фанагория	– Кузнецов В. Д. (ред.). Фанагория. Результаты археологических исследований. Москва
AJA	– American Journal of Archaeology
BAR	– British Archaeological Reports
BASOR	– Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique
BSA	– Annual of the British School at Athens
DOC 1	– Bellinger A. R. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 1. Anastasius I to Maurice. 491–602. Washington, 1992.
IAA	– Israel Antiquities Authority
IOSPE	– Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae.
JGS	– Journal of Glass Studies
LGPN	– Lexicon of Greek Personal Names. Vols. I–Vb. Oxford, 1997–2013
OGIS	– Dittenberger W. (ed.). Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vols. 1–2. Leipzig, 1903–1905 (repr. Hildesheim, 1970)
PFay	– B. P. Grenfell, A. S. Hunt, D. G. Hogarth (eds.). Fayum Towns and their Papyri. London, 1900
POxy	– B. P. Grenfell, A. S. Hunt et al. (eds.). The Oxyrhynchus Papyri. 42 vols. London, 1898–1974
SNG Stanc.	– Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000
The Athenian Agora 12	– Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6 th , 5 th and 4 th Centuries B. C. (The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XII). Princeton, 1970

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYPANIS
Труды отдела классической археологии ИА РАН
Выпуск 1

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 20.12.2019. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии: ООО «Новые решения»

ISBN 978-5-94375-307-7

9 785943 753077